

Людмила Логвинова

Мы даже смерти выше

Николай Майоров

Л691

Логвинова Л.И.: Мы даже смерти выше –
Москва, «ЛоТоС», 2014. – 213 стр.

Книга посвящена страницам жизни и творчества поэта Николая Петровича Майорова (20мая 1919 - 8февраля 1942), погибшего у д. Баранцево, на Смоленщине, при завершении Ржевско-Вяземской наступательной операции.

Книга – часть проекта «Имена на поверке».

Н. Майоров. «Мы» / <http://www.litmir.net/bd/?b=191487>

Н. Майоров. «Мы были высоки, русоволосы...» /

<http://www.litmir.net/bd/?b=191406>

О Николае Майорове / <http://www.litmir.net/a/?id=79291>

Автор представляет поэта Николая Майорова в воспоминаниях его друзей и размышлениях о нем наших современников.

Впервые публикует материалы из Военных архивов и приводит текстовые записи рассказа близкого друга поэта (аудиоинтервью), тексты стихотворений, опубликованных литературоведом В.А. Ружиной, но не вошедших в авторские сборники Н.Майорова, и ранее не оцифрованных.

Публикуются фотографии, связанные с судьбой молодого поэта-фронтовика.

Майоров, Николай Петрович –

[http://ru.wikipedia.org/wiki/Майоров,_Николай_Петрович_\(поэт\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Майоров,_Николай_Петрович_(поэт))

Книга может быть полезна широкому кругу читателей.

© Логвинова Л.И., 2014г.

Свидетельство о регистрации ООО «Литературный Клуб»
№ 214020700840 от 07.02.2014г.

Печать: Mandarin, Израиль, Нетания, hazuran д.4

Телефон: 0544564990, 0544564990 07.02.2014

Опубликована в авторской редакции.

Автор, редактор и составитель книги — Л. Логвинова.

Электронная почта: miladnv@mail.ru

Содержание:

Мы даже смерти выше.....	6
1. «О нас прошла всесветная молва...».....	6
2. «Мы пили жизнь до дна и умирали...».....	12
3. «С чьей жизнью жизнь свою соизмерять?».....	16
4. «Я полюбил весомые слова...».....	19
5. «Как я любил, о том расскажут после».....	24
6. «Что-то ждет меня в этом году?».....	28
7. «Нам это долго не простится...».....	31
8. Память, как совесть.....	36
9. «Только павшим очень нужно, чтобы помнили...».....	38
Воспоминания и размышления.....	41
Владимир Жуков.....	41
Друг.....	41
Николай Майоров.....	52
Николай Глазков.....	54
Майским днём.....	54
Даниил Данин.....	58
Памяти Николая Майорова.....	58
Борис Слуцкий.....	63
Последняя встреча.....	63
Михаил Львов.....	64
Николай Майоров.....	64
Павел Антокольский.....	65
(Предисловие).....	65
Письмо родителям Николая Майорова.....	66
Сергей Наровчатов.....	67
Улица Николая Майорова.....	67
Андрей Турков.....	75
Слово о поэте.....	75
Ирина Пташникова.....	78
Студенческие годы.....	78
Из воспоминаний И. В. Пташниковой.....	83

Ирина Пташникова вспоминает	85
Письма Н. Майорова	100
Александр Немировский	105
Памяти Николая Майорова	105
Литературно-творческая группа студентов МГУ	106
Владислав Ремарчук	107
Разговор с Александром Немировским	107
Вадим Ружина	109
Из «Революция, любовь, мужество»	109
Стихи, ранее не опубликованные в сборниках	115
ЗАКАТ	115
ЕГО ГЕРОИ	115
НОЧЬ	116
АВГУСТ	116
ДЕТСТВО	117
...Он для тебя украсит стены	118
ЗОВ ЖИЗНИ	118
Леонид Таганов	119
Ивановское братство поэтов-фронтовиков	119
Виталий Сердюк	132
Страницы жизни Николая Майорова (отрывок)	132
Лев Аннинский	137
Николай Майоров:	137
Наталья Чернова	148
«Где мы прошли...»	148
Николай Голубев	155
В чем сущность жизни?	155
«Мы любили жизнь, но вас мы любили больше»	161
Вячеслав Терентьев	174
Тайны поэта «с божьей искрой»	174
Из газеты Томского университета	192
«Это нужно не мертвым, это нужно живым»	192
Вольфганг Казак	193
О творчестве Николая Майорова	193
Иллюстрации	194
Николай Майоров. Студент МГУ	194
Николай Майоров. 1940 год	195

Н.Майоров. Рисунок Николая Шеберстова.....	196
Николай Майоров. 1938 г.....	198
Николай Майоров с друзьями.....	198
Николай Майоров и Константин Титов.....	199
Н. Майоров и В. Жуков.....	199
Фото из газеты «Правда».	200
Дом, в котором жила семья Майоровых.....	201
Старое Иваново.....	201
Иваново. Общий вид города.....	202
Бывшая начальная школа №5.....	202
Школа №33.....	203
Семья Майоровых:.....	203
Отец Петр Максимович.....	203
Мать Федора Федоровна.....	204
Брат Алексей.....	204
Брат Иван.....	204
Брат Виктор.....	205
Брат Александр.....	205
По местам памяти.....	206
Мемориальная доска.....	206
Памятный знак.....	207
Обложка первого сборника.....	207
Обложка сборника Николая Майорова.....	208
Кармановский мемориальный комплекс.....	208
Памятник Николаю Майорову.....	209
Учетная карточка воинского захоронения.....	210
Поименные списки захоронения.....	210
Донесения о безвозвратных потерях.....	211
Донесения о безвозвратных потерях.....	211
Из донесения о безвозвратных потерях.....	212

Мы даже смерти выше...

Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
и ждем приказа нового. И пусть
не думают, что мертвые не слышат,
когда о них потомки говорят.¹
(1941)

1. «О нас прошла всесветная молва...»

Великая Отечественная война 1941-1945 годов.
Тысяча четыреста восемнадцать дней и ночей.
Битва советского народа с фашизмом.
Не былинные богатыри — обычные люди, сыновья, дочери, их
отцы и матери.

Из каждых ста человек, ушедших на фронт, вернулись трое.
Чем более отдаляется военное лихолетье, тем чаще приходят
мысли не только о героике, подвигах и посмертной славе, о памяти и
забвении. Хочется понять тех парней, не абстрактно мечтавших о
будущем, но и по духу своему готовых защитить Родину, выполнить
приказ «сражаться до последнего, ни шагу назад».

Среди них — молодые поэты Николай Майоров и Михаил
Кульчицкий, Борис Смоленский и Павел Коган, Алексей Лебедев и
Владимир Жуков, Юлия Друнина, Сергей Гудзенко, Борис Слуцкий,
Давид Самойлов, Сергей Наровчатов и миллионы их сверстников. Не
все вернулись... Но жизнь продолжается — на земле, за которую
погибли поэты и музыканты, художники и рабочие, крестьяне и
будущие ученые... Давно это было или недавно — у каждого свой
отсчет времени, свое незабываемое, тревожащее мысли. Война —
тема, по-прежнему близкая потомкам тех, кто сражался за Победу на
фронте и в тылу. «Неуспокоенная», поэтесса нового поколения, по-

---

¹ Здесь и далее: Николай Майоров. «Мы были высоки, русоволосы...». Ярославль: — «Верхневолжское книжное издательство».1969.144 с. / [Электронный ресурс]. «Мы были высоки, русоволосы...». // <http://www.litmir.net/bd/?b=191406> (02.02.2014).

женски проникновенно, не лукавя, размышляет о поэтах, не вернувшихся с войны:

«Заслоняли полсвета
Чёрных свастик клыки.
Поменяли поэты
Карандаш на штыки.
Обнимая планету,
Как сестру или мать,
Умирали поэты...

Только строкам — пылать,
Разгораться — рассветам,
Голубым небесам,
Звонким птичьим приветом
Вторить их голосам!

... Дописали до точки,
Погибая в бою,
Родниковые строчки
За Россию свою!..
Эти строки, доныне,
Как солдаты в строю,
Голоса их родные —
Среди всех узнаю!..»²

Направляясь на призывные пункты в сорок первом, студенты, отнюдь не наивные мальчики знали: их долг — стать бойцом, мужественно защищая свою Родину. Словно подготавливая к предстоящим боям, были далекие Мадрид, Халхин-Гол, Седан и близкая советско-финская война, на которой погибли их друзья — поэты Николай Отрада, Арон Копштейн, ранены свои же – Владимир Жуков³, Сергей Наровчатов.

---

² Мохова Л. «Поэтам-фронтовикам». [Электронный ресурс]. Сайт «Стихи.ру». Любовь Мохова. // <http://stihi.ru/2012/02/04/7838> (23.02.13).

³ Владимир Семёнович Жуков (1920—1997) – советский, русский поэт, друг Николая Майорова.

Война, опозитизированная, как героико-романтический образ, обрела свой истинный, трагический смысл — несущая смерть, и входила в судьбу молодого поколения, становясь его историей. С чистой страницы начиналась фронтовая поэзия.

Мужали «мальчики» зимой 1939-1940-го, осознавая через боль утрат: война — не романтика. Своею «смертию смерть поправ», — ради жизни других...

В Москве друзья читали последние стихи Арона Копштейна («Поэты»):

«Но в январе сорокового года
Пошли мы, добровольцы, на войну,
В суровую финляндскую природу,
В чужую незнакомую страну».

Выразив мысли, рожденные на фронте, поэт-воин предвосхитил написанное позднее «Жди меня» (К.Симонов), «Темная ночь» (В.Агатов), «В землянке» (А.Сурков) и другие стихи и песни, ставшие близкими фронтовикам:

«Если что-нибудь со мной случится,
Если смерть в бою разлучит нас...
<...>
Но не верь ты этому известью,
Не печалься, даром слез не трать:
Мы с тобой не можем быть не вместе,
Нам нельзя раздельно умирать».
(«Мы простились». 1940)

Сергей Наровчатов, уходя на Великую Отечественную войну, помнил недавнюю, первую для него:

«Мы вернулись домой,
Повзрослев на пятнадцать
Прижимисто прожитых
Лет». («1940-1941»)

Юношеское потрясение не забылось: спустя сорок лет он все еще помнил: «Я понял, что такое взрослость, какая это страшная вещь... Из батальона в 970 человек осталось нас 100 с чем-то, из них 40 человек невредимыми».⁴

---

⁴ Новый мир. 1988. № 11. с. 219.

По мнению Александра Блока именно поэту дано слышать голос из глубины мира. Не потому ли в предвоенных стихах молодых авторов явственно зазвучала скорбная нота — предчувствие ранней гибели? Павел Коган, Борис Смоленский, Николай Майоров — они вдруг разом заговорили о себе в прошедшем времени:

«Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
В столбцах газет, набросках на холсте».
(«Мы», 1940)

Не случайно поэт двадцати лет от роду написал прижизненную эпитафию своему поколению:

«Мы все уставы знаем наизусть.
Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
И ждем приказа нового. И пусть
Не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них потомки говорят».
(«Нам не дано спокойно сгнить в
могиле...», 1941)

Вероятно, предысторией создания стихотворения «Мы» стали размышления о советско-финляндской войне и энтузиазме строителей нового общества, о сверстниках и отцах. Чтобы не «потеряться» в быстро изменяющемся мире, ощущая запах войны, нужно было знать — ты не один, нас много, и вместе мы сильны. Написанное Николаем Майоровым стихотворение выражало его размышления, переданные языком поэзии. Время жизни не выбирают, но время выбирает того, кто говорит от его имени.

Ожидание войны, несмотря на бодрые песни и славословия, чувствовалось в сороковом, тем более в столице, в среде интеллигенции. Боятся ли человек смерти? Да. Но «на миру и смерть красна». Именно в те дни молодым поэтом было осознано столь необходимое понимание «мы», как единение народа, неразрывную связь отцов и сыновей: одна для всех история прошлого, настоящего и будущего. Мы — новая общность людей, крепнущая сила молодых, готовящих себя к защите завоеванного отцами. Строгие, чеканные строки сегодня воспринимаются, как духовное завещание сыновей будущим поколениям:

«Не все умрет. Не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячий, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли».
(«Мы», 1940)

Понятно желание — остаться в памяти потомков такими, какими они были, ибо горды тем, как жили, «как любили» и «брали пламя голыми руками», «жгли костры и вспять пускали реки», «грудь раскрывали ветру» и «тянули воду полными глотками». «И шли вперед, и падали» — это все их жизнь. Жизнь — такая, что не стоит слагать о ней легенды. Они сами — герои, каждый — «шалльной трубач» нового времени. Их судьбы слиты в одну — судьбу страны. Пафос, велеречивость, надрыв голоса совершенно чужды творчеству Николая Майорова. Не случайна ремарка: «Так я пишу», т.е. голос не только поэта, но и гражданина.

Именно «я» подчеркивает личное суждение автора и позволяет говорить от имени современников с поколением, которое придет после «них»:

«Пройдут века, и вам солгут портреты,
Где нашей жизни ход изображен.
Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочитаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы».
(«Мы», 1940)

Так в 1940-м, предвоенном году, из жизни в литературу пришел герой своего времени — «мы-поколение», которое вошло в историю народа, как поколение победителей.

«Мы» — те, кто «в плоть одели слово «Человек!»⁵, те, кого вскоре созовет трубач, те, кто станут «смерти выше». И весь мир, содрогаясь, будет следить за торжеством и драмой поколения фронтовиков, «мальчиков», взрослых и мужавших при Советской власти. В творческом наследии Николая Майорова каждый найдет свое, близкое ему. Думаю, и сегодня многим запоминаются литые

---

⁵ «Чело-век! Это – великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека». – Горький М. «На дне».

строки оптимистичного стихотворения «Мы», передающего эстафету созидания и борьбы за общечеловеческие ценности в наши руки.

К концу 30-х годов прошлого века сложилась «обойма» записных советских поэтов, в меру таланта славящих свое время. Но именно юноша, молодой автор, не состоявший в Союзе Писателей, не успевший опубликовать ни одного стихотворения во всесоюзных периодических изданиях, создал столь страстные, жизнеутверждающие стихи. Не по заказу «свыше», не перепевая чужой мотив, не приурочив к знаменательной дате. Он писал о том, что чувствовал душой и понимал умом.

Выражая личное ощущение духа времени, он говорил от имени мальчиков «двадцатого года», которых после назовут «мальчиками сороковых», «мальчиками Державы» и «неизвестными солдатами». «Мы» — не только биография исторического поколения, но и знаковое произведение в поэзии молодых, выбравших свою дорогу, вдохнувших воздух своего времени — времени торжества коллективизма. Именно чувство личной причастности к жизни страны, личной ответственности каждого за судьбу Отечества станет востребованным в начале нового десятилетия.

Стихотворение «Мы» — не только пример раскрытия гражданской темы в поэзии. Смелым был и способ представления главного персонажа — используя личное местоимение «мы» и производные от него формы притяжательного местоимения. Номинативная функция местоимения — отличительный морфологический признак и других стихотворений Н. Майорова («Ты каждый день уходишь в небо...», «Предчувствие», «Нам не дано спокойно сгнить в могиле...», «О нашем времени расскажут»), созданных в 1939-1941-м годах. Не случайна здесь и частота повтора — четко обозначить нового героя времени, не одиночку, а новое поколение, которое вместе с отцами пришло к подножью высоты. Они молоды, их руки пахнут «легкою ромашкой», им идти дальше, чтобы в конце пути сказать, не сомневаясь:

«Он нами пройден, пройден до конца,
И хорошо, что руки наши пахнут
Угрюмой песней верного свинца». (1940)

Интересна смысловая связь местоимений в контексте. Глаголы, относящиеся к «мы», подчеркивают непрерывную динамику событий:

«брали», «были», видели», «влюблялись», «глядели», «жгли», «жили», «как любили», «падали», «понимали», «пробивались», «прошли».

Притяжательные местоимения подчеркивают присущее единомышленникам: «нам», «нашей», «для нас», «наш», «нами», «в нас». Все вместе взятые местоимения, использованные автором как номинации «мы–поколения», создают яркий, запоминающийся образ: мы «шли вперёд» — «нас не забудут».

Стихотворение «Мы», написанное в 1940-м году, вошло в антологии, альманахи, тематические сборники 20-го века и нового — 21-го. Его называют манифестом военного поколения, биографией победителей. Без него трудно представить спектр произведений поэтов-фронтовиков, творческий путь которых начался в конце 30-х годов. В предвоенной Москве было «множество молодых поэтов», признанных и неизвестных, хорошо звавших друг друга. Сегодня трудно представить, что стихотворение «Мы» могло остаться незамеченным, оказаться среди неизвестных.

Ничего не происходит случайно: природа Слова такова, что его услышат те, кому оно предназначено. Благодаря Виктору Болховитинову⁶ стихотворение было напечатано в «Университетском листке» МГУ и, по сути, стало паспортом поэта Николая Петровича Майорова.

2. «Мы пили жизнь до дна и умирали...»

Александр Сергеевич Пушкин был одним из немногих поэтов 19-го века, изучение творчества которого «Наркомпрос» включил в школьную программу. Не стоит гадать, читал ли Коля Майоров стихотворение классика «Поэт»:

«Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
<...>
Душа вкушает хладный сон...»

---

⁶ Болховитинов Виктор Николаевич (1912-1980) — журналист, учёный-физик, поэт, главный редактор журнала "Наука и жизнь", в предвоенные годы возглавлял литературную часть газеты МГУ.

Пессимистическое настроение, вызванное невостребованностью обществом, гнетет поэта. Жизнь не требует его участия, он бездействен — и лира не звучит, как прежде. Как следствие, мысли о том, что «меж детей ничтожных мира, / Быть может, всех ничтожней он». Однако одна из характерных черт поэта — уловить перемены в обществе, отозваться на них душой, вновь ощутив свою сопричастность к миру:

«Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепетается,
Как пробудившийся орел».

Чувства, пережитые Александром Сергеевичем, окажутся близки и Николаю Майорову, молодому поэту новой России. Такова преемственность законов гражданской поэзии: поэт подвластен им, в какую бы эпоху он ни жил.

Максимализм, критическое отношение к себе, к своему поколению, к наследию отцов — без этого не происходит взросление, становление человека, как личности. Двадцатичетырехлетний Михаил Лермонтов порицал ровесников:

«Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и
сомнения,
В бездействии состарится оно».⁷

Эдуард Багрицкий, романтик революции, разочарованно писал о своем поколении (1926 г.):

«Мы — ржавые листья
На ржавых дубах...
Чуть ветер,
Чуть север —
И мы облетаем.
Чей путь мы собою теперь устилаем?
Чьи ноги по ржавчине нашей пройдут?
Потопчут ли нас трубачи молодые?
Взойдут ли над нами созвездья чужие?
Мы — ржавых дубов облетевший уют...»⁸

---

⁷ Лермонтов М.Ю. «Печально я гляжу на наше поколение». [Электронный ресурс]. Сайт о жизни и творчестве Михаила Юрьевича Лермонтова. // <http://lermontov.name/pechalno.htm> (01.12.13).

Казалось бы, годы всеобщего энтузиазма, проникновения социалистических идей во все сферы жизни – полное благоденствие. Почему же двадцатилетний Николай Майоров, студент истфака, задумывался о будущем сверстников? И революция, и гражданская война, индустриализация страны – все это без их непосредственного участия. А кто же они, чем запомнится их поколение? В самом названии стихотворения — «Предчувствие» (1939) — ключ к мыслям юноши:

«Без жалости нас время истребит.
Забудут нас. И до обиды грубо
Над нами будет кем-то вбит
Кондовый крест из тела дуба.
<...>
За то, что нами был утрачен
Сан человеческий; что скопцы,
Мы понимали мир иначе,
Чем завещали нам отцы».

Однако предчувствие оказалось ложным. Ворвалась в студенческую жизнь «незнаменитая»⁹ советско-финская война, и юношеский максимализм сменился рассудительностью, пессимизм — гордостью: появилось стихотворение «Мы», завершающееся знаменитой ныне строфой:

«И как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому век,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово “Человек!”»

Человек, о котором мечтал М.Горький, Человек, которого видел перед собой Н.Майоров, человек особого, «русского» характера, вскоре поднялся во весь рост, заявив о себе. Советский человек — воин на фронте, рабочий и колхозник в тылу — все построились в один отряд, встав на пути фашизма, оплатив нашу свободу миллионами жизней погибших, миллионами жизней неродившихся детей, миллионами талантов, зарытых «в шар земной».

---

⁸ Багрицкий Э.Г. «От чёрного хлеба и верной жены...». [Электронный ресурс]. Лучшие русские поэты и стихи. // <http://er3ed.qrz.ru/bagritsky.htm#ot-chernogo> (26.11.13).

⁹ «На той войне незначимой...» – Твардовский А.Т. «Две строчки». [Электронный ресурс]. Золотая поэзия. Литературный портал. // <http://www.goldpoetry.ru/tvardovskiy/index.php?p=32> (06.12.13).

1940-й год. Мы называем его последним предвоенным годом. Но Вторая мировая война,¹⁰ еще и не получив своего исторического названия, уже началась. Каждый месяц был отмечен локальными войнами в западной Европе, Северной Африке, Египте — фашизм наступал, гитлеровская Германия рвалась к мировому господству. В середине ноября газеты сообщали о посещении В.Молотовым Берлина. Никто не знал, что через месяц Гитлер подпишет директиву №21 — о подготовке к войне против Советского Союза, в котором фашисты видели основное препятствие в борьбе за мировое господство Германии.

Не могли предвидеть нацисты, убежденные в возможности «блицкрига», что с битвы за Москву начнется отсчет нового мира, в котором не жить фашистам. А никому еще не известный русский поэт Николай Майоров написал 30 апреля 1941 года:

«... Но пусть одно они запомнят:
Вокруг Московского Кремля
вращалась в эти дни земля».
(«Ни наших лиц, ни наших комнат...»)

«Робкий и несмелый», «высокий и прямой», «нескладный и упрямый» — сыновья и отцы, все и отовсюду будут призваны в Красную Армию. Их высотой станут Карельские болота, леса под Вязьмой, Новороссийск и Ржев, Волоколамск и Сталинград, воспетый Н.В. Гоголем Днепр, и многие-многие безымянные деревеньки и высотки. Все это еще впереди, но Николай писал о смерти, подсознательно свыкаясь с неизбежным:

«Когда умру, ты отошли
Письмо моей последней тетке,
Зипун залатанный, обмотки
И горсть той северной земли,
В которой я усну навеки...»
(«Когда умру, ты отошли...», 1940)

Словно время перенесло его в зиму сорок второго, в его первый и последний месяц на войне:

«Я не знаю, у какой заставы
Вдруг умолкну в завтрашнем бою,

---

¹⁰ Крупнейшая в истории человечества война (1 сентября 1939 – 2 сентября 1945 гг.).

Не коснувшись опоздавшей славы,
Для которой песни я пою».
(«Я не знаю, у какой заставы...», 1940)

В тяжелом сорок первом вчерашний студент размышлял
совершенно по-мужски:

«О нашем времени расскажут,
Когда пройдем, на нас укажут
И скажут сыну: — «Будь прямей!
Возьми шинель — прикроешь плечи,
Когда мороз неумогу.
А тем — прости: им было нечем
Прикрыть бессмертья наготу».
(«О нашем времени расскажут...», 1941)

Предчувствие?

Красноармеец Николай Петрович Майоров погиб
8 февраля 1941-го года, снежной морозной зимой:

«Когда к ногам подходит стужа пыткой —
В глазах блеснет морозное стекло,
Как будто вместе с посланной открыткой
Ты отослал последнее тепло».
(«Когда к ногам подходит стужа
пыткой...», 1941)

3. «С чьей жизнью жизнь свою соизмерять?»

Что повлияло на формирование поколения «героев»? Почему именно в юношах сороковых годов дух патриотизма возвысился над инстинктом жизни? Только ли воля providения — именно они могли помериться силами с врагом, им, богатырям духа, предстояло умереть, защищая землю русскую, как их предки? И только они, такие, до самозабвения верные своему Отечеству, идеалам социализма, смогут одолеть непобедимые прежде армии вермахта?

Их стойкость, бесстрашие, доблесть изумляли врага:

«Первый раз в ходе этой войны
немецкому солдату противостоит противник,
обученный не только военному делу, но и
политике, который видит в коммунизме свой

идеал, а в национал-социализме — самого опасного врага».¹¹

Что же это за удивительное поколение? Не повторился код ни в детях, ни во внуках. Возможно, его сила была в том, что парни не чувствовали себя одинокими: многодетные семьи, нередко под одной крышей собиралось три поколения одного рода. От дедов и отцов узнавали о минувших событиях истории. Родословная хранила следы былого в устных пересказах.

Николай, как и его сверстники, родился «на перекрестке двух эпох». Кем же были их отцы? Они – среди лирических героев произведений Николая Майорова.

Революционер, в дом которого пришли с обыском. Забившись в угол, мальчонка наблюдал: солдаты во главе с жандармом зло вспарывали перину, выгребали золу, избитый отец упал ничком на пол, рыдала мать. Однако при всем ужасе происходящего на глазах ребенка, он запомнил — отец поднялся:

«Отец привстал, держась за подоконник,
И выплюнул багровый зуб в ладони,
И в тех ладонях застеклилась кровь.
Так начиналось детство...
Падая, рыдая,
Как птица, билась мать».
(«Отцам», 1938)

Сын глядел, «как тают, пропадают / В дверях жандарм, солдаты и отец...» Отец не вернулся:

«В шершавом, вкривь надписанном конверте
Ему доставлен приговор...»
(«Смерть революционера», 1938)

Столяр, который изо дня в день мастерил стулья и столы, ладил двери, настилал полы. Пришел час помирать — «гроб сколотил себе на совесть». Остались в памяти крепкие сильные руки: «два громадных кулака» на груди бездыханной.

Певец-кобзарь, отданный в солдатчину:

---

¹¹ «Хроника, даты, люди», Книга 1. [Электронный ресурс]. Хроника, даты, люди, Книга 1. // <http://kk.convdocs.org/docs/index-295931.html?page=26> (16.12.13).

«Ему заткнули рот приказом:
Не петь. Не думать. Не писать».
(«В солдатчине», 1937)

Портовый рабочий — маляр, сочинявший песни. Да такие, что за них сажали в тюрьму, «ломали пальца», «крошили зуб». Сослали — бежал. Схватили, утопили. Но не умерла «живая песенная речь» — матросы разнесли ее по свету:

«Такую песню петь не стыдно,
Коль за нее идут ко дну».
(«Песня», 1939)

Огольцы времен гражданской войны, понимавшие, что «у детей имелась жалость, / Которой взрослый не имел».

Отцами были поэты Пушкин и Маяковский, знаменитый летчик Валерий Чкалов и Максим Горький, Н.В.Гоголь и художник средневековья Харменс ван Рейн Рембрандт, герои любимых книг.

И, конечно, отцы, родившиеся на рубеже двадцатого века, заставшие царизм, пережившие две революции в семнадцатом году, воевавшие на Первой мировой и на гражданской войне. Они, напрягая силы, выбивались из голода-разрухи, строили новую жизнь, прокладывая дорогу сыновьям, из рук в руки передавая традиции и заветы рода:

«Мне стал понятен смысл отцовских вех.
Отцы мои! Я следовал за вами
С раскрытым сердцем, с лучшими словами.
Глаза мои не обожгло слезами.
Глаза мои обращены на всех».
(«Отцам», 1938)

Не только кровное родство, но и общая вера в счастливую будущность объединяли поколения. О воспитании не говорили. Сыновей не жалели, не оберегали от жизни, ограничивая свободу, — мужик растет. Жили бок о бок, на виду друг у друга, правда была одна, ее не ополовинили. Простые понятия «порядочность», «совесть», «долг», «добрая память» — все шло от земли, питая молодые корни. Так многие сыновья-отроки получили в семье самый нужный урок — как жить. Он и предопределил их поступки, став стержнем духа, который не могла ни согнуть, ни сломать война.

Воспитанные школой, газетами, собраниями в духе коллективизма и презрения к «единоличникам», они, мужая, ощущали себя особым поколением, перед которым распахнут мир «иных высот

и помыслов». Уверенность в том, что их судьба неотделима от судьбы Родины, стала отличительной чертой фронтовиков, ополченцев, партизан, рабочих, колхозников, женщин, подростков — всех, кто не только верил в нашу победу, но и сделал все, только бы уничтожить, изгнать врага.

О, те «мальчики» входили в мир с такою жадной жизни, что, казалось, «жизнь не имела потолка». Их мужество, самопожертвование в битве с несметными полчищами фашистов также не имели аналогов в истории войн.

4. «Я полюбил весомые слова...»

Его судьба — одна из миллионов судеб «поколения сороковых».

Его судьба — одна из миллионов, погибших на поле брани, защищая Отечество.

Его судьба — одна из миллионов, не оставивших ни жены, ни детей, кто бы помнили и рассказали о нем.

Ни записных книжек, ни «серой прозы» дневников, ни любимых книг — ничего не сохранилось, где бы остался след его. На счастье, юноша был поэтом. «Рукописи не горят» — пожар войны пощадил его стихотворения (хотя и не все).

Благодаря стараниям Владимира Семеновича Жукова и Виктора Николаевича Болховитинова посмертно изданы авторские сборники (1962-й и 1969-й годы), познакомившие новое поколение с творчеством одного из поэтов, погибших на войне.

Шестидесятые годы 20-го века отмечены спорами «лириков» и «физиков». Именно «оттепель» растопила замерзшие души, пробуждая забытый интерес к поэзии. Поэтическое наследие поэтов-фронтовиков становилось доступным читателям. К двадцатилетию Победы была издана антология «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне».¹²

Бесспорно, произведения молодых поэтов, хотя и не успевших стать членами Союза Писателей, по праву принадлежат культурному наследию народа. Только вот этическая сторона: хотел бы автор, чтобы чужие глаза вчитывались в его строчки, которые им не были

---

¹² «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне». М.: – «Советский Писатель». – 1965.

переписаны набело? Хотел бы, чтобы чужие люди перебирали даты и события его короткой жизни, комментировали их?

«Как жил, кого любил, кому руки не подал,
С кем дружбу вел и должен был кому —
Узнают все,
Раскроют все комоды,
Разложат дни твои по одному».

(«Как жил, кого любил, кому руки не подал...», 1939)

Так вышло, что о них мы узнали «из пересказов устных» — воспоминаний, газетных публикаций, глав книг, в большинстве случаев, написанных земляками. Прошли десятилетия, мало среди нас тех, кто рассказал бы сегодня о своем поколении, о друзьях, не вернувшихся с войны. Возможно, придет время, и школьники будут изучать историю Великой Отечественной не по картам и таблицам, не по датам учебников, а по книгам, страницы которых написаны в 1941-1945-м годах и в послевоенную эпоху поэтами, публицистами, прозаиками, военными корреспондентами — участниками войны и теми, кого миновало военное лихолетье. Все они сберегли память, чтобы передать из рук в руки внукам-правнукам.

Николай Майоров слыл первым поэтом 33-й ивановской школы. Зная об этой страсти, ватага друзей умышленно заворачивала в книжный магазин. Костя Титов¹³, «любивший пошутить, обращался с серьезным видом к продавщице: “Скажите, книжка поэта Николая Майорова еще к вам не поступала?” — чем приводил в великое смущение Колю».¹⁴ Окончив десятилетку, юноша поступил на исторический факультет МГУ.

Московские вузы распахнули двери перед приезжими из провинции. Во второй половине 30-х годов столица стала не только городом студентов, но и городом молодых поэтов. Так что Николай Майоров оказался там как раз вовремя: стихи все более увлекали его, а рядом были такие же парни, влюбленные в поэзию. Друг-поэт Владимир Жуков вспоминал:

---

¹³ Школьный друг, с ним Николай Майоров сидел за одной партой.

¹⁴ «Это нужно не мертвым, это нужно живым». [Электронный ресурс]. [ADMIN](http://www.iff-tgu.net/index.php/ru/arkhiv/gazeta-zsn/item/276-это-нужно-не-мертвым-это-нужно-живым). Томский государственный университет. 29.04.2013. // <http://www.iff-tgu.net/index.php/ru/arkhiv/gazeta-zsn/item/276-это-нужно-не-мертвым-это-нужно-живым> (24.11.13).

«Писал он взахлеб. И все-таки поэтом себя не считал, поскольку был убежден самой классикой, что профессиональным писателем может быть только по-настоящему одаренный природой человек такого рода, к какому себя не причислял. А ведь он и тогда был уже поэт!». ¹⁵

Молодые поэты собирались в студенческой литстудии университета, читали друг другу свои стихотворения, взволнованно обсуждая каждое. Даниил Данин, один из участников той первой литературной группы МГУ, запомнил товарища таким:

«... он не был тих и безответен. Он и мнения свои защищал, как читал стихи: потрясая перед грудью кулаком <...>. Он не щадил чужого самолюбия и в оценках поэзии бывал всегда резко определен». ¹⁶

Николай, никогда не стремившийся выделиться, вскоре был принят в круг «признанных», среди которых были уже известные московской молодежи Павел Коган, Михаил Кульчицкий, Михаил Луконин, Сергей Наровчатов, Давид Самойлов, Борис Слуцкий. Все чаще слышалось: «Пусть почитает Майоров, истфак!». Именно в «Университетском листке» были напечатаны несколько стихов Николая Майорова.

Трудно судить о степени дарования того, кто лишь начинает свой творческий путь. Однако Николай Майоров отличался четким почерком-стихом, что отметили не только наставник, но и друзья.

Павел Антокольский, известный советский поэт, руководитель семинара в Литинституте, который посещал студент-историк, утверждал:

---

¹⁵ «Тайны поэта “с божьей искрой”». [Электронный ресурс]. Ивановская газета № 213 (19.11.2013) // <http://www.ivgazeta.ru/?module=articles&action=view&id=32338> (17.11.13).

¹⁶ Здесь и далее. Данин Даниил. «Памяти Николая Майорова». «Сквозь время». Стихи поэтов и воспоминания о них. М.: – Советский писатель. – 1964. Стр. 169-173.

«Николаю Майорову не приходилось
искать себя и свою тему. Его поэтический мир
с самого начала был резко очерчен, и в
самоограничении он чувствовал свою силу». ¹⁷

Самоограничение проявлялось не только в тематике, но и в самой манере писать: в стихах Н. Майорова не встретить пустых фраз и случайных слов. «Он не любил в стихах многоречивой словесности, но обожал земную вещность образа». — Вспоминал Даниил Данин.

Работая над стихом, тщательно подбирал «свое» слово:

«Я полюбил весомые слова...»

(«Август». 1939.)

«Перебирать слова, как память,

И ставить слово на ребро...»

(«В Михайловском». 1937)

В размышлениях приходило понимание:

«И через тьму сплошных догадок

Дойду до истины с трудом,

Что мы должны сначала падать,

А высота придёт потом».

(«Ты каждый день уходишь в небо...» 1939)

Он не боялся падать и упрямо шел к своей высоте.

Самоограничение проявлялось и в том, как взвешенно и строго относился молодой поэт к уже написанным стихам.

«У Коли всегда оказывались в запасе почему-то не прочитанные ... на занятии стихи. “Почему? Что же ты молчал?” — “А ну их к черту, это не работа, еще не получилось!” — отвечал он. И он продолжал искать свои весомые слова, которые не сразу даются в руки только сильным поэтам, потому что

---

¹⁷ Богородский Е. Рабочий край. Мое Иваново. / Центральный новостной портал Ивановского региона. // <http://my-ivanovo.ru/ivanovo-news/%C2%AB%D0%BC%D1%8B-%D0%B1%D1%8B%D0%BB%D0%B8-%D0%B2%D1%8B%D1%81%D0%BE%D0%BA%D0%B8-%D1%80%D1%83%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%81%D1%8B%E2%80%A6%C2%BB-20-%D0%BC%D0%B0%D1%8F-%E2%80%93%D0%BB/> (17.11.13).

ощущение «веса» слова у них совсем иное, чем у версификаторов».¹⁸

Благодаря найденным весомым словам образы отличались точностью, мысли — завершенностью, определяя самобытность автора, овладевающего таинствами мастерства стихотворца. Стихи Майорова, напрочь лишённые размытых полутонов и неряшливой недосказанности, отмечали и друзья-поэты, воспринимая их как «планку», обозначающую высоту, которую нужно взять, чтобы быть зачисленным в когорту.

Михаил Кульчицкий, ровесник, поэт, отметил в записной книжке:
«Майоров — глыба. Пишет стихи,
тяжелые, как камни, которые давят на нас и не
дают нам говорить мелочью стихов».¹⁹

Поэтическая индивидуальность Николая Майорова проявилась в выборе героя стихов выражавшего приоритеты, утверждаемые в общественной жизни. В отличие от известных поэтов, осваивавших метод соцреализма, перед Николаем Майоровым не стояла задача «поиска героя». Герой его произведений — молодой современник и само новое поколение, дети революции, одним из которых был он сам.

Цельность натуры определила тематику и проблематику стихотворений Николая Майорова: гражданская, любовная, пейзажная лирика, таинство творчества, родословная века. Настроение разное — от радостного упоения природой до метких философских замечаний, от сокровенных размышлений о «рождении искусства» до драматических переживаний, воспоминания о детстве и родительском доме. В каждом стихотворении найдется свое, что зацепит и не отпустит читателя: перевернешь страницу — мысли же о прочитанном. Не забываются строчки, и повторяешь их, вновь ощущая первозданность.

«И, не смущаясь пепла, тлена,
Крушенья дерзостной мечты,

---

¹⁸ Данин Даниил. Там же.

¹⁹ «Это нужно не мертвым, это нужно живым». [Электронный ресурс]. ADMIN. Томский государственный университет. 29.04.2013. // <http://www.iff-tgu.net/index.php/ru/arkhiv/gazeta-zsn/item/276-это-нужно-не-мертвым-это-нужно-живым> (24.11.13).

Вновь ликовала кровь по венам
В упорной жажде высоты!»
(«Торжество жизни». 1938)

5. «Как я любил, о том расскажут после».

То, что было естественно для молодых Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Федора Тютчева, Александра Блока и других классиков, тщетно искать в поэзии юношей 30-х годов прошлого века. Метод соцреализма призывал, прежде всего, к прославлению труда и подвига. Идеология советской культуры — воспитание коллективиста, и эту задачу обязана была решать художественная литература. Писать о личном — означало проявить себя индивидуалистом, идущим «не в ногу» с веком. Да и по возрасту — не пришло время «мальчикам» воспевать любимую женщину высоким слогом стиха.

Но жизнь берет свое — наступает пора напряженного и, порой, драматичного самопознания, самоидентификации. Нет, пожалуй, поэта, не выразившего словами стиха свои душевные переживания. Николай писал: «Я лирикой пропах, как табаком». Лирика — чувства — любовь... Юноша «девятнадцатого года» искал свое определение любви. Наивно-трепетное отрочество:

«Я думал о бульварах, где бы
Мне встретилась случайно ты,
С которой я лишь понаслышке,
По первой памяти знаком –
Дорогой, тронутой снежком,
Носил твои из школы книжки.
Откликнись, что ли?»
(«Весеннее», 1938)

Письма и поезда. Встречи и расставания, «вокзальный свет, ее «прости», «глухие приступы тоски». «По строчкам письма разбирать» и вспоминать «дом с узорчатым карнизом», в котором жила та, которую не забыть.

Робкая, счастливая, трудная первая любовь:

«По какой тропинке —
не припомню,
только шел я, как идут ко дну.
Словно к плахе,

было нелегко мне
подходить к забытому окну».
(«По какой тропинке — не припомню...»,
1938)

Ломать себя, пытаться забыть обиды, просить «как нищий просит подаянья», надеяться и отчаиваться. «И все ж любить ее — такую!». Знать: «Моя любовь — могущество мое!». В муках крепнущей души рождалось свое понимание любви и жизни:

«...с тобой я понял счастье,
Не то, что в книгах вычитали мы
И о котором в детстве нам твердили.
Я понял жизнь.
Она всегда жестока,
Как пытка непомерная, страшна,
Но это — жизнь».
(«Мой отъезд». 1939)

И хотя «всё было так, как не хотелось», жизнь продолжалась. Как-то Николай разговорился с девушкой, сокурсницей. Поэзия — с нее началось их знакомство.

«Несмотря на то, что по учебной программе нужно было перечитывать буквально горы книг, что приходилось просиживать в читальнях и по воскресеньям, Коля успевал <...> писать. Почти каждый вечер он читал новое стихотворение». ²⁰ — Позднее вспоминала Ирина. ²¹

Боевая, с детства скакавшая на лошади, увлеченная археологией, пулеметными курсами, альпинизмом, знавшая напамять множество стихов, она привлекла внимание Николая скромного и отнюдь не «лихого» парня. Он писал в стихах, осмысливая свои переживания, размышляя об отношении мужчины к женщине:

«... я даже пальцем, жестом не обидел, —
Лишь взгляд отвел в восторге от тебя.

Я знал тебя. Ты здесь. Ты где-то рядом.
Я знал, что расстояние — как и смерть —

---

²⁰ Пташникова И.В. «Студенческие годы». Воспоминания. / Николай Майоров. «Мы». М.: — «Молодая гвардия». — 1962. / [Электронный ресурс]. // <http://cultureuz.net/personalia/ptashnikova/mayorov.html> (18.11.13).

²¹ Пташникова Ирина Васильевна (1918-2001).

Между прикосновением и взглядом
Не каждому дано преодолеть».
(«Ревность», 1939)

После второго курса они решили пожениться.²² Но, едва дождавшись каникул, девушка, бредившая Хорезмом, уехала в археологическую экспедицию в Среднюю Азию, а Николай — домой. Самолюбие юноши, явно, задето (что признала много лет спустя и сама Ирина Васильевна). Но в молодости настолько бескомпромиссны в мыслях, насколько и беззащитны в чувствах:

«И как бы ты ни жгла и ни любила, —
так, как стихи, тебя он не любил.
И в самый крайний миг перед атакой,
самим собою жертвуя, любя,
он за четыре строчки Пастернака
в полубреду, но мог отдать тебя!»
(«Тебе», 1940-1941)

Где здесь та межа, что лежит между автором и его лирическим героем? Любимая девушка или поэзия? Опыт мужчины или юношеский максимализм? Маска, за которой таится боль? «Так, как стихи, тебя он не любил» — вряд ли Николай намеревался досадить любимой, но лирический герой мог за этими словами скрывать как свою уязвимость, так и значимость поэзии в его жизни, тем более, что это не строки письма, а написанное в час творчества. Естественно, девушка, услышав стихи от «доброжелателей», обиделась.

Молодые годы примечательны тем, что каждый стремится отстоять свою "независимость". Случаются недоразумения, но мирятся так же быстро, как и ссорятся. Однако случается, что спохватятся, а прежнее доверие утрачено.

Николай писал стихи, признаваясь себе:

«Ты за нее не раз еще отдашь
И сон, и музыку,
И книги с полок,
И даже верность будущей жены.
Она твоя, пока еще ты молод

---

²² Поэт-фронтовик Николай Майоров в воспоминаниях ташкентки Ирины Пташниковой. [Электронный ресурс]. // <http://mytashkent.uz/2010/06/06/irina-vasilevna-ptashnikova/> (18.11.13).

И нет в твоём уюте тишины».
(«Я был ее», 1940)

Ирина, переживая, записывала в дневнике: «Но разве так можно? Разве так суждено мне в любви?»²³

Спустя годы, подруга студенческих лет высказала предположение: «Любовь Иры и Николая Майорова была нелегкой, даже трудной, мне кажется, потому, что очень сильными были обе эти натуры, они могли стоять только рядом, дополняя друг друга».²⁴

Как бы там ни было, но они отдалились. Ее спасала увлеченность археологией, его — стихи. В последнюю студенческую зиму Николай много писал. В конце 1940-го года завершил работу над поэмой «Ваятель» (к сожалению, она не сохранилась). Размышления о затянувшейся размолвке угнетали юношу, и все же он надеялся:

«Все к лучшему. Когда прошла гроза,
Когда я в сотый раз тебе покаюсь,
Мне не страшны ни плечи, ни глаза,
Я даже губ твоих не опасуюсь.

Начнешь злословить? Пригрозишь отравой?
Про нашу быль расскажешь людям ложь?
Иль пронесешь за мной худую славу
И подлецом последним назовешь?

Мне кажется, что не пройдет и года,
Как в сумерки придешь ко мне опять
Зачем-то долго медлить у комода
И пепельницей в зеркало бросать.

---

²³ Голубев Н. «В чем сущность жизни?». [Электронный ресурс]. Газета «Рабочий край» // <http://my-ivanovo.ru/ivanovo-news/%D0%B2-%D1%87%D0%B5%D0%BC-%D1%81%D1%83%D1%89%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C-%D0%B6%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B8-8-%D1%84%D0%B5%D0%B2%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8F-1942-%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0-%D0%BF%D0%BE/> (26.11.13).

²⁴ Кротова И. Университетские друзья. [Электронный ресурс]. И. Кротова. "Люби". Воспоминания, эссе, дневники, письма. М.: – 2003. // <http://cultureuz.net/personalia/ptashnikova/dairy.html> (18.11.13).

Почто дается буйство милым людям?
Когда пройдет оно и, наконец,
Мы все пойдем и больше бить не будем
Ни пепельниц, ни стекол, ни сердец?»
(«Все к лучшему. Когда прошла
гроза...», 1940)

Николай был уже на фронте, когда Ирина получила последнее письмо:

«Сейчас Новый год тоже встречу в
вагоне. Песни петь буду, тебя вспоминать.
Жаль, что только вспоминать...»²⁵

После войны она безуспешно искала могилу Николая Майорова.
В 1998-м году Ирина Васильевна, рассказывая «о Коле» гостям из
ивановской деревни Мальтино, читала по памяти стихи:

«Не надо слов. Их много здесь говорено —
Все перебрали, оценили здесь.
Ведь жизнь останется навеки неповторенной,
Короткой,
как оборванная песнь».
(«Не надо слов. Их много здесь
говорено...», 1938)

6. «Что-то ждет меня в этом году?»

Когда началась Великая Отечественная война, Николай Майоров заканчивал учебу в университете. Не до экзаменов — студентов направили на «спецзадание» на Смоленщину, где спешно строили оборонительные укрепления. Только лишь 9 сентября вернулся в Москву. Шел восьмидесятый день войны. Сводка Совинформбюро туманно сообщала: «В течение 9 сентября наши войска вели упорные бои с противником на всём фронте».

К концу месяца завершились Киевская и Ленинградская оборонительные операции, наши войска отступали.

---

²⁵ Пташникова И.В. «Студенческие годы». Воспоминания. Николай Майоров. "Мы". М.: – "Молодая гвардия", 1962. [Электронный ресурс]. // <http://cultureuz.net/personalia/ptashnikova/mayorov.html> (18.11.13).

«А я вот иду в военкомат, записываться в армию». — Николай случайно встретил Бориса Слуцкого. Был четверг, 16 октября.²⁶

Много дней спустя, в Ташкенте, Ирина получила письмо:

«В райвоенкомате прошел медкомиссию. Ждем, когда возьмут в армию. А когда, неизвестно: может, сегодня вечером, а может, — через месяц. <...> Из Москвы выезд райвоенкоматом запрещен. Если после войны буду жив, буду проситься работать в Среднюю Азию, — мне надо найти тебя. Когда это будет и будет ли? <...>.

Ты в открытке желаешь мне мужества, если буду в бою. Спасибо. Хотя ты знаешь, что в этом деле я не отличусь, но что могу сделать — сделаю».²⁷

Николай Петрович Майоров был призван в Красную Армию Краснопресненским РВК г.Москвы 16 октября 1941 года. Зачисленный в резервную часть, прошел в маршевой роте сотни километров — в тыл.

«Сейчас я в армии. Мы идем из Москвы пешком по направлению к Горькому, а там — неизвестно куда. Нас как население, годное к службе в армии, решили вовремя вывести из Москвы, которой грозит непосредственная опасность. Положение исключительно серьезное. Я был раньше зачислен в Ярославскую летную школу. Но когда вокруг Москвы создалось напряженное положение, меня мобилизовали в числе прочих.

---

²⁶ 16-18 октября 1941г. во исполнение Постановления ГКО–807сс проводилась «мобилизация военнообязанных запаса до 45-летнего возраста и призывников 1922 и 1923 годов рождения по Москве и Московской обл.»

²⁷ Здесь и далее письма Н.Майорова цитируются по: Пташникова И. «Студенческие годы». / Воспоминания. Николай Майоров. «Мы». М.: — «Молодая гвардия». — 1962. [Электронный ресурс]. // <http://cultureuz.net/personalia/ptashnikova/mayorov.html> (18.11.13).

Сейчас направляемся к формировочному
пункту, расположенному где-то около
Горького».²⁸

(22 октября, 1941 г.)

Справка:

Завершалась вторая неделя наступательной операции вермахта «Тайфун», военно-политической целью которой являлось полное уничтожение города Москвы. Здесь, на подступах к столице, были задействованы три четверти всех немецких вооруженных сил на Восточном фронте.

15-19 октября 1941-го года называли черными днями Москвы. Это не метафора: войска вермахта, закрыв Вяземский котел и разгромив Брянский фронт, упорно рвались к столице нашей Родины, стремясь окружить ее и стереть с лица земли. Немецкие войска вышли к Можайской линии обороны и в результате тяжелых боев прорвали ее. В центре Москвы слышалась канонада ожесточенных боев, вражеские самолеты, прорываясь, бомбили город, москвичи сооружали баррикады и заграждения на случай уличных боев, колонны бойцов в новеньких шинелях шли и шли на запад, а маршевые роты — на восток.

15 октября Государственный Комитет обороны СССР принял постановление об эвакуации Москвы. По свидетельству очевидцев, в те дни царила паника и неразбериха, жгли архивы. В такой обстановке Николай мог бы сняться с учета, как другие, и покинуть город. Мог бы поехать по распределению — работать учителем: «Я получил назначение на работу в Можайск, но это — простая формальность. Я не безногий, чтоб ехать на работу».

Мог бы... Но «каждый выбирает по себе».

Спустя два месяца, Николай писал Ирине:

«Сегодня, 18 декабря, ровно 2 месяца,
как я в армии. По этому случаю и пишу,
домой, тебе, братьям. Я чуть было не был
демобилизован (по приказу по НКО о
дипломниках), но почему-то задержали. <...>
А теперь перспектива такова. До Нового года

---

²⁸ Пташникова И.В. «Студенческие годы».

нас обещают маршевой ротой отправить на фронт».

Справка:

3 декабря 1941-го года, 165-й день войны. Части Группы Армий «Центр», несмотря на геройское сопротивление бойцов Красной Армии, рвались к Москве.

«Последним усилием врагу удалось ещё потеснить левый фланг нашей армии до рубежа Баранцево, Хованское, Петровское, Ленино. И на этом он выдохся».²⁹

Деревня Баранцево — одна из тысяч тех, где в сорок первом шли ожесточенные бои. Вряд ли Николай знал о ее существовании. Но там, на Смоленщине, он уйдет в последний бой.

5 декабря 1941 года началось контрнаступление армий Западного фронта под Москвой. Наши войска несли огромные потери — гибли и гибли воины, только бы оттеснить врага от столицы. Мобилизация военнообязанных и призыв новобранцев следовали один за другим. Командующий Западным фронтом Г.К.Жуков требовал от Ставки постоянного пополнения взамен выбывших, дополнительно к уже занаряженным по плану. В Подмоскovie направлялись спешно собранные резервы. ...

«Жду эшелона для отправки на фронт. Нахожусь в маршевой роте. Говорят, нас направляют в гвардейские части на Московский фронт. <...> Воевать придется в самые зимние месяцы. <...> Поздравляю тебя с Новым годом, 1942! Что-то ждет меня в этом году?»³⁰ (28 декабря 1941 г.).

7. «Нам это долго не простится...»

Его ждала «долина смерти» — так назовут эти места немногие из уцелевших жителей...

Согласно учетной записи, Николай Петрович Майоров был зачислен красноармейцем, рядовым 1106-го стрелкового полка

---

²⁹ Рокоссовский К. К. «Солдатский долг». — М.: — «Воениздат». — 1988. [Электронный ресурс]. Сайт «Военная литература»././ militera.lib.ru 12.09.13).

³⁰ Пташникова И.В. «Студенческие годы».

Брянской Пролетарской 331-й стрелковой дивизии³¹ 20-й армии³² Западного фронта, которым в то время командовал Г.К. Жуков.

Морозной зимой 1941-го года полк воевал под Ржевом, на участке фронта, вошедшем в историю войны, как Кармановский выступ. Военные действия не прекращались, одно и то же поле, одна и та же деревня (или только место от нее) переходили из рук в руки множество раз. Ожесточенные бои продолжались в течение пятнадцати месяцев.

Туда, к безвестной смоленской деревушке Баранцево, и привела фронтовая дорога молодого московского поэта, одного из многочисленного пополнения, присланного на Западный фронт. Долго ли можно жить на фронте, находясь на передовой?

Ветеран Великой Отечественной войны Саморуков Владимир Владимирович помнил: «На передовой командир батальона в среднем живет месяц, командир роты — неделю, командир взвода — 3 дня, а рядовой — одно наступление».³³

Сколько было отмеряно Николаю?

«Он падал медленно под креном

Косого резкого угла.

Еще медлительней по венам

Кровь отворенная текла.

<...>

Он видел всё: рассвет и звезды,

Людей, бегущих не спеша,

И даже этот близкий воздух,

Которым больше не дышать».

(«Волк», 1938)

Нет сведений о первом и последнем, одном-единственном месяце жизни красноармейца Майорова на фронте. Впрочем, едва ли можно назвать жизнью бои, о которых вспоминал А.З. Каюков, ветеран 331-й стрелковой дивизии:

«Оборона деревни Баранцево длилась
несколько месяцев — с конца января 1942

---

³¹ «331 стрелковая дивизия». [Электронный ресурс]. «Хлепень. На пути к Берлину». // <http://hlepen.edusite.ru/p60aa1.html> (12.09.13).

³² 20-я армия вторично сформирована 30 ноября 1941 года на основании директивы Ставки ВГК от 29 ноября 1941 года.

³³ Мусаев Р. «На передовой командир роты жил три дня, рядовой — одно наступление». [Электронный ресурс]. Сайт KP40.RU. 09.04.2010. // http://www.kp40.ru/news/gorod_oblast/6482/ (12.09.13).

года. Меня же ранило и контузило 19 февраля, поэтому жив. Мало кто оттуда вернулся. Трусами усеяна вся земля. Окопы не рыли. Снег большой. Мороз – 40 градусов. Надерешь елочек — и на снег. А раз снег подтаял, и вижу: на мертвом лежу. Раньше, видать, снегом припорошило. И огонь — днем и ночью. А мы ни метра назад не сделали, насмерть стояли.

Помню, в плащ-палатке политрук один приходит и подбадривает вроде: «Ничего, ребята, еще и о нас книги напишут».³⁴

О Ржевской битве до 90-х годов 20-го века предпочитали не вспоминать. Ржевско-Вяземская наступательная операция зимой 1942-го года в результате больших потерь была остановлена. Но позиционные бои не прекращались. Храбрость и самоотверженность были отличительными чертами характера советских воинов. Только нужно помнить: оборотная сторона этих понятий — жизнь человека, и «она даётся ему один раз».

Через десятилетия после войны полководцы опубликовали воспоминания, но напрасно искать в них упоминания о подлинных причинах массовой гибели рядовых красноармейцев, «живой силы» в оборонительных и наступательных операциях 1941-1942 годов. Того, что случилось, никто не мог предвидеть. Защищали столицу — не считали погибших... Их имена — в числе безвозвратных потерь, в том числе и 331-й Брянской Пролетарской стрелковой дивизии. Согласно спискам Кармановского мемориала (могила №4), в д.Баранцево в начале 1942-го года были похоронены более двадцати человек, из них 8 февраля года погибли красноармейцы, рядовые: Майоров Николай Петрович (Москва, Краснопресненский РВК)³⁵, Журавлев Дмитрий Алексеевич (Калининский РВК), Елкин Никифор Сергеевич (Тульская обл.), Журин Федор Григорьевич (г. Москва, Сокольнический РВК), Лаврентьев Павел Александрович (Москва, Краснопресненский РВК), Лапин Роман Андреевич (Тат. АССР).

---

³⁴ Чернова Н. Костры памяти. М.: – «Молодая гвардия». – 1989, с.69.

³⁵ Донесения о безвозвратных потерях начальствующего и рядового состава 331-й сд. ОБД Мемориал. [Электронный ресурс]. ОБД Мемориал // <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=50690886> (24.11.13).

Можно ли считать достоверными данные о безвозвратных потерях и местах захоронения, когда «в списки погибших в большинстве случаев включали потери спустя много времени и притом со слов «очевидцев».³⁶ Гибли шедшие рядом, гибли сами писари, вместе с ними — и документы.

Номинально учтенные в списках по братским могилам, однако не всегда похороненные там, где указано в извещении о смерти. В свете множества ошибок с определением действительного места захоронения воинов не вполне достоверной представляется информация о Николае Петровиче Майорове.

В 80-е годы студенты-энтузиасты Дмитровского рыбопромышленного техникума вели поиск его могилы. В похоронке, полученной родителями, указана деревня Бар(е)нцево на Смоленщине, но такого населенного пункта не было. И лишь следопыты обнаружили опisku — деревня Бар(а)нцево. Побывавшая там экспедиция, спустя более сорока лет после гибели поэта-красноармейца, оставила на дереве табличку: «Поэту-пулеметчику Н.Майорову, погибшему 8 февраля 42г. от Совета музея ДРТ “Строка, оборванная пулей”».

Н.Ю.Чернова, организатор клуба-музея «СтрОП», писала об этом в книге «Костры памяти» (стр. 70) так:

«Братскую могилу в Баранцево, которую показал нам С.И.Королев³⁷, обложили дерном, украсили лесными ромашками. Рядом установили памятный знак».

Не стану оспаривать сведения, приведенные Н.Ю.Черновой.

Однако сомнения остаются. И вот почему. По данным Кармановского мемориального комплекса, Братская могила №4:

«В братской могиле захоронены офицеры, сержанты и солдаты 296 гаубично-артиллерийского полка, 49 отдельной стрелковой бригады, 40 стрелковой бригады 5 армии, принимавшие участие в освобождении

---

³⁶ Доклад «О результатах проверки выполнения приказа НКО № 138-41 г. об учете персональных потерь...» // <http://www.poisik-pobeda.ru/forum/index.php?topic=463.0> (21.11.13).

³⁷ Лесничий из д. Баранцево, Гагаринского района Смоленской области.

района, павшие смертью храбрых в боях за Родину.

В 1954—1956 гг. в братскую могилу перенесены останки погибших воинов из деревень: хутор Алексияновка, Антоново, Аржаники, Большие Носовые, Боры, Березки, Баранцево...»³⁸

(В перечне поименовано более ста деревень...). Читаю далее:

«20 апреля 1963 года решением Гжатского райисполкома для постоянного ухода и наблюдения могила передана Кармановской средней школе.

Всего в могиле захоронено около 8500 останков погибших воинов».³⁹

Обратимся вновь к публикации Н.Ю.Черновой (стр. 69).

Цитирую:

«В Карманове строится большой мемориал. Прах павших воинов со всей округи переносится сюда, в братскую могилу. <...> Председатель Кармановского Сельсовета Федор Еремеевич Смирнов заверил нас, что в братской могиле лежат только те бойцы, личности которых установлены. <...> ... изучив списки погибших, Майорова Николая Петровича не обнаружили».

В статье Николая Голубева «Мы любили жизнь, но вас мы любили больше»⁴⁰ читаю:

«У обрыва над рекой стоит недавно построенная церковь. Ее настоятель отец Дмитрий всего на несколько лет старше нас с Майоровым. Именно он выложил в Интернете (karmanovo-hram.ru) к 9 Мая фотографии местного мемориала с именами погибших.

---

³⁸ Братское захоронение №4 (село Карманово). [Электронный ресурс]. // <http://www.gzhatsk.net/memorial4/> (18.11.13).

³⁹ Там же.

⁴⁰ Публикация в Ивановской областной газете «Рабочий край» от 2 октября 2010 года.

Так нам и удалось найти место упокоения Николая Майорова: на одной из сфотографированных плит стоит его имя. Стоит среди восьми тысяч других имен красноармейцев, захороненных здесь. <...>

Правда, имя его на мраморных плитах появилось только этой весной. Дело в том, что мемориал в Карманове построили в 1955 году. С тех пор список захороненных не обновляли (на старых плитах просто не оставалось свободного места), хотя каждый год сюда перезахоранивали бойцов, а имена их записывали на бумаге».

Неоднократно встречаются утверждения тех, кто сегодня ведет поисковые работы, — часто останки не перезахоранивали, а только увековечивали имена на «укрупненных» мемориалах.

Нет ясности с воинским званием Николая Петровича Майорова: пулеметчик, политрук, заместитель политрука — все это встречается в статьях о нем.

В донесении же о безвозвратных потерях значится: воинское звание — красноармеец, должность и специальность — рядовой.⁴¹

8. Память, как совесть....

Для послевоенного поколения фронтовики и недавние сражения были окружены ореолом славы и героизма. Однако окопная правда долго осталась вне исторических хроник и произведений, формировавших культуру народа.

Листаю подшивку 41-45-х годов — газеты «Известия» и «Красная звезда». Они изобилуют агитационным материалом. Да, это нужно было. Тогда. Но и после Победы «правда войны» не вышла из землянок — существовал негласный запрет Сталина на публикации о войне. Фронтовики же обычно были скупы на воспоминания,

---

⁴¹ Донесения о безвозвратных потерях. ОБД Мемориал. [Электронный ресурс]. ОБД Мемориал. // <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=50690886> (24.11.13).

умалчивая о тяготах военных лет, которые им довелось вынести, не перекладывая на чужие плечи.

Наконец, в 60-х годах молчание было прервано, и мы читали захлеб «о подвигах, о доблести, о славе», передавая книги буквально из рук в руки. А рядом жили участники и свидетели тех событий: если удавалось их разговорить, то можно было узнать о событиях, которые не упоминались в книгах.

Но с уходом поколения фронтовиков их взрослые дети оказались неспособными удержать в руках наследие отцов. Можно объяснять это порочностью дуализма идеологии. Можно объяснять всеобщим официозом, имитирующим общность мировоззрения. Можно искать причины, но никуда не деться от факта: традиции, полученные, от отцов, постепенно утрачиваются. Сокрушительная революция в идеологии свершилась, и сегодня мы имеем то, что имеем, — едва тлеющую память о защитниках Отечества. Никакие самые величественные памятники и мемориалы не могут заменить живую память потомков.

Закреть глаза, словно ничего не случилось? Но забвение истории означает разрыв связи между поколениями. Дети и внуки фронтовиков оказались разобщенными. Что же говорить о семьях 30-40-летних, когда другие ценности составляют их интересы и заботы? На какой базе выстраивается взаимосвязь нынешних дедов—отцов—детей? Наиболее слабым звеном оказываются дети.

«Деды», дети фронтовиков, еще крепки, есть, о чем рассказать внукам. Только где взять примеры для подтверждения сказанного? Внуки знают «свой» мир — тот, что предлагают им СМИ, сериалы, игры-войнушки-ужастики. Что для них значит далекая Великая Отечественная война 1941-1945 годов?

Неужели все идет к тому, что мы утрачиваем свою ментальность? Без корней — родовых традиций, памяти о павших на ратном поле — «самый крепкий дуб обречен на гибель». Без живого родника — знания отечественной истории — русло реки жизни мелеет. Без солнца — общей национальной идеи — воцарится ночь...

Фразы из учебников лишены эмоций. Чтобы почувствовать, пропустить через себя какое-то событие, нужны эмоциональные переживания. Именно поэзия способна, словно живая вода, окропить спящие души юных, пробудить для жизни, для «чувств добрых» Понятнее всех, конечно, сверстник. Возможно, именно стихи молодых поэтов-фронтовиков и есть путь, сближающий отдаленные по времени

поколения. Нужны не красочные презентации, приуроченные к датам, а книги на столе, которые всегда можно открыть на нужной странице. Время учит нас, не щадя:

«...мы понимали мир иначе,
Чем завещали нам отцы.
Нам это долго не простится,
И не один минует век,
Пока опять не народится
Забытый нами Человек».
(«Предчувствие», 1939)

9. «Только павшим очень нужно, чтобы помнили...»

Удивительное поколение — участники Великой Отечественной войны. Вероятно, долго еще будет изумляться мир цельности «русского» характера и поразительной стойкости духа наших соотечественников, победивших фашизм. Бескрайняя нива, не успевшая заколоситься, безжалостно скошена, выжжена под корень войной. Уцелели «тощие поля», и на них — вместе с отборным зерном, увы, и плевелы...

«Мы» нового века, нового поколения — какие? Не видят пока поэты наших дел и лиц, и не их вина. Однозначно: не похожие на монолитное «мы», каким представлял свое поколение двадцатилетний Николай Майоров. Возможно, избалованные мирно текущей жизнью? Возможно, замкнувшись на себе, забыли слова «раньше думай о Родине»? Возможно, действительно трудно обозначить наши сегодняшние приоритеты, выделить наиболее важное для всех, что сделано нами, и о чем можно было бы с гордостью говорить во всеуслышание?

«Времена не выбирают — в них живут». Известно. Но, как жить, — это выбор каждого. Выбор — по своей совести, по духу своему. Бросить мимолетный взгляд: каждый идет сам по себе. Но так ли много путей? Возможно, стоит внимательнее присмотреться — и мы разглядим спутников. Мы — пусть не сто миллионов в одном порыве. Мы — общность людей, связанных одной выбранной дорогой, одной целью, одной идеей. Нет общенациональной идеи, которая бы была близка обществу? Тогда нужно не стоять на обочине, в ожидании «попутки», а, отбросив сомнения, самому идти выбранной дорогой,

чувствуя ответственность не только перед собой, но и перед памятью отцов, перед судьбой наших детей и внуков. И тогда непременно сольются тысячи дорог в одну — «мы».

Дух рода сохранился во многих из нас, стоит освободить его, освятить свечкой, зажженной «мы–поколением». Это в наших силах — сберечь в душе память о них. Не быть равнодушными — молча делать свою работу, осознавая «если не я, то кто?», не ожидая дифирамбов и аплодисментов.

Я думаю сейчас о тех, кого никогда не знала, но всех нас объединило бы творчество Николая Петровича Майорова. И это тоже «мы».

Благодаря верности памяти и традициям дружбы были опубликованы первые авторские сборники стихов — поклонимся же В.С. Жукову и В.Н. Болховитинову, П.Г. Антокольскому и тем, кто сохранил стихи поэта, — всем–всем, кто был сопричастен к выходу первого авторского сборника поэта-фронтовика (1962 г.), кто участвовал в увековечивании памяти о Николае Петровиче Майорове.

Стихотворения Николая Майорова вошли в известную антологию «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне». Стихи Н. Майорова входят в поэтические сборники и альманахи. Лев Аннинский создал замечательный фильм, посвященный поэтам, погибшим на войне, — «Мальчики державы», одна из серий которого повествует о судьбе Николая Майорова.

На днях опубликованы в электронном формате сборники стихов Николая Майорова «Мы» (1962 г.)⁴² и «Мы были высоки, русоволосы...» (1969 г.)⁴³.

Благодаря Наталье Юрьевне Черновой, написавшей книгу «Костры памяти», я узнала о музее «Строка, оборванная пулей», в котором собраны материалы, в 80-е годы прошлого века найденные поисковыми экспедициями студентов Дмитровского рыбопромышленного техникума. Экспозиция музея — о поэтах–фронтовиках, тех, кто пали в бою, «не докурив последней папиросы».

---

⁴² ЛитМир. [Электронный ресурс]. // <http://www.litmir.net/bd/?b=191487> (04.02.14)

⁴³ ЛитМир. [Электронный ресурс]. // <http://www.litmir.net/bd/?b=191406> (02.02.14)

Кропотливый исследовательский труд и публикации ивановцев — Н.А. Голубева и В.Терентьева — дополнили информацию о жизни и творчестве молодого поэта.

Интересен сборник стихов памяти погибших поэтов Ивановского края — «Неопалимая память», выпущенный к 60-летию Победы (составитель и автор вступительной статьи Л.Щасная).

Все это есть, но, к сожалению, практически недоступно читателю — нет такого издания, в котором были бы собраны вместе воспоминания, исследовательские работы, фотографии, знакомящие читателя с жизнью и творчеством Николая Петровича Майорова.

Человек жив, пока жива память о нем. В г.Иваново есть Литературный сквер, где установлен бюст Николаю Майорову (и неподалеку — еще одному поэту-земляку — Алексею Лебеву). Улица, на которой жила семья Петра Максимовича и Федоры Федоровны Майоровых, с декабря 1964-го года носит имя их сына Николая. К сожалению, дом №18, где прошли отрочество и юность поэта, снесли, освобождая площадь под новостройку...

Щедра земля Ивановского края поэтическими талантами. Творчество современных поэтов отражает день сегодняшний. Но по-прежнему одной из тем остается война. Благодарно читаю стихотворения ивановского поэта Любви Моховой — о детях и вдовах, о фронтовиках, павшие в боях и тех, кто вернулся в опустевшие города и деревни, чтобы поднять страну, родить детей и по-прежнему верить в свое счастливое будущее, в силу Отечества. Одно из стихотворений — «Поэтам-фронтовикам» — посвящено Николаю Майорову и всем, кто "Дописали до точки, / Погибая в бою".

Давно уже нет среди нас тех, для кого похоронки были непреходящей болью и невыплаканными слезами. Но мы живем, и нам хранить память, чтобы передать ее дальше, из рук в руки. Жизнь продолжается. Да святятся имена тех, кто пал в бою за независимость и свободу Отечества!

Память стучится, будит всех, чья душа не закована в броню, — посмотреть на небо глазами Расула Гамзатова и прочувствовать повторенное другим поэтом, нашим современником:

«...Необъятные сини
Голубеют вдали,

И летят над Россией
Журавли... Журавли...»⁴⁴

Глядя на журавлиный клин в поднебесье, вспомним поименно погибших — из своего рода. Подойдя к мемориальной плите на братской могиле, поклонимся ей. Далеко-далеко от дома, у той могилы, где похоронены наши, поклонится и помолчит незнакомый нам человек, так же скорбящий о погибшем.

Воспоминания и размышления

Владимир Жуков

Друг

Написать о Коле Майорове — значит поверить в то, что свершилось, и навсегда проститься с ним. Может, потому до сих пор и не было о нём печатного слова.

А я вижу, как, постепенно скрываясь в полумраке, затихает наш школьный зал. Не знаю почему, но так делали всегда — выключали «лишний свет», когда начинался литературный вечер. Может, чтоб меньше стеснялись наши поэты. Страшно было выходить перед товарищами со своими стихами. И это лучше, чем мы, понимала наша добрая учительница русского языка Вера Михайловна Медведева, всю свою любовь и знания отдавшая родной школе и нам. Это её заботами и стараниями долгие годы в 33-й ивановской средней школе выходила лучшая в городе литературная стенная газета, плодотворно работали литературно-творческий и драматический кружки.

Не сразу воцарялась тишина, не вдруг кончалась «торговля»: никто из школьных поэтов — учеников 7–10-х классов — не хотел выходить первым. Чаше других вечер приходилось открывать Коле Майорову. Застенчивый, по-

---

⁴⁴ Мохова Л. «Поэтам-фронтовикам». [Электронный ресурс]. Сайт «Стихи.ру». Любовь Мохова. // <http://stihi.ru/2012/02/04/7838> (23.02.13).

хорошему степенный и угловатый, становился он в дверном проёме из класса в зал и, опустив глаза, глуховатым голосом объявлял название своего нового стихотворения. Среди школьников, пробующих силы в поэтическом слове, он пользовался всеобщим уважением: в его поэтическом хозяйстве уже было свыше десятка тетрадей стихов. Тетради эти, с любовью оформленные, в красочных обложках, целы до сих пор, а тогда они ходили по рукам из класса в класс. Их читали и перечитывали. Обложки к ним делал его одноклассник и друг Коля Шеберстов, нередко и сам выступавший в качестве поэта и, насколько мне известно, по сей день, будучи заметным художником-графиком, пишущий, но почему-то так и не печатающий своих стихов.

Уже в ту пору стихи Николая Майорова были не похожи на всё то, что читалось на вечерах, публиковалось в стенной газете. Ни в разговорах, ни тем более в стихах — своих и чужих — он не переносил общих слов. Строки его всегда отличало раздумье.

Природный ум, постоянная дружба с книгой заметно выделяли его среди сверстников. На учебные дела, которые, кстати сказать, всегда шли отличнейшим образом, на жизнь он смотрел по-взрослому серьёзно. Это и притягивало к нему многих, скрепляло крепкой и бескорыстной дружбой.

Писал он много и увлечённо. Но поэтом быть не собирался, считая, что писателем может быть только человек по-настоящему талантливый, такого ряда, к какому себя не причислял.

И когда настало время выбирать вуз, пошёл на исторический факультет. К истории он всегда относился с особым интересом и уважением.

Будучи в Москве, он не порывал с родной школой. В стенной «Литгазете» всё так же появлялись его, только уже не от руки написанные, а три или четыре стиха в газетных вырезках из университетской многотиражки, литотдел которой редактировал в ту пору «замечательный парень Виктор Болховитинов».

Это «Часы», «В Михайловском», «Быль военная»,
написанные ещё до поступления в университет, летом 1937
года.

Часы

Я не знаю, час который.
Летний день уходит в дым.
Может, нам расстаться скоро,
Может, часик посидим?
Против озера большого
У смеющейся воды
Запоём с тобою снова,
Что мы оба молоды.
Не гляди в часы. Не надо.
Я часам твоим не рад.
Ниагарским водопадом
Брызги времени летят.
И подумай — кто осудит?
Прогуляем до росы.
Может, бросим и забудем
Расставанье и часы?
С ветром ночь уже шепталась,
Падал с трав кристалл росы.
Но любовь не умещалась
Ни в слова и ни в часы.

В Михайловском

Смотреть в камин. Следить, как уголь
Стал незаметно потухать.
И слушать, как свирепо вьюга
Стучится в ставни.
И опять
Перебирать слова, как память,
И ставить слово на ребро
И негритянскими губами
Трепать гусиное перо.
Закрыть глаза, чтоб злей и резче

Вставали в памяти твоей
Стихи, пирушки, мир и вещи,
Портреты женщин и друзей,
Цветных обоев резкий скос,
Опустошённые бутылки,
И прядь ласкаемых волос
Забытой женщины, и ссылки,
И всё, чем жизнь ещё пестра,
Как жизнь восточного гарема.
...И досидеться до утра
Над недописанной поэмой.

Быль военная

Ночь склонилась над рожью,
Колос слепо ловит тьму.
Ветер тронул мелкой дрожью
Трав зелёную кошму.
Тишина котёнком бродит
От реки до дальних троп.
У соседки в огороде
Дремлет ласковый укроп.
Мой товарищ курит трубку,
Говорит не торопясь.
О боях, о жаркой рубке
Начинается рассказ.
Только вот глаза прикрою,
Память снова говорит.
Под днепровскою волною
Не один товарищ спит.
И пройди по всем курганам —
Бой кровавый не забыт,
И курганы носят раны
От снарядов и копыт.
Мы не раз за трубкой вспомним
Быль военную годов,
Как в упор в каменоломню

К нам тянулись семь штыков.
Как прорвались мы гранатой –
Всё снесли в огонь и дым.
Даже мост спиной горбатой
Встал в испуге на дыбы.
...Мой товарищ, мой ровесник,
Мой любимый побратим,
Этой славы, этой песни
Никому не отдадим.

Кстати, о печатанье стихов. При жизни Николай Майоров напечатал не больше 4–5 стихотворений. Напечататься, выйти в свет он никогда не старался, считая, что настоящие стихи, если они будут, — впереди.

Требовательный к себе, он не искал лёгкого успеха. А уж в ту пору его стихи были на редкость зрелыми, крепкими, выгодно отличались от «поэтической продукции» сверстников.

Помнится, году в 38-м в наших местах (а жили мы на окраине Иванова) разбился самолёт. Весь личный состав погиб.

На другой день на зелёном Успенском кладбище состоялись похороны. В суровом молчании на холодный горький песок первой в нашей мальчишеской жизни братской могилы военные лётчики возложили срезанные ударом о землю винты самолёта.

А вечером Коля читал свои стихи, которые, помнится, заканчивались строфой:

Вот если б все с такою жаждой жили,
Чтоб на могилу им взамен плиты
Их инструмент разбитый положили
И лишь потом поставили цветы...

Событие это оставило в его душе неизгладимый след. Чуткий и отзывчивый к людям, он превыше всего ставил в человеке мужество и прямоту. Тема бесстрашия, гуманизма, преданности делу навсегда осталась для него ведущей.

Стихи о памятнике, как и многие другие, опубликованы не были. Несмотря на дружеские советы, автор в редакцию их не отнёс.

— О жизни и смерти – это очень трудно... Надо так написать, как я не могу, – горячо доказывал он.

На традиционные встречи с бывшими воспитанниками 33-й школы в дни зимних и летних каникул он приезжал буквально набитый стихами. К тому времени, с 39-го года. Коля Майоров параллельно с историческим факультетом посещал семинарские занятия в Литературном институте. У него были две зачётные книжки, и тут и там он шёл отлично.

С любовью, горячо рассказывал Коля о поэтическом семинаре Павла Антокольского, на память читал стихи своих московских друзей.

Для нас, младших поэтов, тех, кто ещё оставался в школе, эти встречи были настоящим праздником: ведь он видел и знал многих настоящих живых поэтов! Разговоры завязывались горячие: об искусстве, о литературе – и в том и в другом знания он обнаруживал основательные, удивительные для студента. Если кто «зарывался», с полки немедленно снимался том Лермонтова, Пушкина и ли Есенина – смотря по обстоятельствам. Время пролетало незаметно.

* * *

Особенно плодотворными были для Майорова 39-й и 40-й годы. Он пишет две большие поэмы – «Ваятель» и «Семья» – и множество стихов.

В записях, оставшихся от родителей, случайно сохранился небольшой (подлинность его подтверждает В. Болховитинов) отрывок из поэмы «Семья», поэмы о годах коллективизации: кулак Емельян – один из главных персонажей – бежит из деревни. Несколько строк из большой картины.

На третьей полке сны запрещены.

Худой, небритый, дюже злой от хмеля,

Спал Емельян вблизи чужой жены

В сырую ночь под первое апреля.

Ему приснилась девка у столба,

В веснушках нос, густые бабьи косы.

Вагон дрожал, как старая изба,

Поставленная кем-то на колёса.

Ко времени работы над поэмой «Семья» относятся и нижеприведённые фрагменты, которые печатались недавно как отдельные стихи.

Дед

Он делал стулья и столы
И, умирать уже готовясь.
Купил свечу, постлал полы
И новый сруб срубил на совесть.
Свечу поставив на киот,
Он лёг поблизости с корытом
И отошёл. А чёрный рот
Так и остался незакрытым.
И два огромных кулака
Легли на грудь. И тесно было
В избёнке низенькой, пока
Его прямое тело стыло.

Что я видел в детстве

Косых полатей смрад и вонь.
Икона в грязной серой раме.
И средь игрушек детский конь
С распоротыми боками.
Гвоздей ворованных полсвязки.
Перила скользкие. В углу
Оглохший дед. За полночь – сказки.
И кот, уснувший на полу.
Крыльцо, запачканное охрой.
И морды чалых лошадей.
Зашитый бредень. Берег мокрый.
С травой сцепившийся репей.
На частоколе чёрный ворон
И грядка в сорной лебеде.
Река за хатою у бора,
Лопух, распластанный в воде.
Купанье – и попытка спеться.

Девчонка, от которой ждёшь
Улыбки, сказанной от сердца.

...Всё это шло, теснилось в память,
Врывалось в жизнь мою, пока
Я не поймал в оконной раме
В тенётах крепких паука.
О, мне давно дошло до слуха:
В углу, прокисшем и глухом,
В единоборстве билась муха
С большим мохнатым пауком.
И понял я, что век от века,
Не вняв глухому зову мук,
Сосал, впиваясь в человека,
Огромный холёный паук.

И я тогда, давясь от злобы,
Забыв, что ветер гнал весну,
Клялся, упёршись в стенку гроба,
В котором отчим мой уснул.
Клялся полатями косыми,
Страданьем лет его глухих.
Отмщеньем, предками босыми,
Судьбой обиженного сына,
Уродством родичей своих, —
Что за судьбу, за ветошь бедствий
Спрошу я много у врага!

Так шло, врывалось в память детство,
Оборванное донага.

От большой поэмы «Ваятель» остался один отрывок, подлинность которого не подлежит сомнению, он печатается как стихотворение под названием «Творчество». Другой отрывок — не очень точный — приводится Ириной Пташниковой.

По-видимому, к первоначальным вариантам поэмы относится и приводимый ниже отрывок, который рукой же Майорова датируется 38-м годом.

Никто не спросит, не скостит,
Не упрекнёт обидным словом,
Что стол мой пятнами изрыт,
Как щёки мальчика рябого.
Я спал на нём. Кому-то верил.
И писем ждал. Знать, потому,
Захлопнув поплотнее двери,
Я стал завидовать ему.
Живу с опаской. Снов не знаю.
Считаю даты. Жду весны.
А в окна, будто явь сквозная,
Летят, не задевая, сны.
Проходят дни, и всё короче,
Всё явственней и глуше мне
Поёт мой стол, и чертят ночи
Рисунок странный на стекле.
И в тонких линиях ваянья.
Что ночь выводит по стеклу,
Так много слёз и обаянья,
Пристрастья вечного к теплу, –
Что я теряюсь и немею.
Я нем почти. Почти в снегу.
Сказать хочу – и не умею,
Хочу запеть – и не могу.

Ко времени работы над поэмами относятся и следующие стихотворные наброски, сохранившиеся в черновых записях поэта.

* * *

Как жил, кого любил, кому руки не подал,
С кем дружбу вёл и должен был кому –
Узнают всё,

Раскроют все комоды,
Разложат дни твои по одному.

* * *

Мне только б жить и видеть росчерк грубый
Твоих бровей. И пережить тот суд,
Когда глаза солгут твои, а губы
Чужое имя вслух произнесут.
Уйди. Но так, чтоб я тебя не слышал,
Не видел... чтобы, близким не грубя,
Я дальше жил и подымался выше,
Как будто вовсе не было тебя.
1939

* * *

Я знал тебя, должно быть, не за тем,
Чтоб год спустя, всему кладя начало,
Всем забытьём, всей тяжестью поэм,
Как слёз полон, ты к горлу подступала,

Чтоб, как вина, ты после долго жгла
И что ни ночь – тобою б только мнилось,
Чтоб лишь к концу, не выдержав, могла
Оставить блажь и сдаться мне на милость.

Чтоб я не помнил этой тишины,
Забыл про сны, про небо и про жалость,
Чтоб ни угла, ни окон, ни жены
Мне на твоей земле не оставалось.

Но всё не так. Ты даже знать не можешь.
Где началась, где кончилась гроза.
Не так солжёшь, не так ладонь положишь,
Совсем по-детски поглядишь в глаза.

А я устал. За мною столько лестниц.
Я перешёл ту верную межу,

Когда все мысли сходятся на песне.
Какой, должно быть, вовсе не сложу.
1939

Горько об этом говорить, но почти все стихи и обе поэмы утрачены: они остались в Москве, в общежитии, когда Коля Майоров уходил на фронт, и пропали вместе со всеми его вещами. А между тем эти стихи и поэмы давали основание верить, что в лице Коли Майорова в советскую поэзию приходил большой поэт.

* * *

И вот грянула Великая Отечественная. Почерневший и посуровевший, с обострившимися скулами появился Коля Майоров в Иванове летом 41-го. Вместе с другими студентами он копал противотанковые рвы где-то под Ельней. На этот раз недолго ему довелось побыть дома. Из Москвы телеграммой извещали, что на его имя пришла повестка из военкомата (это ответ на его заявление). Сообщение он встретил, как должное.

...Вещь за вещь извлекались из сундука армейские сапоги, гимнастёрка, тёмно-синие галифе. Меня это крайне удивило. И я, помню, сказал ему об этом.

— Ничего удивительного. Время такое! Сейчас и портянки найдём и портупею, — говорил он, а за переборкой плакала мать.

— Да ты не думай, что вперёд глядел. Это всё для Алексея, ты же знаешь.

Старший брат Николая, Алексей, лётчик-истребитель, был уже в деле.

Наконец всё было найдено и надето. Я помог ему застегнуть портупею. С гражданской жизнью было покончено...

Я получил от него одну-единственную открытку: с марша на передовую — наспех. Карандашом он сообщал, что и как. Обещал писать и дальше.

Но почти в каждую семью приходили повестки из райвоенкоматов. Пришла повестка и на моё имя.

Только, вернувшись с войны, в 1945 году, я узнал, что больше нет Коли Майорова. Но и теперь, за огромной дальностью времени, в это не верится.

Николай Майоров

По вехам горестных дорог
навстречу времени шагать...
Я столько раз давал зарок
порог тот не переступать,
чтоб ран чужих не бередить,
чтоб за помин души не пить.

А вот опять пришел и сел
на сиротливый табурет,
где двадцать лет назад сидел
мой друг... А над столом портрет,
что Коля Шеберстов писал, —
как будто знал, предполагал...

О, как наивны годы те
в упорстве яростном своем:
«Пусть не в стихе, пусть на холсте,
но мы дойдем...» К кому дойдем?
К любимой? А любимой нет.
И сына нет, и внука нет...

Пуškai простят нам этот бред
и на бессмертие замах.
Мы жили жадно в двадцать лет,
врагам и недругам на страх.

А он глядит во все глаза
на мир из света и воды.
В слух уходил — звенит роса,
скрипят на веточках плоды.

Вот чья-то женщина идет.
Наверно, чья-то. Не ничья.
Бровей разлет, руки полет,
любая жилочка поет...

Такая — да еще б ничья!

Не обернулась... Ладно, что ж,
в запасе — жизнь. Ударит час —
полюбят, может быть, и нас,
мир и без этого хорош.

Еще мы шли на эту ложь.
Но он, лукавая, понимал,
что без любви не проживешь,
что сам себя не проведешь, —
мир без нее и тускл и мал.

Чего он ждал? Он сам не знал,
но верил — сбудется, придет.
Так ждут дождя в тяжелый год,
знаменья верующий ждет...

Ирина!..
В голосе твоём,
в твоих глазах, узле волос
вдруг все слилось, перевилося.
И не его вина потом,
что все пришлось, да не сбылось...
Он был средь нас добрее всех,
умнее всех, прямее всех,
а в день повесток — в трудный день —
еще к тому ж — смелее всех.
Пусть мне посмеет возразить,
пусть возмутится тот студент,
тот выпускник,
что под Ташкент

уехал маму отвозить,
иль тот, что в Ашхабад удрал.
(Все, говорят, стихи писал,
бил стертой рифмой по врагу...)
А мы лежали на снегу.
Погибший
в рифмах
понимал.

Николай Глазков **Майским днём**

Помню солнечный майский день 1940 года. При журнале «Молодая гвардия» существовало литобъединение, собирающееся раз в неделю.

Помню, молодые поэты, которые очень не любили, когда их называли молодыми, читали свои стихи. В тот солнечный майский день читали стихи многие поэты. Большинство из них демонстрировало незаурядную поэтическую технику. Стихи слушались с интересом, но не трогали. Чего-то им не хватало.

Одним из последних выступил Майоров, истфак университета – так его представили. Меня его стихи захватили, увлекли: у него в стихах было то, чего явно не хватало другим. Стихи Майорова подкупали своей жизненной правдой. Очень понравилось мне стихотворение, в котором Майоров рассказывал, как он плавает. Казалось бы, плывёт человек по воде, и ничего в этом нет особенного: никакой романтики!.. Ан не!.. Я ощущал волны, по которым плыл Майоров, я чувствовал в его стихах знойный летний день, я сам так же плавал. И к чувству восхищения стихами Майорова примешивалось чувство некоторой досады: почему не я написал эти стихи?.. Потом я увидел эти стихи напечатанными в столь урезанном виде, столь изуродованными, что мне стало их жалко. Но это было потом.

У меня сохранилось это стихотворение, но, кажется, без последних строк:

На реке
Плыву вслепую. Многое не вижу,
А где-то есть конец всему и дно.
Плыву один. Всё ощутимей, ближе
Земля и небо, слитые в одно.
И только слышно,
Там, за поворотом
Торчащих свай, за криками людей,
Склоняясь к воде с мостков дощатых,
Кто-то
Сухой ладонью гладит по воде.
И от запруд повадкой лебединой
Пройдёт волна, и слышно, как тогда
Обрушится серебряной лавиной
На камни пожелтевшая вода.
И хорошо, что берег так далёко.
Когда взгляну в ту сторону,
Едва
Его я вижу. Осторожно, боком
Туда приходит стаями плотва.
А зыбь воды приятна и легка мне...
Плотва проходит рукавом реки
И, обойдя сухой камыш и камни,
Идёт за мост, где курят рыбаки.
Я оглянусь, увижу только тело
Таким, как есть, прозрачным, наяву, —
То самое, которое хотело
Касаться женщин, падать на траву,
Тонуть в воде, лежать в песке у мола...
Но знаю я — настанет день, когда
Мне в первый раз покажется тяжёлой
Доныне невесомая вода.

В тот майский день после чтения стихов я подошёл к Коле Майорову, и мы познакомились. Я не утерпел и сказал, что стихи его гораздо лучше, чем стихи... следовал перечень имён. Но Коля не поддержал меня, перевёл разговор на другую тему, мои восторги были ему почему-то неприятны.

Позднее, подружившись, узнав его хорошенько, я понял, что эта скромность была не наигранной. Коля Майоров не любил шумихи, охотно читал свои стихи одному, двум, трём товарищам, но не стремился покорять аудиторию. Ему было чуждо тщеславие. Коля Майоров никогда не сомневался, что он поэт, но не искал этому подтверждения. Для него была характерна та спокойная уверенность, которую я встречал у знакомых мне лётчиков.

С осени 1940 года Коля Майоров регулярно посещал поэтический семинар Павла Григорьевича Антокольского, и мы часто встречались в стенах Литературного института, читали друг другу свои стихи.

Стихи Коли не походили на стихи других поэтов. И ритм самый обычный, и рифмы не в десять слогов, но, слушая Колю Майорова, я забывал и про рифмы. И про ритм, и про эпитеты, и про метафоры, и про всё то, чему я тогда, по молодости предавал значение.

Это особое, майоровское, было даже в тех стихах, которые написаны в пору семинарских занятий в манере учителей, старших поэтов. Назову для примера хотя бы плотно, крепко написанное стихотворение «Рембрандт», которое я ещё не видел напечатанным.

Рембрандт

В таверне дым, в кармане не флорина.

Рембрандт ногтями стучает о стол,

Любуясь переливами графина,

Косым лучом, упавшим на подол

Красотки местной. Пиво на исходе.

Матросы просят рома, ну, а ром

Теперь у бургомистров только в моде,

А моряки привыкли пить ведром.

Они сидят, нахохлившись, сутулясь,
В своём углу и вспоминают вслух
Вакханок с амстердамских улиц,
Пустых жеманниц, безыскусных шлюх.
А старый штурман, отойдя к окошку,
Едва держась, как будто невзначай
Красотке, нёшей на подносе чай,
Жмёт с вождельем пухленькую ножку.
Глухой маньяк, желающий не меньше,
Чем этот штурман, в давке, на лету
За полфлорина амстердамских женщин
Ловить, как птиц, порхающих в порту,
Глядит, трезвея, зло на моряка...
Меж тем Рембрандт, взобравшись на подмости,
Двумя-тремя штрихами с маньяка
Сухим огрызком делает наброски.
Потом идёт. Теперь проспать где бы?
Уснув, как грузчик, видит на заре
Матросами заплёванное небо
И слышит грусть шарманки во дворе.

Художник Брюллов в своё время сказал: «Искусство начинается там, где начинается чуть-чуть». Этого «чуть-чуть» у Коли Майорова было больше чем достаточно.

Коля Майоров жил удивительно просто и скромно. Он не щеголял ни ярким галстуком, ни новым костюмом, чурался всего показного, избегал громких фраз. Он был человеком огромной жизнерадостности. Умел восхищаться искренне, по-детски. У многих поэтов радость сквозила в стихах, посвящённых Первому мая, а у Коли Майорова каждый день было Первое мая!.. И восхищался он только тем, что сам непосредственно видел, слышал, чувствовал, осязал.

Коля Майоров погиб двадцати трёх лет. Невозвратимая потеря! Теперь Коля Майоров посмертно принят в члены Союза писателей СССР. Долг его друзей отыскать всё, что успел сделать замечательный поэт в свои недолгие годы.

Коля Майоров должен по праву войти в нашу поэзию, «как живой с живыми говоря»!

Даниил Данин

Памяти Николая Майорова

Кто-то сказал о встречах военных лет: «И незабываемое забывается». Это невесело, но правда. Однако правда и другое: когда незабываемое вспоминается, оно оживает для нас во всей первоначальной цельности и неповторимости. Это оттого, что оно тайно живет в наших душах, не изменяясь с годами: завершенное, оно уже не может измениться.

Больше двух десятилетий прошло с тех пор, как университетские друзья Николая Майорова расстались с ним, не простившись. Они уже никогда с ним не увидятся. Исправить тут ничего нельзя. Этому сроку предстоит только увеличиваться. Но законы перспективы, не нарушаемые в пространстве, к счастью, могут нарушаться во времени. Отдаляясь, образ Николая Майорова не уменьшается и не тускнеет. А то, что стирается в памяти, наверное, никогда и не было существенным.

Я познакомился с Колей Майоровым за три года до Великой Отечественной войны — в мирную пору, когда увлеченные литературой студенты Московского университета объединились в литгруппу. Как всегда и во всех юношеских литературных объединениях, там, конечно, господствовали лирики.

Удивительное дело: во все времена повторяется одно и то же: молодые поэты, ищущие себя и жаждущие понимания, находят других, себе подобных, таких же ищущих и жаждущих, по незримому и неслышному пеленгу, который неведом посторонним. <...> Когда осенью 1938 года в одном из старых университетских зданий на улице Герцена студенческая литгруппа собралась на первое регулярное занятие, Коля Майоров был незаметен в пестрой аудитории. Но почему-то все

уже что-то знали друг о друге, и больше всего именно о Майорове. Будущие биологи и географы, химики и математики, физики и историки читали свои стихи. И помню, как из разных углов раздавались уверенные голоса:

— Пусть почитает Майоров, истфак!

Но он смущенно отнекивался — то ли от робости, то ли от гордыни. Казалось, он примеривается к чужим стихам, звучащим в аудитории, мысленно сравнивает их со своими, выбирает — «что прочесть?» Наконец он вылез из-за студенческого стола, встал где-то сбоку и начал читать.

Крепко стиснутым кулаком он, этот «Майоров, истфак», словно бы расчищал живой мысли стихотворения прямую дорогу через обвалы строф. И к концу того первого вечера стало очевидно со всей несомненностью: это будет «первая ракетка» в поэтической команде университета.

Не для традиционного сопоставления скромности и таланта упомянул я, что Николай Майоров был незаметен в пестрой толпе участников университетского литобъединения. Просто захотелось вспомнить, как он выглядел, каким показался в минуту знакомства. Совсем недавно, через столько лет после той поры, один ныне здравствующий поэт уверял меня, что Коля Майоров был высоким красавцем. Это легко объяснимая абберрация памяти. Я разубеждал поэта, а потом пожалел, что так старался. В воображении поэта жил образ Майорова, я же рассказывал ему про облик своего старого приятеля. А это разные вещи, и они не обязаны совпадать.

Коля Майоров поразительно не был похож на стихотворца, как не был похож на «служителя муз» поэт божьей милостью Николай Заболоцкий. Ничего завидного во внешности — ничего впечатляющего, что заставило бы на улице оглянуться прохожего. <...> Может быть, это экономная природа не наделяет истинное достоинство лишними одеждами — они ведь ему не нужны... Впрочем, это сомнительный закон — слишком много из него исключений. Но Коля Майоров был выразительнейшим его подтверждением.

Нет, он не был скромн:
Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.

Он знал, что он — поэт. И, готовясь стать историком, утверждал себя, прежде всего, как поэт. У него было на это право.

Как все юноши, он много писал о любви. Но в отличие от большинства начинающих лириков он размышлял о ней не мечтательно и бесплотно, а требовательно, жарко и даже зло. Не столь важно искать для этого объяснения — гораздо существенней увидеть в этом первый и самый доказательный намек на своеобразие поэтического видения жизни, какое свойственно было Майорову.

Пусть люди думают, что я трамвая жду,
В конце концов, кому какое дело,
Что девушка сидит в шестом ряду
И равнодушно слушает «Отелло».

. . . . .

Как передать то содроганье зала,
Когда не вскрикнуть было бы нельзя.
Одна она с достоинством зевала,
Глазами вверх на занавес скользля.

Ей не понять Шекспира и меня!

Немногие отважились бы на такую строку. Но талант — это смелость. И всю молодую отвагу своего сердца и своего ума Майоров тратил не на маленькую поэтическую фронду против внешне традиционных форм стиха — фронду, которая часто оказывается единственной доблестью начинающих, а на поиски своего «угла зрения», своего понимания прекрасного.

Как все юноши на пороге начинающейся зрелости, он много думал и писал о смерти (так устроен человек!). Но в отличие от большинства философствующих юнцов он размышлял о ней не меланхолически-печально и тревожился не

о бренности всего земного, а искал в этой теме мужественное утверждение жизни, героическое начало, бессмертие человеческого творчества и труда.

Им не воздвигли мраморной плиты.
На бугорке, где гроб землёй накрыли,
Как ощущение вечной высоты,
Пропеллер неисправный положили.

. . . . .
О, если б все с такою жаждой жили!
Чтоб на могилу им взамен плиты
Как память ими взятой высоты
Их инструмент разбитый положили
И лишь потом поставили цветы.

Внешне незаметный, он не был тих и безответен. Он и мнения свои защищал, как читал стихи: потрясая перед грудью кулаком, чуть вывернутым тыльной стороной к противнику, точно рука несла перчатку боксера. Он легко возбуждался, весь розовея. Он не щадил чужого самолюбия и в оценках поэзии бывал всегда резко определен. Он не любил в стихах многоречивой словесности, но обожал земную вещность образа. Он не признавал стихов без летящей поэтической мысли, но был уверен, что именно для надежного полета ей нужны тяжелые крылья и сильная грудь. Так он и сам старался писать свои стихи — земные, прочные, годные для дальних перелетов.

... Я полюбил весомые слова.

Разве это не чувствуется даже в тех немногих строках, что приведены выше? Иногда после занятий университетской группы мы бродили по ночной Москве, обычно вчетвером: Коля Майоров, Виктор Болховитинов, Николай Банников и я. У Коли всегда оказывались в запасе почему-то не прочитанные сегодня на занятии стихи. «Почему? Что же ты молчал?» — «А ну их к черту, это не работа, еще не получилось!» — отвечал он. И он продолжал искать свои весомые слова, которые не сразу даются

в руки только сильным поэтам, потому что ощущение «веса» слов у них совсем иное, чем у версификаторов. Он не доверялся чужим гилям и гирькам, и ему невозможно было подсказать строфу или строку — он с ходу отвергал любые предложения или прямым протестом, или улыбкой, или молчанием. Ему годилось только то, что выковалось в нем самом.

Он полюбил весомые слова, когда было ему около двадцати. А в двадцать три его уже не стало. Он успел сделать сравнительно немного: его литературное наследство — это сто страниц, три тысячи машинописных строк. Но все, что он считал законченным, — настоящее. Он был весь обещание. И не потому только, что природа дала ему талант, а воспитание — трудоспособность. Он очень рано осознал себя поэтом своего поколения — глашатаем того предвоенного поколения, которое приходило к поре начинающейся внутренней зрелости в конце 30-х годов.

Он чувствовал себя тем «шалым трубачом», о котором прекрасно написал в стихотворении «Мы».

Еще меньше, чем на поэта, Николай Майоров был похож на записного героя. Но и героем он стал таким же, как и поэтом, — настоящим. Он умер, как сам предсказал: в бою.

Мальчик, родившийся в девятнадцатом году под Иваново-Вознесенском, погиб совсем еще юнцом в сорок втором под Смоленском. Доброволец-разведчик погиб, не докурив последней папиросы, не дописав последнего стихотворения, не долюбив, не дождавшись книги своих стихов, не окончив университета, не доучившись в Литературном институте, не раскрыв всех возможностей, какие сам в себе прозревал... Все в его жизни осталось незавершенным, кроме нее самой. Но стихи его, сработанные для дальнего полета, продолжают свой рейс: у них сильные крылья — такие, кК он хотел.

Уходя, он в своих стихах точно предупредил нас, что останется неотъемлемой частью пережитого нами. Так оно и случилось. Он вошел в разряд незабываемого. И навсегда помнится, что он был.

Борис Слуцкий

Последняя встреча

Был октябрь 1941 года, один из самых тяжёлых для Москвы дней октября — 16 или 17 число.

Немцы наступали где-то у Можайска. Их ещё не удавалось остановить. Кое-где над центром города падал странный серый снег, вялый, медленный. Это был пепел. Эвакуируемые учреждения жгли бумаги. Каждый час тысячи людей уходили на запад, на юго-запад, на северо-запад — на фронт. Другие тысячи уходили и уезжали на восток, в эвакуацию.

Вот в такой день на улице Герцена я и встретил, в последний раз в жизни, Колю Майорова.

Какой он был тогда — помню: хмурый, лобастый, неторопливый, с медленной доброй усмешкой на губах.

— А я вот иду в военкомат, записываться в армию.

Постояли мы на улице, на самой важной для нас обеих улице Герцена — больше трёх лет проучились мы на ней, через два дома друг от друга. Поговорили о товарищах: кто как и кто где. Торопливо, в двух словах, рассказал я Коле о фронте и о госпитале. И — разошлись, чтобы никогда более не увидеть друг друга.

* * *

В книге Майорова, которая вышла год назад, и в этом сборнике собраны почти все известные мне стихи Коли — последних трёх-четырёх лет его жизни. Почти все, но не все.

Я хорошо помню стихи о деревенской гулянке, со строкой:

Я сам любил ходить в такие игры.

Может быть, когда-нибудь вспомнятся, приснятся другие стихи, другие строки, а может быть, и не вспомнятся. Мы, наверное, слушали в те годы друг друга не очень внимательно. Всё написанное и читанное казалось присказкой. «А сказка будет впереди». Главное ещё напишется. У иных так и случилось. А у иных вместо сказки впереди была смерть.

* * *

Я перечитываю стихи Майорова тридцать девятого, сорокового, сорок первого годов. Много вспоминаю, со многим встречаюсь впервые и думаю, что нет, это уже не присказка.

Мы никогда не прочтём того, что Коля написал бы о войне, о нашей победе. Но он сказал своё честное и точное слово о том, что думали и чувствовали люди его поколения за день, за год до войны. О буре истории, ревавшей за окнами наших студенческих общежитий. И о том, как

...были высоки, русоволосы

те, кто шагнул навстречу буре. Победа начинается с решимости её добиться, с уверенности в правоте нашего дела. Об этой решимости, об этой правоте — всё, что написал Майоров.

Михаил Львов

Николай Майоров

В 1947 году в вестибюле МГУ я увидел рослого, с открытым лицом, с развевающимися волосами студента и вздрогнул: он был очень похож на Колю Майорова. Сходство это длилось только мгновение. Пронзила мысль: невозвратные есть потери. Не возможно возвратить человека из земли. И только образ его остается, вечно живой, в нашей душе. Я не видел Колю Майорова мертвым. Только знаю рассудком, что он погиб, а сердцем представить не могу его неживым.

Он так и остался в моей памяти — высокий, сильный, добрый, со зрением, я бы сказал, цветным. Как цветное кино. Он густо воспринимал жизнь, мир в его стихах вставал объемным, зримым, цветным. Остались от него недописанные поэмы, стихи, строки, осколки таланта. Но и сейчас неподдельной

юностью и свежестью восприятия мира веет от этих стихов. До сих пор я люблю повторять его живее строки:

Что услышишь в ночь такую?

То ли влага бьет в суку,

То ль тетерева токуют

В ночь такую на току⁴⁵.

И многие, многие строки, живые, молодые, с языческим восприятием жизни, остались от Коли Майорова.

Говорят, в 1914 году в первые недели войны во Франции погибло 300 поэтов. Триста поэтов! Это не укладывается в сознании! А сколько поэтов унесла вторая мировая! Блистательно начинали свой поэтический путь Коля Майоров, Миша Кульчицкий, Павел Коган, Коля Отрада, Арон Копштейн. Все, что осталось от них, дорого до боли. В них черты нашей юности, облик наших друзей, погибших на войне, но живущих в наших сердцах.

От Коли Майорова осталось много стихов. Мы должны напечатать все его лучшее. Это будет нашей признательностью, признательностью живых тем, кто своей жизнью отстоял жизнь для всех.

Павел Антокольский **(Предисловие)**

Двадцать лет тому назад, зимою 1940/41 года, в Литературном институте имени Максима Горького работал поэтический семинар, объединявший студентов одаренных и самобытных, истово рвавшихся к поэтическому творчеству. Будущее показало, сто многие из них действительно стали поэтами. В семинаре господствовала атмосфера горячая и чистая — уважение друг к другу, хозяйская забота о судьбах нашей поэзии.

---

⁴⁵ Стихотворение «Зов жизни» было опубликовано В.А. Ружиной. См. стр. 109 – Л.Л.)

Сейчас я плохо помню, как выглядел внешне, в какой пиджак был одет студент-историк Николай Майоров, читавший свои стихи глуховатым, низким голосом. Был он, кажется, выше среднего роста, с лицом серьезным и сосредоточенным, был немногословен и чуть неуклюж. В стихах его звучала воспитанная самой жизнью, а не вычитанная в книгах, любовь к истории родной земли.

Николаю Майорову не приходилось искать себя и свою тему. Его поэтический мир с самого начала был очерчен, и в самоограничении он чувствовал свою силу. Его лирика, повествующая об искренней мужской любви, органична в этом поэтическом мире.

Осенью 1941 года, как и многие его сверстники-студенты, Николай Майоров пошел добровольцем в армию и пал смертью храбрых.

... И вот сейчас, через двадцать лет, передо мною лежат стихи Николая Майорова, написанные еще в студенческие годы. В них легко узнать автора, круг его излюбленных образов, с тою только разницей, поистине огромной разницей, что история для Майорова перестала быть рассказом о прошлом. Она превратилась в его собственную военную судьбу, сделалась историей, творимой рядом с ним такими же, как он, а отчасти и им самим. Он увидел как бы со стороны самого себя и поколение, к которому принадлежал, увидел исторически. В этом интерес и своеобразие этих надежно построенных, оправданных военным подвигом строк и строф.

Стихи Николая Майорова уже не постареют, точно так же, как не постареет их автор, погибший в молодости и навсегда оставшийся молодым.

Письмо родителям Николая Майорова

Через много лет после войны в дом на 1-й Авиационной улице в Иваново пришло письмо от Павла Григорьевича Антокольского. Он писал отцу Николая:

«Глубокоуважаемый Петр Максимович! Спасибо Вам, дорогой, за отклик на статью о Вашем замечательном сыне. Я горжусь тем, что немного способствовал сохранению памяти о нем, и глубоко надеюсь, что этим дело не кончится: мы, его друзья, старшие и младшие, будем еще собирать оставшиеся от него стихи и обязательно добьемся, чтобы их напечатали.

В тот же день... пришло еще одно (письмо) — от гражданки Ирины Пташниковой, которая хорошо знала Николая; она прислала одно его прекрасное стихотворение...

Низко кланяюсь Вам и матери Николая, Вашей жене.

Ваш Павел Антокольский».

Сергей Наровчатов

Улица Николая Майорова

Моим спутником в поездке был Виктор Болховитинов. Он знал Майорова ближе и дольше, я помнил его отрывочнее, избирательнее и, применяя термин живописи, «мазками». Запомнился мне Николай высоким, угловатым, прямым... «Да вовсе он не был высоким, — поправил меня Болховитинов, сухощавый и угловатый, а росту среднего. — И добавил, помолчав: — Это он в стихах стал высоким».

Так, конечно, это и было. Майоров сам предугадал aberrацию позднего зрения:

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли не долюбив,
Не докурив последней папиросы.

Но во всяком мифе есть зерно исторической истины, и совсем не случайно в моей памяти — да и не только моей! — Николай Майоров остался «высоким». Ведь они и впрямь были высоки, друзья нашей юности, сложившие свои упрямые мальчишеские головы на полях большой войны. Высокие своими помыслами и стремлениями, поступками и подвигами. И

эта духовная высота преобразовалась нашей памятью в физическую. <...>

В стихах Майорова «я» и «мы» взаимозаменяемы. Щедрость своего взгляда, сердца, души он легко передавал рядом идущим и так же легко брал у них близкие ему чувства и мысли. Ощущение единства судьбы своего поколения развито было в нем в высшей степени.

Мысль о возможной необходимости своей смерти, объединенная с чувством бессмертия дела, во имя которого будет принята смерть, ничего общего не имела с жертвенностью. Мысль эта владела не одним Майоровым — в стихах Георгия Суворова, Павла Когана, Михаила Кульчицкого она повторяется с неменьшей настойчивостью. Напрасно стали бы мы искать в их самоэпитафиях надрывную ноту — ее там нет. А ведь эти стихи писались двадцатилетними юношами, почти мальчиками. Нет, какие же они были мальчики, настоящие мужчины — вот кем они были! И стихи писали мужские. Так прямо и спокойно смотрели в глаза своей участи... <...>

Мне запомнилось, как он читал стихи на встрече двух литкружков — университетского и гослитиздатского. Николай представлял МГУ и, употребляя старую футбольную терминологию, был как бы центрфорвардом своего коллектива. Мы — П. Коган, А. Яшин, М. Кульчицкий, Б. Слуцкий и я — знали о Майорове понаслышке, отдельные строки были нам знакомы, но общего впечатления еще не было. И мы с ревнивой настороженностью встретили его появление: мол, бахвелятся мгувцы или впрямь заполучили хорошего поэта?

И вот на середину комнаты вышел угловатый паренек, обвел нас деловито-сумрачным взглядом и как гвоздями вколотил в тишину три слова: «Что — значит — любить». А там на нас обрушился такой безостановочный императив — и грамматический, и душевный, — что мы, вполне привыкшие и к своим императивам, чуть н растерялись.

Идти сквозь вьюгу напролом.

Ползти ползком. Бежать вслепую.

Идти и падать. Бить челом.

И все ж любить ее — такую!
«Такую» — он как-то озлобленно и в то же время
торжественно подчеркнул.
Забыть про дом и сон,
Про то, что
Твоим обидам нет числа,
Что мимо утренняя почта
Чужое счастье пронесла.
«А ведь хорошо!» — уронил сдержанный на похвалу Яшин.
Майоров глазом не моргнул на первую реплику, пробивавшую
окружающую его настороженность. Стихи неслись дальше:
Забыть последние потери.
Вокзальный свет.
Ее «прости».
И кое-как до старой двери,
Почти не помня, добрести;
Войти, как новых драм зачатые,
Нашупать стены, холод плит...
Швырнуть пальто на выключатель,
Забыв, где вешалка висит.
Две эти строки меня покорили. Так это было жизненно,
черт побери, так похоже на то, что и со мной происходило...
«Здорово!» — рявкнул я. Майоров только покосился в мою
сторону и продолжал обрушивать новые строки. И когда,
наконец дойдя до кульминации страсти, вдруг на спокойном
выдохе прочитал концовку:
Найти вещей извечные основы,
Вдруг вспомнить жизнь.
В лицо узнать ее.
Прийти к тебе и, не сказав ни слова,
Уйти, забыть и возвратиться снова,
Моя любовь — могущество мое! —
мы облегченно и обрадовано зашумели, признав сразу и
безоговорочно в новом нашем товарище настоящего поэта.
Майоров читал в тот вечер еще «Отелло» и «В вагоне».
Когда в «Отелло» он прочел:
Ей не понять Шекспира и меня! —

Мы заулыбались, но уже влюблено заулыбались — он стал нам близок, этот ивановский мавр. Мне запомнилось, как он произносил «женщина». Вместо «щ» у него выходило «ч».

Как пахнет женщиной вагон,

Когда та женщина не с нами.

«Лихо! — Покачал головой Павел Коган. — Лихо, ничего не скажешь...»

Майоров, казалось, был очень типичен для молодежи предвоенной формации. Сама внешность его как бы несла черты этой типичности. Он чем-то неуловимо напоминал героя «Юности Максима», только без той лукавинки в глазах и углах рта, с которой тот глядел на нас с экрана. <...>

Типичен был он в одежде и манере держаться. Чиненые башмаки, дешевый костюм, распахнутая рубашка. Галстуки мы носить не любили, надевали их по особо торжественным случаям: «быть при галстук» каждый день считалось чистоплюйством. «Пижоны» — предки будущих «стиляг» — были не в чести не только среди ребят, но и у девушек. К одежде относились не то что пренебрежительно, а равнодушно. Даже с полным равнодушием. Неряхами не ходили, а дальше этого забота о внешности не простиралась.

Жизненные удобства не отвергались, но никак не переоценивались. Но и то сказать, избытка в них тогда не ощущалось. Судя по стихам Майорова, он, кажется, ни разу не ездил в плацкартном вагоне. Я обнаружил это с улыбкой, прочитав подряд все стихотворения, где Николай пишет о поездах и странствиях.

Отец и мать у Николая — ивановские рабочие, брат — военный летчик. Семья была типичной и в то же время образцовой по нашим тогдашним понятиям. Да и не только по тогдашним. Сам он пролетарского своего происхождения никак не подчеркивал и уж совсем не кичился им. В этом чувствовалось некое внутреннее целомудрие. Если человек ощущает свою кровную и неоспоримую принадлежность к чему-либо, ему не приходит в голову кричать об этом на перекрестке первым встречным. Такой человек заявляет об этом самым своим поведением, обусловленным лучшими качествами

той среды, в которой он формировался. Лучшими, а не заурядными и тем более не худшими. И в майоровской прямоте, решительности, бескомпромиссности все время ощущался рабочий стержень.

Но, никогда не афишируя своей «рабочести», Николай знал ей цену и гордился своей доброй родословной. <...>

Ощущение преемственности поколений приобретало у Майорова зримые и осязаемые формы. Сам себя он видел как бы соединительным звеном между... прошлым и ... будущим. Причем прошлое и будущее не абстрагировались им. Он перевоплощался в своих предшественников <...> и глядел глазами преемников (как в стихотворении «Мы») на своих сверстников.

Круг его общественно-художественных привязанностей был очерчен строго и четко. Кто был адресатами стихов Николая, кроме друзей, любимых, поколения? Всего несколько имен: Пушкин, Гоголь, Рембрандт, Горький, Чкалов... Посвящениями он не разбрасывался. Отбор имен был выверен, и краткость списка шла не от бедности, а от строгой щедрости взгляда. Майоров учился на историческом факультете, каждый день приносил ему десятки новых названий, имен и дат. Дня не хватало, и ночами он глотал книги — все русские и западные классики были перечитаны по второму и третьему разу. Но влюбленностей и любовей наперечет — это равно может относиться и к прожитому, и к прочитанному. И вот три писательских имени и одно художническое: Пушкин, Гоголь, Горький, Рембрандт. <...>

Все слова его были взвешены в его теперь уже всеизвестной самоэпитафии «Мы», и строки о «людях, что ушли не долюбив, не докурив последней папиросы» щемящее расшифровываются в «Одесской лестнице» и в других майоровских стихах. Папироса его была только прикурена от огня времени, и голубой дымок юношеской романтики свился лишь в первые кольца, как тут же был развеян жестокими ветрами войны.

«Не долюбив...» Да, не долюбив женщину, поэзию, жизнь.
<...>

И впрямь, свою единственную на свете женщину ни Майоров, ни другие сверстники его судьбы так и «не посмели» поцеловать перед уходом на войну и в вечность. А человеком он был пылким и страстным, вспомните хотя бы «швырнуть пальто на выключатель, забыв, где вешалка висит», и любил, радуясь и мучаясь, «то робостью, то ревностью томим», по выражению великого поэта. Теперешние девушки могут позавидовать женщинам, в которых влюблялись такие люди, как Николай Майоров. Мало того, что в свои двадцать лет эти люди были не подростками, а взрослыми мужчинами, но их любовь была страстью, всепоглощающей и неоглядной. И женщины, если не сразу, то после, всегда сумеют оценить такое чувство и сберечь его в благодарной памяти.

Так и с поэзией. Как и женщине, Майоров отдавал ей себя без остатка. Но поэзия для него тогда значила больше, чем женщина. Он верил, что ее силе подвластно все: люди и стихии, само мироздание. И если древний поэт заставил своим пением стронуться с места недвижные камни, то женскую душу поэзия тронет и подавно. В стихотворении «Рождение искусства» он соединил оба высокие адресата. В нем сила поэзии выше женской, но являет себя во имя и ради нее. В этих стихах первый художник

... впроголодь живя, кореньями питаюсь,
Он различил однажды неба цвет.
Тогда в него навек вселилась зависть
К той гамме красок. Он открыл секрет
Бессмертья их. И где б теперь он ни был,
Куда б ни шел, он всюду их искал.
Так, раз вступив в соперничество с небом,
Он навсегда к нему возревновал.
Он гальку взял и так раскрасил камень,
Такое людям бросил торжество,
Что ты сдалась, когда, припав губами
К его руке, поверила в него.
Вот потому ты много больше значишь,
Чем эта ночь в исходе сентября,
Что даже хорошо, когда ты плачешь,

Сквозь слезы о прекрасном говоря.

<...> Ключевые строки: «Так, раз вступив в соперничество с небом, он навсегда к нему возревновал» и последние, замыкающиеся аккордом «сквозь слезы о прекрасном говоря», сделали бы честь любому большому поэту.

Надо подчеркнуть, что Майоров и ощущал себя большим поэтом. И страшился он не смерти, а того, что она не даст развернуться ему как поэту в полную силу. Такое же предощущение, горькое и сильное, было у многих из нас. И к великому несчастью для литературы оно подтвердилось как раз для самых талантливых из поколения их ранней гибелью.

В статьях и воспоминаниях о Майорове, Кульчицком, Суворове, Когане иногда упускается из виду одно серьезное обстоятельство. О них пишут как о смелых и чистых юношах, погибших на войне и сочинявших стихи, интересные в качестве человеческих документов. Меньше обращается внимания на то, что стихи эти были не только лирическим дневником, запечатлевшим высокие чувства патриотизма и партийности, но и серьезным и новым явлением поэзии. В коллективных сборниках <...> представлено много стихов поистине холотых рбят, храбро сложивших свои головы в бою, но для которых поэтический способ выражения чувств и мыслей не был обязательным языком. Их стихотворные строки и впрямь сохраняют ценность преимущественно человеческого документа.

Совсем иное дело стихи Николая Майорова и еще нескольких поэтов. Лучшие из них несут печать не только яркой талантливости, но и раннего профессионализма. <...> Обманчивое впечатление неровности и пестроты стихов Майорова и тех же Суворова, Кульчицкого, Когана создается тем, что обычно публикуются вместе стихи, написанные поэтами в четырнадцать, в восемнадцать, в двадцать лет... У зрелого поэта разница в два, три, пять лет подчас незаметна. <...>

... Разный уровень и пестрота стихов — от их временной ступенчатости. Строки, датированные 1936-1938 годами, — это

же строки шестнадцати-восемнадцатилетнего паренька. И просто чудо, когда рядом со слабеньким стихотворением «На трамвайной остановке» возникают вдруг зрелые «Торжество жизни», «На родине», «Весеннее». Это чудо таланта, и оно вступает в силу, чем дальше, тем полнее соединяясь с крепнувшим мастерством. Такие стихи, как «Мы», «Рождение искусства», «Что значит любить», «Нам не дано спокойно сгнить в могиле», «О нашем времени расскажут» — уже стихи молодого мастера, хрестоматийные произведения, без которых не станет полной любая антология советской поэзии XX века. <...>

Нет, поэзия не была мачехой для Майорова и его сверстников — поэтов. Она была доброй, хотя и строгой матерью и как бы ждала: вот дети окончательно вырастут, окрепнут, тогда и выпущу их в свет. И они не торопились печататься, довольствуясь признанием друзей и учителей. Стихи Майорова высоко ценили Сельвинский, Луговской, Антокольский, их одобрение он принимал со спокойной гордостью. Виктор Болховитинов, старший его сверстник, работавший тогда в университетской многотиражке, пользовался каждой возможностью публиковать его стихи, но многотиражка остается многотиражкой. Газеты, журналы, сборники — все это пришло много позже того, как на Смоленщине вырос безымянный холмик. И если они — Майоров и его сверстники — ушли из жизни, «не долюбив» поэзию, а плоды этой будущей любви могли бы быть щедрыми и прекрасными, то поэзия не забыла о своих детях... <...> Не долюбили они и жизнь — слишком мало узнав ее радостей, мало «испрожив-испроведав», по народному выражению.

Но страну свою они долюбили до конца. В этом они уже расписались не стихами, а кровью... <...> И Родина одарила их ответной любовью. <...>

... Были цветы и речи, и на доме, в котором жил наш сверстник, появилась дощечка с надписью: «Улица Николая

Майорова»⁴⁶. Да, казалось, совсем типичный для нашего поколения человек, но это была типичность обобщающего образа...

Андрей Турков

Слово о поэте

Иногда мне кажется, что должен существовать кинотеатр, где изо дня в день шли бы суровые кинохроникальные ленты времен Великой Отечественной войны, представляющие самые разные стороны этой народной эпопеи. И какой бы сюжет ни возникал на экране, ему обязательно отыщется «аккомпанемент» в виде того или иного стихотворения, написанного иногда знаменитым, а то и вовсе безвестным поэтом, — так много и в таких разных направлениях сделано было советской поэзией в те годы.

Где начинался этот великий подвиг нашей поэзии? Пожалуй, даже не в первый день войны, а порой в тех студенческих аудиториях, где бурлили молодые и дерзкие поэты,

Павшие в первые же месяцы жесточайших боев, не успевшие почти ничего сложить в эту пору, но зато уже на учебной скамье, как принято говорить, трубившие тревогу, звавшие своих сверстников взглянуть и вдуматься в ближайшее будущее.

Они были не столько первыми жертвами войны, сколько первыми ее бойцами, завещавшими потомкам устами автора этой книги — Николая Майорова:

... пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами

---

⁴⁶ 11 декабря 1964 года 1-я Авиационная улица согласно решению исполкома Ивановского горсовета получила имя поэта Николая Майорова.

И мужество, как знамя, пронесли.

Всего несколько лет поэтического труда досталось на долю Николая Майорова. Его творческий путь был горестно краток. Молоденький, необстрелянный солдат поэзии, он сразу попал в жестокую переделку, и несколько наивная пестрота его ранних стихов стремительно сменялась суровыми и трезвыми нотами присяги на воинскую верность своему времени, своему долгу:

Моя земля — одна моя планета.
Она живет среди ночей и звезд.
Мне говорят, что путь бойца-поэта
В ее ночах не очень будет прост.
Но я иду.

Есть у Николая Майорова стихи о том, как война украла у астронома, загнанного в бомбоубежище, небо. Но сам поэт не отдал ей, уже подступавшей к нашим границам, неба и звезд своей родины, «зеленого зелья тополей», пенившегося на ее просторах, «лебединой повадки» волжской волны — всего мира, который:

... зовет тебя и дразнит,
Как женщина с ума сводящим ртом...

Ему мечталось десятилетиями:

... ходить землей, горячею от ливня,
и славить жизнь...

Ему пришлось пройти землей, горячей от взрывов и пожаров, и отдать за нее жизнь, отдать жизнь ради миллиона жизней. Он с любовью вглядывался в посуровевшее лицо родины:

Бурлаками с звонкой бечевою
шли отлогим берегом вязы.

... Дымом потянуло из ложбины,
Ветер дол тревожил горячо.
Кисти окровавленной рябины
Тяжело свисали на плечо.

«Звон» этой туго натянувшейся бечевы слышен в последних стихах поэта, подставившего свои молодые плечи под тяжелый груз, легший на его поколение и на весь наш народ в годы войны с фашизмом.

В одном из стихов Майоров мечтал, «чтобы смерть застала у высот».

Он погиб во время первого большого наступления советских войск — 8 февраля 1942 года. Могила его затерялась, место гибели точно не установлено.

Я не знаю, у какой заставы
вдруг умолкну в завтрашнем бою...

Могли бы в огромных событиях этих и последующих лет затеряться и сами стихи молодого, почти еще не печатавшегося поэта, известного по большей части лишь своим ивановским землякам и московским студентам, многие из которых разделили его судьбу. Но нашлись у него друзья, которые если не смогли вынести с поля боя его самого, то вынесли память о нем, разбросанные строфы его стихов, не дали им «умолкнуть».

Одни из них влюблено следили за ним еще со школьной скамьи, как его ивановский товарищ, поэт Владимир Жуков, другие принимали участие уже в его первых печатных «дебютах», как тогдашний редактор литературного отдела многотиражки Московского университета (а ныне журнала «Наука и жизнь») Виктор Болховитинов.

Им в первую очередь обязан читатель тем, что может прочесть эту книгу, взволнованно и благодарно войти в поэтический мир Николая Майорова,

В тот мир простой, как лист тетрадный,
Где я прошел, большой, нескладный
И удивительно прямой.

Ирина Пташникова

Студенческие годы

ЦСГ – знаменитое общежитие на Стромынке, Огарёвка – студенческая столовая на улице Огарёва, Горьковская читальня под куполом – места, памятные и дорогие не одному поколению студентов.

После лекций, которые бывали обычно с утра, в первой половине дня, университетское студенчество, мы, историки в частности, шли обедать в какую-нибудь из ближайших столовых, чаще всего в Огарёвку. А после обеда занимались до позднего вечера, обычно до их закрытия, то есть часов до 10-ти, в читальном зале на мехмате – на 3-м этаже старого здания университета или в Горьковской читальне под куполом – там же, на Моховой.

Вот здесь, на мехмате, я и познакомилась с Колей Майоровым: наши места в читальне оказались случайно рядом. Впрочем, «познакомились» сказано не очень точно: мы с Николаем знали друг друга и раньше, были в одном практикуме, в одной языковой группе и к тому же были соседями по общежитию, но знали друг друга внешне, со стороны, не проявляли интереса. А тут нашли общие интересы, как-то легко разговорились.

И возвращались из читальни домой уже вместе. Темой нашего разговора были чьи-то стихи, напечатанные в университетской газете. Позднее эта тема – поэзия – никогда не могла иссякнуть, хотя появилось и много других интересных для обоих тем.

Поражала его удивительная работоспособность. Несмотря на то, что по учебной программе нужно было перечитывать буквально горы книг, что приходилось просиживать в читальнях и по воскресеньям, Коля успевал очень много писать. Почти каждый вечер он читал новое стихотворение.

Коля легко запоминал стихи и любил на память читать стихи любимых поэтов. Помню его увлечение Блоком и Есениным и в то же время – Уитменом. Помню период особенного увлечения Маяковским. Он даже подражать ему начал (эти стихи не сохранились). Из современников очень любил Твардовского.

* * *

...Война подступала всё ближе и ближе. Коля очень глубоко переживал судьбу товарищей, побывавших на финской войне. Помнится, он рассказывал о ранении Сергея Наровчатова, гибели Арона Копштейна. Их он знал по Литинституту (тяжело ранен был его школьный друг Володя Жуков, тоже поэт). Мне кажется, что именно под влиянием этих событий и переживаний создано одно из самых сильных стихотворений Коли Майорова – «Мы».

* * *

Наступила последняя наша студенческая мирная зима 1940-1941 года. Опять лекции, занятия в читальне, посещения литературного кружка. Нагрузка у Коли была очень большая: ведь он учился в Литинституте, да и на истфаке в этот год работы было много.

В этот год Коля особенно много писал, и именно стихов этого периода почти не сохранилось. В конце 1940 года он закончил большую и, пожалуй, лучшую свою поэму «Ваятель».

Судя по письму, которое я получила от него (подписано 19 июля), замысел поэмы возник у Коли в поезде, по дороге в Иваново – на летние каникулы. Он писал:

«Приятно лежать на спине и пускать кольца дыма в потолок вагона... Кончил курить. Голова чуть кружилась. Медленно нащупывались какие-то отдельные строчки, потом сон брал своё, слова куда-то проваливались, а память их снова возвращала... Снова навязывались целые строфы. Полез за записной книжкой, а то забуду. Записал. Писать было трудно – вагон качало. Получилось вот что.

Творчество

Есть жажда творчества, умение созидать,
На камень камень класть, вести леса строений.

Не спать ночей, по суткам голодать,
Нести всю тяжесть каждодневных бдений...»

И дальше – тот самый кусок (без четырёх последних строк и с некоторыми разночтениями), который печатается теперь как стихотворение «Творчество».

Припоминаю ещё несколько строк поэмы, которые, мне кажется, я не видела среди стихов, собранных В. Н. Болховитиновым:

...А небо будет яростно и мглисто

Пылить с боков

Снежком голубизны...

Быть может, ты

Неопытным туристом

Сорвёшься с той

Проклятой крутизны,

Но ты не трусь!

Назад тебе – ни шагу!

Грозит обвалом

Каждый поворот.

И не убив –

Не прячь обратно шпагу,

И падая,

Ты сделай шаг вперёд!

.....

Ведь сущность жизни

Вовсе не в соблазне,

А в совершенстве форм её и в том,

Что мир грозит,

Зовёт тебя и дразнит,

Как женщина с ума сводящим ртом...

Пришла зрелость, стихи становились всё своеобразнее и отточеннее. Его стихи этого периода трудно спутать с чьими бы то ни было – он говорил собственным голосом, только ему одному присущими словами. Но тут грянула война...

* * *

Окна Горьковской читальни на Моховой, где мы готовились к очередному экзамену по диамату, были широко открыты. И не все сразу поняли, что же произошло, когда с площади донеслась передаваемая всеми радиостанциями Союза грозная весть. Но все, один за другим, вдруг поднялись и вышли на улицу, где у репродуктора уже собралась толпа.

Война!.. Помню лицо пожилой женщины, в немом отчаянии поднятое к репродуктору, по нему текли слёзы. Мы же в то момент еще не вполне реально представляли, что нас ждёт.

У нас с Николаем в это время как раз была размолвка. Увидев друг друга, мы даже не подошли, поздоровавшись издали. И только через несколько дней, когда всем курсом девушки провожали ребят на спецзадание, мы вдруг осознали всю серьёзность, весь ужас происходящего.

Я очень хорошо помню этот вечер. Заходило солнце, и запад был багровым. На широком дворе одной из краснопресненских школ выстроились повзводно уезжающие на спецзадание студенты.

Помню Николая в этот момент – высокий, русоволосый, он смотрел на кроваво-красный запад широко распахнутыми глазами... Что видел он там? Судьбу поколения, так хорошо предсказанную им в стихотворении «Мы»? Может быть, именно в тот момент он особенно ясно понял это, почувствовал, что «Мы» – это стихи о нём самом, о его товарищах, что «ушли не долюбив, не докурив последней папиросы», в бой за мир и счастье, в бой, который помешал им прожить большую жизнь и дойти до потомков в бессмертных творениях, а не только в «пересказах устных да в серой прозе наших дневников...».

Видно, и у меня в этот момент шевельнулось какое-нибудь тяжёлое предчувствие и горестно сжалось сердце, только я бросилась к Николаю, и мы крепко обнялись. Это была наша последняя встреча...

* * *

Многих студенток 4-го курса отправили на работу по специальности. Я попыталась было попасть на фронт, но из-за сильной близорукости меня не пропустила медкомиссия. Тогда я получила назначение на работу и уехала в Ташкент. Адреса Николая я не знала и, уезжая, оставила ему открытку по адресу его друга, студента художественного института Н.Шеберстова. В ответ я получила от Николая несколько писем из армии. Ни одно из них не имело обратного адреса.

Это очень хорошие письма, душевные и трагичные, очень характерные для Николая. В одном письме он писал:

«Ты желаешь мне мужества, если буду в бою. Спасибо. Хоть ты знаешь, что я в этом деле не отличусь. Но что смогу – сделаю».

Человек скромный, даже застенчивый, лишённый малейшей рисовки и показного, скорее гражданский, чем военный, Коля Майоров в то же время был наделён большой внутренней силой, мужественной убеждённостью, которые прорывались наружу, когда он читал свои стихи. Мне рассказывали уже после войны, что Коле предлагали уехать в Ярославское военное училище. Буквально в последнюю минуту отказался он и от возможности отправиться на фронт с агитбригадой, куда его устроили было. Он выбрал бой, передовую. Он не мог иначе.

В марте 1942 года в ответ на моё письмо родные Николая написали мне, что получено извещение о его гибели: «Убит 8 февраля 1942 г. И похоронен в деревне Баренцево Смоленской области». Много лет я хотела разыскать эту деревню, но только летом 1958 года попробовала это осуществить.

Ни одной деревни Баренцево в Смоленской области не оказалось, нет её и в тех районах Смоленщины, которые отошли к Калужской области после войны. Есть на Смоленщине, в 20 километрах к югу от Гжатска, деревня Баранцево, состоящая всего из нескольких старых изб. Там мне показали сровнявшуюся с землёй могилу двух советских солдат, убитых в конце зимы 1942 года. Но кто они – не известно. Вполне возможно, что один из них и был Николай Майоров, политрук пулемётной роты 1106 стрелкового полка 331-й дивизии. В платёжной ведомости этого полка за февраль Майорову

причиталось что-то получить, но подписи его нет... Он ведь был убит 8 февраля. (Об этом я узнала в архиве Советской Армии в Подольске летом 1958 года.)

Не удалось разыскать и однополчан Коли, которые могли бы сказать, как он погиб и где похоронен. Два года назад в газетах и по радио заговорили о подвиге Саши Виноградова и его одиннадцати товарищей, погибших под Москвой, на 152-м километре Минского шоссе в феврале 1942 года. А ведь Коля Майоров воевал тоже в тех местах и примерно в то же время. Может, выход книги Коли Майорова поможет разыскать его однополчан, выяснить подробности его последних дней.

* * *

И ещё одна, пожалуй, наиболее важная задача: как найти пропавшие стихи и поэмы Николая, как узнать, где он оставил свои вещи, уходя добровольцем в армию 19 октября 1941 года.

В первый день войны к Коле из Иванова приезжал его младший брат, Александр. Было ему тогда лет семнадцать. Он вспоминает, как вместе с братом заходил к одному товарищу, у того лежал Колин чемодан с книгами, и Николай просил брата увезти некоторые книги домой. Александр предложил забрать всё, но Николай только рукой махнул: до барахла ли теперь?

Были поиски, были догадки, но без результата... Но, видимо, не всё ещё потеряно — не все ещё возможности проверены.

* * *

Коля Майоров обещал многое. Поэт яркого, самобытного таланта и исключительной трудоспособности, он рос буквально на глазах. И не его вина, что так мало удалось донести до людей. Но и это немногое не забудется, как не забудутся и те, что в бои «ушли, не долюбив, не докурив последней папиросы».

Из воспоминаний И. В. Пташниковой

Окна Горьковской читальни на Моховой, где мы готовились к очередному экзамену по диамату, были широко

открыты. И не все сразу поняли, что же произошло, когда с площади донеслась передаваемая всеми радиостанциями Союза грозная весть. Но все, один за другим, вдруг поднялись и вышли на улицу, где у репродуктора уже собралась толпа. Война!..

Помню лицо пожилой женщины, в немом отчаянии поднятое к репродуктору, по нему текли слёзы. Мы же в тот момент ещё не вполне реально представляли, что нас ждёт. У нас с Николаем в это время как раз была размолвка. Увидев друг друга, мы даже не подошли, поздоровавшись издали. И только через несколько дней, когда всем курсом девушки провожали ребят на спецзадание, мы вдруг осознали всю серьёзность, весь ужас происходящего. Я очень хорошо помню этот вечер. Заходило солнце, и запад был багровым. На широком дворе одной из краснопресненских школ выстроились повзводно уезжающие на спецзадание студенты. Помню Николая в этот момент – высокий, русоволосый, он смотрел на кроваво-красный запад широко распахнутыми глазами... Что видел он там?

Судьбу поколения, так хорошо предсказанную им в стихотворении «Мы»? Может быть, именно в тот момент он особенно ясно понял это, почувствовал, что «Мы» – это стихи о нём самом, о его товарищах, что «ушли, не долюбив, не докурив последней папиросы», в бой за мир, в бой, который помешал им прожить большую жизнь и дойти до потомков в творениях, а не только в «пересказах устных да в серой прозе наших дневников...».

...Скомандовали всем построившимся: "Разойтись, попрощаться!" Видно, и у меня в этот момент шевельнулось какое-нибудь тяжёлое предчувствие и горестно сжалось сердце, только я бросилась к Николаю, и мы крепко обнялись. Хотя перед этим долго не виделись и не подходили. Он очень меня обидел, и я уже не верила ему. А тут – все по боку, все обиды и недоразумения, все забылось в один миг. Бросились в объятия, крепко расцеловались. Сказали ли что-нибудь? Не знаю. Наверное, сказали какие-то ничего не значащие слова. Главное было не в них... Ребят снова построили и повели. Ушли они – еще не на самую войну, но уже почти, ушли на спецзадание и для

многих это было началом пути военного. И многие уже в мирную жизнь так и не вернулись. В том числе и Николай. А все то, что он не сказал мне тогда – он потом написал в пронзительных по искренности нескольких письмах, солдатских письмах...

Это была наша последняя встреча...

Ирина Пташникова вспоминает

(Текст воспроизведен по аудиозаписи рассказа

И.В.Пташниковой автором)

1.

Мы познакомились на первом курсе исторического факультета МГУ, где одновременно учились с ним. Это набор 1937 года. Двести человек, двести с лишним в то время набрали: половина – иногородних, вторая половина – москвичей. И вот иногородние жили в общежитии, в центральной студгородке, ЦСГ, на Стромынке, где наши комнаты были неподалеку друг от друга.

Занятия проходили в основном в старом здании МГУ, это на Моховой, и на улице Герцена 5 был исторический факультет, где обычно мы на занятиях и встречались в одной языковой группе, в одном практикуме. Как-то на первом курсе слишком много было разнообразных впечатлений от Москвы. У меня появилась масса возможностей в различные кружки записаться.

А Николай был с первого же курса, сразу у него единственное увлечение, кроме... (он учился очень старательно и хорошо) – это поэзия была. Надо сказать, что я с детства очень любила всегда стихи. В детстве раннем и стихи от мамы услышанные, а потом и прочитанные, как-то я приучилась запоминать их. И очень много читала, и очень много наизусть запоминала. Сама я не пыталась писать никогда, но интересовалась этим.

И вот на истфаке, как-то знакомство и дружба, сближение с Николаем произошли-то на почве поэзии. Помню, как-то я читаю выпуск многотиражки университетской «Московский

университет», где была литературная страница, которую редактировал Болховитинов, в то время студент, немножко старше нас. Он был на втором или на третьем курсе. Впоследствии это писатель известный, многолетний редактор журнала «Наука и жизнь». И там же, на этой литературной странице, появились первые стихи Николая Майорова, в университете. И он как-то сразу выдвинулся в первые ряды студентов-поэтов. Вот, собственно говоря, до войны у него ничего не было опубликовано, кроме стихов, которые печатались в многотиражке университетской «Московский университет».

Познакомились так поближе мы с Николаем при чтении этой литературной страницы вышедшего только что номера «Московского университета». И там были стихи. В одних стихах... Стихи были посвящены мне другим поэтом, второкурсником Володей Скворцовым. И там были такие слова или «что-то профиль строгий твой вижу...» или «взгляд коричневых глаз...». Вот что-то такое. Как он торопится на лекцию и рассказывает: «Вот и вход. Обгоняя звонок рывком, вот и лестница змеем разлеглась посреди колон». Я это читаю и слышу такое ироническое хмыканье у меня за спиной: «Хм, лестница змеем». Смотрю: это Коля стоит. «Тоже образ придумал!».

И вот мы сперва начали обсуждать это стихотворение, но оно было посвящено мне. Ему это как-то не очень понравилось. И уже вечер мы провели вместе в библиотеке, на третьем этаже мехмата, в читалке, вернее, где наши места оказались рядом. И мы проговорили весь вечер и потом возвращались в общежитие вместе, это из центра в Сокольники. И вот с тех пор, вот с этого стихотворения, у нас началось, так сказать, близкое знакомство.

Сперва — о стихах. Я знала наизусть очень много стихов. В то время и не очень известную для нас и Цветаеву Марину, и Ахматову. И многое наизусть ему рассказывала, а он мне в ответ свои стихи читал. И меня поразило, насколько у него действительно настоящие... (вот любил он это слово «настоящие») стихи.

Потом познакомились поближе. Стали чаще бывать вместе. Все возвращения домой, считай, были они совместные. И он мне понемножку рассказал о себе. Он приехал в Москву из Иванова. <...> Родители Петр Максимович Майоров, участник Первой войны четырнадцатого года. Ну, он был плотником по профессии, не очень грамотный человек. Но много, видимо, читавший. (Впоследствии мы с ним десять лет переписывались, с Петром Максимовичем. Его письма сохранились, и я сдала их в ЦГАЛИ, в архив). И мама его Федора Федоровна, маленькая, щупленькая. <...>

Вот кроме Николая, был у еще них старший сын 1909-го года – <...> Алексей, <...> еще в тридцать девятом году на Халхин-Голе он воевал, <...> летчик. Следующий сын был Иван, вот он погиб в эту войну, сорок первого – сорок пятого года. Затем был Виктор. Виктор по профессии – инженер, но военный инженер. И Александр, самый младший, который в войне участия не принимал.

Ну, вот так познакомились мы с ним. Ну, а потом, собственно, такое знакомство с разговорами, в основном, о стихах, о поэзии. Николай стал приглашать меня на занятия литературного кружка. Есть такая фотография, появилась перед войной, в сороковом году. Этот литературный кружок, которым руководил в то время орденосец Долматовский, и Маргарита Алигер приходила. Так мы гордились. И вот есть фотография, на которой показано занятие этого кружка. Видим там – Николай Майоров, и его друг, наш сокурсник, Немировский читает стихи.

Ну, и вот как-то Коля мне предлагает: «Хм, ты знаешь, давай я вот напишу стихи, и ты их прочитаешь, как будто это твои стихи». А я говорю: «Зачем мне это нужно?». В общем, я ходила с интересом на эти занятия литературного кружка, но у меня интересов было очень много в то время. Я участвовала в занятиях кавалерийской школы, пулеметной школы. И там, и там я стала инструктором, несмотря на то, что я была уже с тех пор очень сильно близорукая. Вот у меня было «минус семь». И.. лошадь сама скакала, куда надо. А из пулемета я стреляла все-таки при помощи очков. Ну, и альпинизм меня увлекал.

Одно стихотворение Колино есть, называется «Одесская лестница». Почему «Одесская лестница»? Я <приехала,> десятый класс кончала в Одессе и приехала из Одессы. <...>

А увлеклась я археологией еще. История, как таковая, интересна, но подумать, что я буду преподавателем истории, как-то мне было скучновато. Я решила, что археология, экспедиции (а я ж приехала из Средней Азии, детство мое прошло в Средней Азии, там же я и верхом впервые начала ездить, потом пески, Хорезм рядом, там романтика, вот тех лет революционных). И я моментально записалась на кафедре археологии (это уже к третьему курсу), специализация – по археологии.

И вот тут, тут мы уже всерьез с Колей начали подумывать «а может, нам...» (это на третьем курсе, где-то тридцать девятый год). И он мне предложил выйти за него замуж. И тут появилось стихотворение. Его. Стихотворение это... И озаглавлено оно было так: «Тебе». А стихотворение... Я о нем узнала позже.

Просто когда он меня пригласил поехать вместе с ним в Иваново, познакомиться с родителями, «а потом поедem на Плес...». Это было перед каникулами студенческими. А я уже в это время начала работать в Хорезмской экспедиции, в камеральной обработке, и рвалась поехать в пески, в Кызылкум. Ну, я сказала: «Да нет, я все-таки в экспедицию, археология мне интереснее».

Ну, сами понимаете, самолюбие. Как бы там... И появляется стихотворение – «Тебе».

Тебе, конечно, вспомнится несмелый
и мешковатый юноша,
когда
ты надорвешь конверт армейский белый
с "осьмушкой" похоронного листа...
Он был хороший парень и товарищ,
такой наивный, с родинкой у рта.
Но в нем тебе не нравилась
одна лишь
для женщины обидная черта:

он был поэт, хотя и малой силы,
но был,
любил
и за строкой спешил.
И как бы ты ни жгла
и ни любила, —
так, как стихи, тебя он не любил.
И в самый крайний миг перед атакой,
самим собою жертвуя, любя,
он за четыре строчки Пастернака
в полубреду, но мог отдать тебя!
Земля не обернется мавзолеем...
Прости ему: бывают чудачки,
которые умрут, не пожалев,
за правоту прихлынувшей строки.

Когда мне, даже не Николай... (Это я уже вернулась из экспедиции, а экспедиция тридцать девятого года была очень интересной, масса интересных находок... Я занялась всерьез научной работой по археологии). <...>

Ну, когда мне ребята, кто-то, не Николай, а ребята: «Как, мол, “за четыре строчки Пастернака ... мог отдать тебя”?». Я, конечно, на это обиделась: «Как так?». Тут, конечно, было недоразумение. Потому что, когда мы на эту тему с Николаем стали говорить, он мне что-то попробовал, так сказать, объяснить, я разобиделась, повернулась и ушла. Но это уже было... Это уже не тридцать девятый, это был уже сороковой год. Сороковой год и преддверие сорок первого. Осень сорокового года.

Ну, я некоторое время, когда слышала такое отношение... Ну, как же так? Сперва прям... вот как! Ах, любовь! А потом вдруг... но главное все-таки что-то другое.

В то время мы были максималистами. Казалось, что главное ничего не может быть. И я в этом отношении считаю, в общем, что это было правильно, да и он так считал. Это была просто бравада. И с его стороны, конечно, обоснованная, потому что вот такая лихая явилась из экспедиции.

Я продолжала заниматься. Я была инструктором в кавшколе, была инструктором в пулеметной, потому что там уже платили. А в это время плату за обучение с нас стали брать. В это время, с тридцать восьмого по весну сорокового, моего отца, остававшегося в Ташкенте (он химик, инженер-строитель), его арестовали.

2.

Мне в комсомоле... ничего, в общем... Попросили написать заявление на эту тему. Я написала, что, мол, отец находится под следствием... Ну, я не верю, что он может быть... Но действительно его в марте сорокового его освободили. Я получила телеграмму «Свободен. Реабилитирован. Здоров.».

В это время у нас с Николаем такой расцвет. Я отцу сообщила о том, что я собираюсь вот выходить замуж. И с Николаем у нас было идеально, прекрасные отношения. Вот к этому времени относится стихотворение «Что значит любить». Я вам его потом прочитаю.

Идти сквозь бурю напролом.
Ползти ползком. Бежать вслепую.
Идти и падать. Бить челом.
И все ж любить ее — такую!
Забыть про дом и сон,
Про то, что
Твоим обидам нет числа,
Что мимо утренняя почта
Чужое счастье пронесла.
Забыть последние потери,
Вокзальный свет,
Ее «прости»
И кое-как до старой двери,
Почти не помня, добрести,
Войти, как новых драм зачатые,
Нащупать стены, холод плит...
Швырнуть пальто на выключатель,
Забыв, где вешалка висит.
И свет зажечь. И сдвинуть полог

Кромешной тьмы. Потом опять
Достать конверты с дальних полок,
По строчкам письма разбирать.
Искать слова, сверяя числа,
Не помнить снов. Почти крича,
Любой ценой дойти до смысла.
Понять и сызнова начать.
Не спать ночей, гнать тишину из комнат,
Сдвигать столы, последний взять редут,
И женщин тех, которые не помнят,
Обратно звать и знать, что не придут.
Не спать ночей, не досчитаться писем,
Не чтить посулов, доводов, похвал
И видеть те неснившиеся выси,
Которых прежде взор не достигал, —
Узнать вещей извечные основы,
Вдруг вспомнить жизнь.
В лицо узнать ее.
Прийти к тебе и, не сказав ни слова,
Уйти, забыть и возвратиться снова,
Моя любовь — могущество мое.

«Волшебный край песков и солнца». О Хорезмской экспедиции. И эта статья была опубликована в нашей многотиражке университетской. И сразу как-то ко мне интерес в этом плане: «А что же в экспедиции, как и что?» Тут рассказы всевозможные о находках. Статья появляется в «Московском комсомольце» — о нашей экспедиции и обо мне. И там, значит, что называется «любопытность»... что-то такое. Уже положение обязывало, Уже мне, легкомысленно увлекающейся то одним, то другим, нельзя было оставаться. И я взялась всерьез за учебу. То есть, тут организовался... организовала факультативный курс архитектуры. Пригласили хорошего, известного профессора Брно́ва. Он нам читал этот курс факультативно. Было все интересно. А потом вдруг возникает такое предложение... по-моему, наверное, в комитете комсомола, что «а не пора ли нам на факультете, уже не на

курсе, организовать научное студенческое общество, НСО». И меня выбирают председателем оргбюро этого научного студенческого общества. Ну, вошли туда несколько известных наших профессоров. Тот же Толстов, который в то время — руководитель, начальник Хорезмской экспедиции, заведующий кафедрой этнографии на истфаке, и в то же время директор института материальной культуры Московского филиала. Ну, и еще, значит, профессор, ведущий, Бахрушин туда же вошел. Вот Толстов, Лебедев ... В общем, четыре известных профессора, а дальше — студенты шли. Студенты не только... Вот я была председателем этого общества, а потом были студенты и с истфака... Вот сын академика Шмидта (сейчас часто он выступает)... Сигурд его звали, Шмидт. Он был на два курса младше. Мы привлекли его в это общество, потому что он будет нам, значит, ... читающих лекции академиков, профессоров... Первым, кто читал лекцию, был его папа, Отто Юльевич Шмидт <смеётся>. Организовали....

Это была, конечно, очень интересная, очень ответственная работа. И уже в это время халтурить, что называется, сдавать так, как получится, мне, ну... не хотелось. Я всерьез занялась учебой. Это был, значит, конец третьего курса и четвертый курс истфака. Мой последний, наш с Николаем, последний предвоенный курс.

Ну, вот тут произошел у нас некоторый разлад на этой почве, я вам рассказывала, чувство ревности какое-то. Потом подходит декабрь сорокового года. Николай (как-то в общегитии мы с ним встречаемся) <он> говорит... ну, опять, так сказать, попросил прощенья, «да не обижайся, давай вместе встретим новый год». Сорок первый. Я согласилась. Это должна была быть компания его друзей. Вот его соклассник, Николай Шеберстов, стал известным художником потом. Его соклассник-ивановец, Константин Титов, учился в Вахтанговском училище. Впоследствии стал актером Рижского ТЮЗа, и до сих пор он в Риге. Вот эти ребята и их подруги собирались на квартире <встречать новый год, в центре Москвы> братьев, тоже впоследствии художниками они стали. Ройт..., не помню точно фамилию. Я согласилась.

И вот вечер тридцать первого. Вдруг приходят за мной Костя Титов, Коля как-то виновато говорит: «А ты знаешь, я не могу пойти – я получил телеграмму о том, что умер отец. В Иваново. И он в ночь под новый год уезжает в Иваново. Ребята мне говорят «ну, все-таки пойдем вместе». И я вот эту новогоднюю ночь сорок первого года провела вместе с ними, вот, без Николая.

Потом, Николай когда приехал оттуда, и говорит: «Понимаешь... Подхожу к дому, рань (это ночной поезд был, Кинешемский, наверное; вот он подходит к дому ранним утром) ...Слышу, говорит, – музыка играет. Что такое? Вхожу – все в порядке. Отец жив-здоров. Веселятся. Новый год...»

Кто? Я до сих пор не знаю. И так и мне никто толком не объяснил, кто и каким образом сумели послать телеграмму, что «приезжай, отец умер». Понимаете? Но у меня и тогда уже какое-то закралось недоверие. Дело в том, что вот эти товарищи его, соклассники, Коля Шеберстов и Костя Титов, они были шутники, они были очень веселые, хорошие ребята. А ко мне относились очень хорошо. Был классом младше Володя Жуков, Владимир Семенович Жуков. Учился он где-то на два года моложе или на полтора. Этот Володя Жуков... Да, соклассница была у Коли – Женя, очень милая, очень красивая девушка (он мне показывал ее фотографии). Ну, вот как-то так получилось, что она не смогла почему-то поехать вместе учиться в Москву. Кажется, она заболела, что-то было такое. И для Коли это было на первом курсе очень большим ударом. Вот «вокзальный свет, ее “прости”» — когда она не поехала с ним.

Ну, что потом? Вот мне казалось, что когда он вернулся, поехал в Иваново, возможно, что он опять встретился с Женей, опять возникло прежнее чувство. У меня тоже было такое чувство недоверия. Тем более что мы уже дали слово с ним пожениться, и фактически мы-то с ним уже были мужем и женой. Так можно было сказать, да и перед сокурсниками... Это был четвертый курс, к этому времени... почти все к этому времени уже нашли свою пару, переженились, замуж повыходили. В моей комнате мои подруги, с которыми я поступала, они все уже к этому времени были замужем, уже

даже были в положении многие. Ну, у меня вот такая вот, понимаете ли, получилась... Какой-то разрыв.

И вот идет январь, февраль сорок первого года. Мы то миримся, то опять ссоримся. Уже какое-то недоверие проскользнуло. И у меня где-то записи: «Ну, разве можно вот так? Ну, как же так? Разве так суждено меж людьми? Да что же вот...». И вот подходит весенняя сессия. Занимаемся мы уже не в одной читальной. И я занималась в читалке... Вот, если вы представляете себе, Моховая, здание 9/11. И потом на углу, вот здание, там, где сейчас памятник Ломоносову, где остался журфак один, там были наши аудитории. И тут же фундаментальная библиотека. Крыша у нее куполом, громадные окна. И я обычно там занималась. Вот воскресенье, двадцать второе июня сорок первого года. Сажу, готовлюсь к очередному экзамену. Окна раскрыты настежь, тепло, яркий солнечный день. Вдруг с угла (на Манежной площади там висел круглый репродуктор, такой... черный) доносится какой-то голос официальный, мужской... Это Молотов читал (это было двенадцать часов дня) о том, что началась война. И я смотрю, как постепенно поднимаются, поднимаются из-за столиков, из тишины этой вот читальни, и все выходят. И мы все ушли из читалки. Подошли туда, через дорогу перешли, через Герцена, подошли к этому... И я там увидела Колю. Он из другой читальни пришел. Мы так только, глянули мельком, кивнули друг другу. Мне запомнилось лицо пожилой женщины. Вот все внимательно слушают голос Молотова – он тогда читал, что вот война началась. И женщина, пожилая очень, сморщенное лицо, и она так: «Ааа!...» — у нее слезы текут.

Мы всерьез еще это не воспринимали – как может ли это быть, только что все эти мирные договоры, накануне Риббентроп приезжал – все, вроде. И как? Не могло этого произойти! К сожалению, произошло.

В первую же ночь, с двадцать второго на двадцать третье, ночью была бомбежка. Правда, нам сказали, что это... объявили тревогу по радио, сказали, что это учебная... потом... тревога. Но осколки сыпались самые натуральные. В эту ночь впервые мы почувствовали, что... летали самолеты, прожектора

пересекали небо... У нас при центральном студгородке, ЦСГ, на Стромынке, огромное здание, четырехэтажное. И там ясли были. И вот мои подружки...к этому времени уже некоторые из них родили... мы побежали, услышав тревогу, спустились туда, в ясли, схватили детишек и потащили их в бомбоубежище. Когда потом сказали, что тревога была учебная, а откуда же эти осколки сыпались вокруг?

Ровно месяц бомбежек больше не было в Москве. За это время, буквально через два-три дня, собирают нас всех в университете. Объявляют, что все ребята, то есть, студенты, парни, едут на спецзадание. А девушки – в медсестры. Кружок медсестер – пожалуйста. Или в ополчение.

И вот, значит, собрали наш курс (я помню сотоваришей) на Красной Пресне, в одной из школ, – перед отправкой на спецзадание. Мы все пошли, конечно, провожать. И вот тут я увидела (тут – это в воспоминаниях моих есть)... и я увидела: Коля, стоящий, закат, солнце такое красное. Как раз лицом на запад они стояли. Заходящее солнце ярко-красное. Вот он смотрит широко распахнутыми глазами, вот как на этой фотографии. И такое что-то сжалось в сердце, что... Ну, вот, вот, вот оно – конец. Объявили, что «разойдись, попрощайтесь». Мы бросились друг к другу, обнялись, крепко расцеловались. Больше мы не виделись.

Ребята уехали на спецзадание, под Смоленск, копать противотанковые рвы. Я осталась в Москве. Все мои друзья, подруги – все разъехались, кто куда... В общем, поужезали. В Москве я осталась одна, на курсах медсестер. Ну, вы знаете, месяц это был, ровно двадцать второго июля, как по часам (немцы очень пунктуальные люди), началась бомбардировка Москвы. Да так... у меня есть блокнотик с записями, в котором...

3.

Где-то часов в десять вечера, сперва, без десяти десять, налет, бомбардировка. Лазили на крыши, сбрасывали зажигалки. Было страшно. Действительно, бомбежка города, особенно когда... Когда на крыше, тут как-то азарт, видишь все. Но если

находишься в бомбоубежище, и грохнуло, – такое впечатление, что вот тут, рядом. А каждый день сообщения: там пробило, там убило, там разорвалось... Это было, конечно, очень страшно.

Ну, а курсы медсестер ничего такого вот... Я думала, что ну, как это, первые эти самые... анатомичка и так далее. Нет, это было как-то нестрашно. Но тут у меня произошла... Наверное, нервное напряжение, что ли, срыв... Ничего я не знала о ребятах, которые на спецзадании. Потом в одном из писем Коля упрекнет, «как же так, все знали, приезжали... вот к Коле Банникову, старше курсом, приезжала его жена, а ты и не появилась». А я не знала просто, где они. Если бы... я б, конечно, туда, наверное, поскакала. Но это... это было возможно, но...

И вот курсы медсестер. Первая операция, на которой я присутствую, где-то, наверное, прошло около месяца. Стоим мы все в халатах... вокруг... окружили этот... Привезли на каталке юношу, которому под местным наркозом делают операцию, несложную. Там какая-то грыжа, что-то такое. Я стою одна, так сказать, в первом ряду. И вот я услышала скрип скальпеля по живому телу – и я отключилась. Я потеряла сознание, упала в обморок и слышу только... реплики услышала подруг-девчонок младше курсом: «Хм, лихой казак! Надо же, кисейная барышня!» Мне стало так обидно, и я сказала себе «нет, из меня врач не получится, хирург – тем более». И я пошла в приемную комиссию, медкомиссию, в военкомат (была у нас же, на истфаке), в ополчение записываться. Ну, конечно, буквально, первая же или вторая, когда узнали, что у меня «минус семь»... «Да ты что? Да ты своих перестреляешь». — Я говорю: «Я стреляю, инструктор пулеметного дела...» И то, и се. — «Да ну, своих перестреляешь». Мне отказали. Куда деваться?

Вернувшись со спецзадания в Москву, в октябре сорок первого года, Николай попытался меня найти — не нашел. Он нашел мое письмо... получил мое письмо, которое я оставила его товарищам, которые были, оставались в Москве, – Косте или Коле Шеберстову. И он один... Для наших товарищей, вернувшихся со спецзадания, сокурсников, была госкомиссия.

Они, большинство из них получили назначения и поехали доучиваться.

Коля, только один Николай и его товарищ по курсу Арчил Джапаридзе пошли добровольцами. И в день, очень тяжелый в Москве, середина октября, пятнадцатое-шестнадцатое октября они получили... их взяли в армию. И они пешком вышли из Москвы, по Владимирской дороге, вот, на Муром. И оттуда Коля мне начал писать письма в Ташкент, зная, что у меня отец в Ташкенте, что вероятно... Он узнал, что я уехала в Ташкент по назначению, на работу в школу. И эти письма до меня доходили очень долго. Пять писем всего есть. Вот. Сорок первый год, октябрь по декабрь. Последнее письмо двадцать восьмого декабря сорок первого года – он отправляется на фронт в гвардейских частях. А к этому времени уже был приказ Сталина, что всех старшекурсников сохранить, не отправлять. Но вот... Так получилось.

Он пишет о том, как он... (мне пишет), что как неудачно он встретил сорок первый год с этой взбалмошной телеграммой. Вот теперь он пишет: «Что меня ждет впереди, – не знаю. Если останусь жив... Вот мне двадцать два года. Впереди полная неизвестность. Буду тебя разыскивать. Ты, наверное, обо мне плохо думаешь...». Что-то вот в таком роде.

И попадает он в часть под Москвой, это как раз декабрьское наступление. И буквально в одном из первых боев в феврале, восьмого февраля он погибает. Впоследствии я разыскивала и нашла платежную ведомость от восьмого декабря такой-то части триста тридцать первой дивизии. Там, где его фамилия значилась, ему надлежал... он был политрук, замполитрука пулеметной роты.

Он погиб восьмого февраля сорок второго года. Написали в извещении родителям – под деревней Баренцево Смоленской области. Такой деревни не оказалось. Оказалась деревня Баранцево. Впоследствии разыскивали, могилы так и не нашли. Впоследствии это место называлось «долина смерти». Погиб он буквально в одном из первых боев. «А жизнь останется навеки неповторенной, короткой, как оборванная песнь».

Ну, мне хочется еще сказать о Николае, что у него было очень серьезное отношение к творчеству. Он говорил, что

Есть жажда творчества,
Умение созидать,
На камень камень класть,
Вести леса строений,
Не спать ночей, по суткам голодать,
Вставать до звезд и падать на колени.
Остаться нищим и глухим навек,
Идти с собой, с своей эпохой вровень
И воду пить из тех целебных рек,
К которым приложился сам Бетховен.
Брать в руки гипс, склоняться на подрамник,
Весь мир вместить в дыхание одно,
Одним мазком весь этот лес и камни
Живыми положить на полотно,
Не дописав, оставить кисти сыну, —
Так передать цвета родной земли,
Чтоб век спустя все так же мяли глину
И лучшего придумать не могли!

И вот его же слова: «В чем сущность жизни? Сущность жизни вовсе не в соблазне. А в совершенстве форм ее». Вот если бы мы понимали, что такое «соблазн» и что такое «совершенство форм». Я для себя представляю, что это творчество — что-то делать, причем, делать так, чтобы лучше тебя этого сделать никто не смог.

4.

Так получилось, что почти ни одного стихотворения Николая до войны не было опубликовано. Был... собирались... уже было даже набрано несколько, но потом этот набор разбили, и не было ничего опубликовано, кроме многотиражки университетской. После войны...

Надо вам сказать, что Коля учился параллельно с истфаком, занимался в семинаре Литературного института имени Горького. Занимался он в семинаре Антокольского Павла.

Параллельно еще и у Ильи Сельвинского. Об этом он мне часто рассказывал.

И вот я возвращаюсь в пятьдесят шестом году из экспедиции. И взяла журнал «Знамя». И вдруг вижу: подборка стихов. Николай Майоров. «Памятник». Предисловие Антокольского. Открываю — стихи довоенные. А в предисловии Антокольский пишет: «Передо мной тетрадка военных стихов моего бывшего студента Николая Майорова».

Я поразились: я знала, что он не успел повоевать, буквально, ну, месяц был на фронте. Я написала письмо Антокольскому. Он мне ответил, потом дал мне адрес (собственно, он у меня и был) родителей Майорова. И я им отправила военные Колины стихи, то есть, письма, мне адресованные. Да... А стихотворение «Мы»...

И тогда вот начали собирать сборник его стихов, с тем, чтобы опубликовать уже после войны. Помогали в этом Болховитинов, Жуков, Антокольский, в том числе, и вот все друзья, кто могли. Сборник называется «Мы» — по одному из, мне кажется, хрестоматийных его стихотворений:

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочитаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.
Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
В столбцах газет, в набросках на холсте.
Но время шло. Меняли реки русла.
И жили мы, не тратя лишних слов,
Чтоб к вам дойти лишь в пересказах устных
Да в серой прозе наших дневников.

Это стихотворение было опубликовано в сороковом году в «Московском университете». Оно было написано под впечатлением только что, недавно, закончившейся, короткой, очень трагичной для нас финской войны. И как он предвидел, действительно предвидел судьбу всего поколения. Мы действительно верили в то, что... за что мы боролись. И если

впоследствии в этом стали как-то разочаровываться в том, к чему мы шли, к чему мы звали, во что верили, то в то время мы действительно в это верили.

Ну что я могу сказать? Только единственное, в конце: что Колина жизнь была очень короткой и очень яркой. Он был действительно очень талантливым поэтом, и по зрелости его таланта его сравнивали впоследствии литературоведы даже с Лермонтовым, который погиб намного старше Коли Майорова. Коля погиб в двадцать... в неполных двадцать три, двадцать два было, а в мае... двадцатого мая ему должно было исполниться двадцать три года. Впоследствии мы, его сокурсники, почти каждый год собираемся в Москве, двадцатого мая, вспоминаем его, читаем его стихи. Впоследствии организовался очень интересный музей «СТРОП», под Дмитровом, в Рыбном. Там называется «СТРОП» — «Строка, оборванная пулей», где искали следы всех поэтов, погибших на фронте, в том числе и Коли Майорова. И нашли место, где как-будто бы считается, что погиб Коля. Но, к сожалению, ни могилы там нет, ничего не сохранилось. Просто на сосне ребята прибили табличку: «Здесь погиб поэт Николай Майоров».

Ему было неполных двадцать три года.

Ну вот и все...

Письма Н. Майорова

(Из личного архива И.В. Пташниковой)

«Ирина, здравствуй!

Недавно мне Н. Шеберстов передал твою открытку – спасибо, что ты ещё помнишь обо мне. Когда я находился на спецзадании, я почему-то не отчаивался получить от тебя письмо. Но представь себе, всем писали, я же почти все 2 месяца не имел ни от кого ни одного письма. И ты не догадалась. Адрес же наш всему истфаку был известен. Ну, да ладно – не сетую. Чем это я заслужил от тебя письмо? Конечно, ничем.

А все-таки ждал.

В Москву прибыли 9 сентября. Я страшно загорел, окреп. Работать было очень трудно, но об этом когда-нибудь после подробнее расскажу, если удастся свидеться.

...В 418 школе на одной двери нашел случайно твою фамилию: ты там жила. Как был бы я рад, если бы там жила ты и сейчас!

Но я быю себя за излишнее проявление лирического восторга. В райвоенкомате прошел медкомиссию. Ждем, когда возьмут в армию. А когда, неизвестно: может, сегодня вечером, а может – через месяц. Я получил назначение на работу в Можайск, но это – простая формальность. Я не безногий, чтоб ехать на работу. Из Москвы выезд райвоенкоматом запрещен.

Если после войны буду жив, буду проситься работать в Среднюю Азию, – мне надо найти тебя. Когда это будет и будет ли?

Почти все ребята успели сдать госэкзамены и получить дипломы. А я – прогулял. Возможно, сдам числа 15-го, а не сдам – пусть...

Ты в открытке желаешь мне мужества, если буду в бою. Спасибо. Хотя ты знаешь, что в этом деле я не отличусь, но что могу сделать – сделаю.

Ну, желаю тебе здоровья в счастья! Живи хорошо. Целую.
Ник.

Р. С. Все же смею надеяться на твое письмо. Привет от К. Титова, Н. Шеберстова и В. Малькова, которые всегда хотели видеть, чтоб я был вместе с тобой, а посему особенно зло лают на меня сейчас.

Я не утерплю и вслед этому письму пошлю второе».

***

«22 октября 41. Здравствуй, Ирина!

Опять хочется тебе писать. Причём делаю это без надежды получить от тебя ответ: у меня нет адреса. Сейчас я в армии. Мы идем из Москвы пешком по направлению к Горькому, а там – неизвестно куда. Нас как население, годное к службе в армии, решили вовремя вывести из Москвы, которой грозит

непосредственная опасность. Положение исключительно серьезное. Я был раньше зачислен в Ярославскую летную школу. Но когда вокруг Москвы создалось напряженное положение, меня мобилизовали в числе прочих. Сейчас направляемся к формировочному пункту, расположенному где-то около Горького. 15-16-17 октября проходила эвакуация Москвы. Университет эвакуируется в Ташкент, к тебе. Ребята вышли из Москвы пешком – эшелонов не хватило. Многие ребята с нашего курса поспешили сняться с военного учета и смыться заблаговременно из Москвы. Меня эта эвакуация прельщала не тем, что она спасала меня в случае чего от немецкого плена, а соблазняла меня тем, что я попаду в Ташкент, к тебе. В конце концов, я перестал колебаться и мы вместе с Арчилом Анжапаридзе (только вдвоем) не снялись с учета и вот сейчас уже находимся в армии. Вообще, подробно тебе об этих днях – по-своему интересных – расскажу после.

Идя в армию, я лишал себя возможности увидеть скоро тебя. А хотелось видеть тебя!

Сейчас нас, людей самых разных возрастов и профессий, ведут по шоссе Энтузиастов по направлению к Мурому. Идем пешком. Устали ноги. Прошли Ногинск и Покров. В какую часть я попаду - не знаю. Адреса у меня пока нет... Хотелось бы видеть, какая сейчас ты? Целую крепко (очень) Ник. Извини, письмо без марки – нет».

***

«Здравствуй, Ирина!

Опять пишу. Мы уже за Арзамасом. Скоро перейдем Волгу. В общей сложности, мы должны пройти пешком около 1000 км, из них почти половина осталась за спиной. Через месяц, возможно, прибудем на формиров. пункт. А там неизвестно, куда нас определят. От фронта мы почти также сейчас далеки, как я далек сегодня от тебя. Очень беспокоюсь за братьев, равно как и за родителей. Едва ли сейчас в Иваново спокойно.

В Муроме встретили некоторых ребят из университета. Они эвакуируются (=бегут) в Ашхабад (а не в Ташкент, как я, было,

писал тебе). <...> Увидев нас в шинелях (меня и Арчила), оглядывали нас, как старик Бульба сыновей своих некогда. Пятый курс (не наш) в большинстве своем вот так маскируется по эшелонам, направляющимся в Среднюю Азию.

Ну, живу пока ничего. Тяжеловато, но кому ныне легко? О тебе думать хочется и еще более – видеть тебя. Ты не обязана этому верить - я знаю, смеешься, поди, небось? Но это – так. Жаль, что у нас неловко все как-то вышло. Винават целиком я, па-а-длец! А самое страшное – едва ли удастся увидеть тебя, слишком взаимно противоположные направления приняли дороги наши. Мне 22 года, впереди армия, фронт и вообще чёрт знает что. Еще страшнее то, что ты думаешь обо мне, пожалуй, не совсем хорошо. И – права. Вот и стучу себя в грудь кулаком, а иногда такое настроение – забыла; ладно, все перемелется... А верстовые столбы без конца, идешь-идешь, думаешь-думаешь, и опять где-нибудь выплывешь, и все – сызнова. Курю. Думаю. Ругаю. Всех. Себя. Иногда разговаривать ни с кем не хочется. Даже с Арчилом. Насуплюсь и молчу. Тяжело идти, но я, дай бог, более или менее вынослив. Плохо очень с питанием. Есть с чего быть злым. Сплю на шинели, шинелью покрываюсь, в головах – тоже шинель. Не подумай, что их - три шинели. Все это случается с одной шинелью.

А рядом идут куда-то поезда. Может и в Ташкент. И вдруг рассердишься - да что я в самом деле? Перемелется всё. Будем веселыми. И ты хорошо живи: веселей, бери всё, что можно, а вообще мне тебя не учить. Это я просто от злости, бешусь. Злых я люблю, сам – злой. Ну, целую. Еще раз, еще. Ваш покорный слуга. 8 ноября 41. И зачем я пишу всё это? А?..»

***

«Ирина, здравствуй!

За последнее время никому так много не писал писем, как тебе. Не знаю, радоваться или плакать тебе по этому случаю. Домой я не писал полтора месяца, – не знаю, что уж обо мне там теперь думают. О братьях ничего не слышу. А как бы хотелось всё обо всех знать! Сегодня, 18 декабря, ровно 2 месяца, как я в

армии. По этому случаю и пишу, домой, тебе, братьям. Я чуть было не был демобилизован (по приказу по НКО о дипломниках), но почему-то задержали. А то я хотел было ехать в твой край. А теперь перспектива такова. До Нового года нас обещают маршевой ротой отправить на фронт. Но яснее никто ничего не знает. Скучна жизнь, да ничего не поделаешь, война. Многого бы хотелось, да не все есть. Сейчас приходится меньше требовать, а больше работать.

Хочется увидеть тебя, говорить с тобой, глядеть на тебя. Пока же кое-как удалось прочесть "Юморески" Гашека, "Два капитана" Каверина. Если не читала последнюю книгу, прочти - хорошая... А в общем - скучно и грустно. Радуюсь нашим успехам на фронтах. Боюсь за братьев. Напиши мне письмо, возможно, оно застанет меня здесь. Целую. Ник. Привет от Арчила. 18.XП.41».

***

«Здравствуй, Ирина!

Жду эшелона для отправки на фронт. Нахожусь в маршевой роте. Говорят, нас направляют в гвардейские части на Московский фронт. Хорошо бы ехать через Иваново - возможно, забегу. Обмундированы хорошо: полушубки, ватники, в дороге валенки дадут. Дали махорки - самое главное. Воевать придется в самые зимние месяцы. Ну да ладно - перетерпим. Арчила не взяли в гвардию - слепой. Тяжело было расставаться с ним. Поздравляю тебя с Новым годом, 1942! Что-то ждет меня в этом году? Ты знаешь, как я скверно встретил 1941 г. - был вызван сумасбродной телеграммой в Иваново. Сейчас Новый год тоже встречу в вагоне. Песни петь буду, тебя вспоминать. Жаль, что только вспоминать... Ну, пока всё, кажется. Целую тебя много-много раз. Николай. 28 декабря 1941».

Александр Немировский

Памяти Николая Майорова

Еще не выпал наш последний снег,
Тот самый снег, что принесет разлуку.
И мы гребем с тобою, как во сне,
Лопатами, как веслами, сквозь вьюгу.

Еще не выпал наш последний снег.
Я говорю вам: нет, еще не выпал,
Еще растают в солнечном огне
Осколки дней, как смерзшиеся глыбы,

Еще ударит над полями гром,
Еще цветы мы будем мять по лугу,
Еще своих любимых мы найдем,
Как музыкант находит тон по слуху.

Встают сугробы, словно берега,
И мы скользим меж ними, как фрегаты.
И музыка звучит издалека,
Прекрасная, как лунная соната.

Свистит поземка, замата след.
И нет уже обратно нам дороги,
И в мир, как в недописанный сонет,
Ведут нас ослепительные строки.
1974

Литературно-творческая группа студентов МГУ

Литературно-творческая группа студентов при клубе Московского государственного университета. Студент тов. Немировский читает свои стихи. Фото М. Олевский.

Фото из газеты «Правда» — единственная сохранившаяся фотография первого литературного объединения МГУ. Подпись: Литературно-творческая группа студентов при клубе Московского государственного университета. Студент тов. Немировский читает свои стихи. Фото М.Олевский.

Литературное объединение МГУ начало свою работу в 1938. Приглашённым руководителем был Евгений Долматовский, но фактически был и второй руководитель — студент физфака Даниил Плотке, впоследствии выступавший под псевдонимом Даниил Данин.

На фото: в левом нижнем углу – Евгений Долматовский, в левом верхнем – Николай Майоров; читает стихи Александр Немировский; второй справа от него – Николай Банников, вслед за ним – Ида Гершкович, студентка географического факультета (погибла на войне в 1943); человек в очках – Николай Борисович Зубков, позже – китаевед, главный редактор издательства «Восточная литература». Следующий за ним – Александр Яковлев (погиб на войне).

Владислав Ремарчук

Разговор с Александром Немировским

Немировский: ... Представьте себе, именно эта газета («Московский университет» – Л.Л.) впервые открыла страницы для моих стихов. То же самое мог бы сказать, если бы он остался жив, и Коля Майоров, мой однокурсник и самый близкий друг. Увы! В Центральном доме литераторов на мраморной доске вместе с именами погибших писателей стоит и его имя. Но при жизни он печатался только в нашей университетской газете.

Собеседник: Не скрою, о вашей дружбе с Николаем Майоровым я узнал заранее. Кстати, 20 мая – его день рождения, и поэтому наша сегодняшняя встреча – это и дань памяти Майорову и другим вашим университетским друзьям. Просматривая подшивки довоенных номеров газеты, я понял, что еще с того времени у нас в университете действовало настоящее литературное объединение...

Немировский: Завершилась летняя сессия 1941 года. Сданы экзамены по историческим дисциплинам в МГУ и по литературным – в Литинституте им. Горького, где я также учился вместе с Колей Майоровым. А вместо каникул – война. Через неделю после ее начала студенты-истфаковцы оказались в деревне Снопоть на Брянщине... До осени рыли противотанковый ров. Ночами над нами стоял гул самолетов, но в небе – ни одного нашего. Это фашисты летели бомбить Москву. И вот она в моем восприятии того времени:

Расписана каким-то Пикассо,
Приобрела Москва иную емкость
И спрятала привычное лицо,
На миг преобразившись в незнакомку...

Разбросаны железные ежи,
Мешки с песком накинаны у окон.

Все то, что я любил и чем я жил,
Вдруг сделалось пугающе далеким.

На Красной Пресне стены баррикад,
Аэростаты, спящие на тросах,
И лица треугольные солдат
При светлячке дрожащей папиросы.

Собеседник: А дальше – народное ополчение, армия?

Немировский: Не сразу. Нас, четверокурсников, вернули в сентябре для сдачи госэкзаменов. Всю войну я прошел с дипломом МГУ в кармане. В середине октября мы с Колей Майоровым без вызова пришли в Краснопресненский райвоенкомат проситься на фронт. Но нам предложили – уходить из Москвы по единственно безопасному шоссе Энтузиастов. Прощаясь, мы обменялись тетрадками стихов.
<...>

Немировский: ... В 1941 году я подарил Коле Майорову из своего незаконченного стихотворения одну строку: «Еще не выпал мой последний снег...». Он ее использовал в своей несохранившейся маленькой поэме, содержание которой известно лишь по пересказу нашего общего друга, студента физфака Виктора Болховитина – поэта, тоже сотрудничавшего с газетой «Московский университет». Снег 1942 года оказался для Коли последним. Но он мог стать последним и для меня... Вернувшись с войны, я написал:

Прости меня за то, что я живу,
Что я домой вернулся после боя,
Что я топчу зеленую траву,
А не лежу недвижно под травой.

Необъяснимое ощущение этой невольной вины стало фоном и движущей силой всей моей послевоенной жизни.

Вадим Ружина⁴⁷

Из «Революция, любовь, мужество»

(отрывок⁴⁸)

Рукописи не горят, а уж книги, даже при малых тиражах издания, неожиданно напоминают о себе. Узнав о моей работе над статьей о Николае Майорове, едва знакомый человек принес несколько страничек из давней книги. Благодаря ему и «нашлись» стихотворения Н. Майорова, которых нет в сборниках стихов поэта.

...но был,
любил
и за строкой спешил.
И как бы ты ни жгла
и ни любила, —
так, как стихи, тебя он не любил.
И в самый крайний миг перед атакой,
самим собою жертвуя, любя,
он за четыре строчки Пастернака
в полубреду, но мог отдать тебя!
Земля не обернется мавзолеем...
Прости ему: бывают чудачки,
которые умрут, не пожалев,
за правоту прихлынувшей строки...

Конечно, слова о «четырех строчках Пастернака» не следует понимать буквально, в этом резко заостренном образном выражении — клятва беззаветной преданности искусству, что называется, до гробовой доски.

Годы, прошедшие со дня смерти Николая Майорова, явились лучшей проверкой достоинств его поэзии. Его душевно

---

⁴⁷ Ружина Вадим Антонович — литературовед и критик.

⁴⁸ Ружина В.А. Революция, любовь, мужество. Кишинев: Картя Молдовеняскэ.—184с.—1976 г. — с.153-157.

чистые, честные, всегда напряженно страстные стихи удивительно точно передают ритм жизни и духовный облик молодого человека... конца 30-х — начала 40-х годов... Они покоряют сердца все новых и новых читателей. С благодарностью вспоминают они поэта, который в своих стихах — по-юношески угловатых, но вместе с тем подкупающе искренних, сердечных, — сказал потомкам о судьбе своего героического поколения:

Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет. Не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.

.....

И как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово «Человек»!
Никто не забыт, ничто не забыто. Пришла к читателю и поэзия Николая Майорова.

Вадим РУЖИНА,
кандидат филологических наук, доцент Бельцкого
пединститута.

но был,
любил
и за строкой спешил.
И как бы ты ни жгла
и ни любила, —
так, как стихи, тебя он не любил.
И в самый крайний миг
перед атакой,
самим собою жертвуя, любя,
он за четыре строчки Пастернака
в полубреду, но мог отдать тебя!
Земля не обернется мавзолеем...
Прости ему: бывают чудачки,
которые умрут, не пожалев,
за правоту прихлынувшей строки...

Конечно, слова о «четырёх строчках Пастернака» не следует понимать буквально. В этом резко заостренном образном выражении — клятва беззаветной верности искусству, что называется, до гробовой доски.

Годы, прошедшие со дня смерти Николая Майорова, явились лучшей проверкой достоинств его поэзии. Его душевно чистые, честные, всегда напряженно страстные стихи удивительно точно передают ритм жизни и духовный облик молодого человека не только конца 30-х — начала 40-х годов, но и нашего времени. Они покоряют сердца все новых и новых читателей. С благодарностью вспоминают они поэта, который в своих стихах — по-юношески угловатых, но вместе с тем подкупающе искренних, сердечных, — сказал потомкам о судьбе своего героического поколения:

Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет, не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.
.....
Но как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово «человек»!

Никто не забыт, ничто не забыто. Пришла к читателю и поэзия Николая Майорова.

Вадим РУЖИНА,
кандидат филологических наук, доцент Бельцкого пединститута

Николай Майоров

ЗАКАТ

Где-то в небе
за Дунаем,
у склонившихся Карпат,
перья желтые роняя,

таял розовый закат.
Ветры спали солнца ради,
тени с гор в равнины шли.
Кто-то долго нежно гладил
грудь истерзанной земли.
И она вздыхала томно
в ослепительный опал:
в небе плыл закат огромный,
перья желтые ронял.

1937

ЕГО ГЕРОИ

Здесь подлецы и казнокрады,
свинные рыла и подлог.
Чинуши, ждущие награды,
царя владетельный сапог.
Здесь городничих легионы
суды негласные вершат.
Здесь мелких тварей миллионы
вприпрыжку в ведомства спешат.
Секут детей. Считают деньги.
Сбивают цены. Спорят. Лгут,
бород заржавленные веники
уткнув в свой приторный уют.
Здесь держиморды с их замашкой.
Здесь даже вор бывает прав.
Здесь сам Ноздрев играет в шашки
и шашки пичкает в рукав...
...И сколько их,
пустых святош,
среди отъявленных уродов,
один с другим, как капля, схож!

1938

НОЧЬ

Это все знакомо и понятно.
Скрипнет дверь. Потом забрешут псы...
И от рам неровной тенью
пятна
упадут бесшумно на часы.

Стрелки медлят. Дразнят — не иначе,
и считают время — не проспи.

Так пересчитывает сдачу
скупой и недоверчивый кассир.

Но тебе вставать еще не скоро
и, наверно, слушать надоест,
как, не находя удобных мест,
чьи-то тени ходят коридором.

1938

АВГУСТ¹

Ты для меня и музыка, и сон,
Последний снег, осенняя прохлада,
И всплеск последний града,
И ночь, что подступает под балкон
Великолепьем августовским сада.

Я весь в тебе. Давай поговорим,
Пока мы здесь вдвоем, неотделимы.
Как дышим мы дыханием одним
И не живем, а медленно горим
И даже уловляем запах дыма.

Так навсегда меж нами повелось:
Считать обидой легкое участие,
Над чувствами не ставить выше власти,
С ума сходить от бронзовых волос
И шепотом рассказывать о счастье.

Будь для меня постылою простудой,
Будь горною тропой до небес.
Я не спрошу, — зачем ты и откуда?
Будь для меня одним великим чудом
Из тех семи прославленных чудес!

Будь для меня и небом и землей,
Пошли на смерть, корми тяжелым хлебом!
Я всем плачу тебе: собой,
Словами лучшими и славой ветровой,
За эти руки, пахнущие небом!

ДЕТСТВО

Я был влюбленным в лес и в воду,
В простую радость, в игры на дворе.

¹ По воспоминаниям друга Николая Майорова К. Титова, стихи «Август» и «Детство» были написаны в 9-м и 10-м классах.

Курил табак. Крал тайно из комода
Отцовский карабин, хранимый в кобуре.

Друзья мои, — владельцы птичьих клеток,
Невинных снов, диковинных гвоздей, —
В часы нужды курили листья с веток,
Дрались у игрищ, крали голубей.

На все был спрос, к любой покупке повод.
Превыше всех коллекций старины
Ценились карабин и книжка «Овод»,
Для них, казалось, не было цены.

Мир был предельно прост и ясен.
И за пригоршню пятак
Мы покупали мыслимое счастье,
Закованное в тяжести подков.

* * *

...Он для тебя украсит стены
И скажет: «Славой ослеплю!»
А я опять останусь с теми,
Которых вовсе не люблю.

И в смене встреч и длинных будней
Тебя я вспомню, изумлюсь!
Все тяжелей и безрассудней,
Все непонятней становлюсь.

Я не пойму, моя отрада,
Как можно в такой стране
Всю жизнь пройти с тобою рядом
И все ж остаться в стороне.

ЗОВ ЖИЗНИ

Был долгоденствие блуд на сеновале.
Пока чернело небо без стрижей, —
ворочались, потели, целовали
в тупые переносицы мужей.
А мужики лежали как пласты, —
дневная ноша плечи им растерла.
Тяжелые нательные кресты,
как тараканы, выбились на горло.
Сквозь крышу шел густой полынный запах,
и прежде чем отдаться вдоволь сну,

Стихи, ранее не опубликованные в сборниках⁴⁹

ЗАКАТ

Где-то в небе
за Дунаем
У склонившихся Карпат,
Перья желтые роняя,
таял розовый закат.
Ветры спали солнца ради,
тени с гор в равнины шли.
Кто-то долго нежно гладил
грудь истерзанной земли.
И она вздыхала томно
в ослепительный опал:
в небе плыл закат огромный,
Перья желтые ронял.
1937

ЕГО ГЕРОИ

Здесь подлецы и казнокрады,
Свиные рыла и подлог.
Чинуши, ждущие награды,
царя владетельный сапог.
Здесь городничих легионы
Суды негласные вершат.
Здесь мелких тварей миллионы
Вприпрыжку в ведомства спешат.
Секут детей. Считают деньги.
Сбивают цены. Спорят. Лгут,
бород заржавленные веники
уткнув в свой приторный уют.
Здесь держиморды с их замашкой,

---

⁴⁹ Ружина В.А. Революция, любовь, мужество. Кишинев: Картя Молдовеняскэ. 184 с.1976 г.с. 153-157.

Здесь даже вор бывает прав.
Здесь сам Ноздрев играет в шашки
и шашки пичкает в рукав...
... И сколько их,
пустых святош,
среди отъявленных уродов,
один с другим, как капля, схож.
1938

НОЧЬ

То все знакомо и понятно.
Скрипнет дверь. Затем забрешут псы...
И от рам неровной тенью
пятна
упадут бесшумно на часы.

Стрелки медлят. Дразнят — не иначе,
и считают время — не проспи.
Так пересчитывает сдачу
скупой и недоверчивый кассир.

Но тебе вставать еще не скоро
и, наверно, слушать надоест,
как, не находя удобных мест,
чьи-то тени бродят коридором.
1938

АВГУСТ

Ты для меня и музыка, и сон,
Последний снег, осенняя прохлада,
И всплеск последний града,
И ночь, что подступает под балкон
Великолепьем августовским сада.

Я весь в тебе. Давай поговорим,
Пока мы здесь вдвоем, неотделимы.
Как дышим мы дыханием одним

И не живем, а медленно горим
И даже уловляем запах дыма.

Так навсегда меж нами повелось:
Считать обидой легкое участие,
Над чувствами не ставить выше власти,
С ума сходить от бронзовых волос
И шепотом рассказывать о счастье.

Будь для меня постылою простудой,
Будь горною тропой до небес.
Я не спрошу — зачем ты и откуда?
Будь для меня одним великим чудом
Из тех семи прославленных чудес!

Будь для меня и небом, и землей,
Пошли на смерть, корми тяжелым хлебом!
Я всем плачу тебе: собой,
Словами лучшими и славой ветровой
За эти руки, пахнущие небом!

ДЕТСТВО

Я был влюбленным в лес и в воду,
В простую радость, в игры во дворе.
Курил табак. Крал тайно из комода
Отцовский карабин, хранимый в кобуре.

Друзья мои, — владельцы птичьих клеток, —
Невинных снов, диковинных гвоздей, —
В часы нужды курили листья с веток,
Дрались у игрищ, крали голубей.

На все был спрос, к любой покупке повод.
Превыше всех коллекций старины
Ценились карабин и книжка «Овод»,
Для них, казалось, не было цены.
Мир был предельно прост и ясен.

И за пригоршню пятаков
Мы покупали мыслимое счастье,
Закованное в тяжести подков.

***

...Он для тебя украсит стены
И скажет: «Славой ослеплю!»
А я опять останусь с теми,
Которых вовсе не люблю.

И в смене встреч и длинных будней
Тебя я вспомню, изумлюсь!
Все тяжелей и безрассудней,
Все непонятней становлюсь.

Я не пойму, моя отрада,
Как можно в этакой стране
Всю жизнь пройти с тобою рядом
И все ж остаться в стороне.

ЗОВ ЖИЗНИ

Был долог бабий блуд на сеновале.
Пока чернело небо без стрижей, —
ворочались, потели, целовали
в тупые переносицы мужей.
А мужики лежали как пласты, —
дневная ноша плечи им растерла.
Тяжелые нательные кресты,
как тараканы, выбились на горло.
Сквозь крышу шел густой полынный запах,
и прежде чем отдаться вдоволь сну,
не торопясь, кузнец в тяжелых лапах
ласкал и тешил глупую жену.
Так мнет горшечник розовую глину,
крутя ее, как древний ворожей.
Так парни тащат за пальто к овину
бесстыжих хуторянок от мужей.

Дорога шла вразвалку от села
За рожь, в кусты, в душистые осины.
Там девка парня за руку вела,
в глаза глядела, за виски брала
и рассказать о звездах не просила.
Что услышишь в ночь такую?
То ли влага бьет в суку?
То ль тетерева токуют
в ночь такую на току?

Леонид Таганов

Ивановское братство поэтов-фронтовиков (отрывок)

С ивановским краем связана целая плеяда поэтов фронтового поколения, чьи имена вошли в историю советской литературы. Самые известные из них: Алексей Лебедев (1912–1941), Николай Майоров (1919–1942), Михаил Дудин (1916–1993), Владимир Жуков (1920–1997). В советском Иванове их жизнь и творчество всячески пропагандировалось в целях придания городу имиджа не только трудовой, но и боевой славы. А козырять», действительно, было чем: в крае, который никогда не был театром военных действий, возникла группа первоклассных поэтов, воспевших героизм советского народа в годы Великой Отечественной войны.

Об этом должны знать все! В школах, фабричных цехах проводились политчасы, посвящённые славным землякам. Их именем называли улицы. В «литературном» сквере установили бронзовые бюсты Лебедеву и Майорову. Дудин и Жуков удостоены звания почётного гражданина города. Литературные премии, различные фестивали в честь названных поэтов до сих пор считаются важными событиями в культурной жизни края. Но, скажем прямо, с исчезновением СССР массовый интерес к этим легендарным в советские времена именам падает.

Кажется, ещё немного – и эта страница ивановской поэзии будет сдана в исторический архив в силу её курсивной

советскости. А вот этого допустить нельзя! Если такое случится, то мы потеряем нечто большее, чем отработанный миф. Мы рискуем потерять какие-то важные ориентиры в понимании сложности развития русской истории советского периода, без которой не может состояться наша нравственно-духовная идентификация в современном мире. То, что мы называем современностью, тысячами нитей связано с недавним советским прошлым. И оно, это прошлое, далеко не однозначно даже в той его части, где советское выступает в рамках так называемого большого сталинского стиля, литературы второй половины 30-х годов, то есть в то самое время, когда будущие «фронтовики» заявили о себе как новое поколение, воспитанное новой эпохой.

Казалось, всё в их первоначальном творчестве отвечало нормам тогдашней советской жизни. Они сами творили миф о людях, которые сильны, прежде всего, причастностью к стране, где каждый может стать героем в силу того, что, благодаря воле Сталина и большевистской партии, молодые живут в передовой стране мира (вспомним знаменитое «я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек»). Их лирический герой, как выразился однажды С.Наровчатов, включал в себя типичность героического образа, запечатлённого в классике советского искусства, на котором воспитывалась предвоенная молодежь.

Павел Власов и Павел Корчагин, фильмы о Ленине, Сталине, Щорсе, Пархоменко, песенное творчество тех лет, прославляющее непобедимое сталинское государство, – всё это впитывалось будущими «фронтовиками» в качестве основной культурно-жизненной реальности.

Недаром тот же Наровчатов, вспоминая о Н.Майорове, подчёркивая его типичность для молодёжи предвоенной формации, сравнивал его с героем кинофильма «Юность Максима» в исполнении Б.Чиркова. И далее автор статьи «Улица Николая Майорова» говорит, что и в самой манере держаться, и в одежде Майоров, как и многие его сверстники, «ощущали себя внутренне сыновьям сотен Максимов большевистского подполья и гражданской войны».

Нетрудно догадаться, в каком ракурсе должно было предстать Иваново – родина будущих «фронтовиков» – в свете такой социальной идентификации. Да, конечно, городом особой пролетарской закваски, свято хранящим революционные традиции. Критики, писавшие о них в советские годы, не жалели слов, подчёркивающих это обстоятельство. «Отец и мать у Николая – ивановские рабочие, брат – военный лётчик. Семья была типичной и в то же время образцовой»². <...>

Уже само «поколенческое» самосознание молодых поэтов второй половины 30-х годов было в какой-то мере вызовом «типовым» представлениям о времени. Поколение в их понимании – не отвлечённое представление о советской молодёжи, а избранное эпохой живое братство молодых людей, готовых совершить предназначенное только им. И это предназначение они видели в спасении не только России, но и всего мира от коричневой чумы фашизма. При этом будущие «фронтовики» не только не исключали своей гибели, но акцентировали внимание на этом, вольно и невольно вступая в конфликт с массовой советской поэзией, с такими, например, стихами, печатавшимися в поэтическом сборнике «Оборона» (Л., 1940): «Реют соколы в лазури / безграничной вышины, / Ни туманы и ни бури / Им, отважным, не страшны». Или: «Нависли тяжёлые, / Чёрные тучи, / И если фашисты / Навяжут войну, / Пойдём мы на битвы / И силой могучей / Врагов уничтожим, / Восславим страну».

А теперь вспомним ключевые строки из программного стихотворения Н.Майорова «Мы»:

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочитаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папирсы.
Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
В столбцах газет, в набросках на холсте...

Как не похоже «оборонное» массовое «мы» на «мы» Николая Майорова! В первом случае оно не больше, чем знак обезличенного большинства. В майоровских стихах «мы» – трагическое обозначение поколения живых людей, потенциальных творцов, растворившихся в героическом мифе, но явно не реализовавших всех своих индивидуальных человеческих возможностей. Обратим внимание на сам жанр этого произведения Майорова. Это одновременно и гимн героическому поколению, и реквием, и послание в будущее, сродни знаменитому вступлению к поэме В.Маяковского «Во весь голос». Суть обращения Майорова к потомкам можно сформулировать так: мы хотим, чтобы наша жертвенность не была напрасной; реализуйте то лучшее, что было в нас, идите дальше, ведь боролись мы, в конечном счёте, за сохранение гуманистических основ мироздания.

Хорошо сказал о своеобразии вступления в мир «майоровской» когорты поэтов А.Немировский, который сам был причастен к этой когорте: «Чутко и напряжённо вслушивались начинающие поэты в эпоху, улавливая раскаты близкой грозы. Ощущение надвигающейся тревоги и беды для себя и своего народа было чуждо многим из уже сложившихся и печатавшихся поэтов того времени. Оно могло восприниматься как неоправданный пессимизм и трактоваться как оппозиция тезису, что победа будет быстрой и едва ли не бескровной. Вот почему был рассыпан университетский сборник, и «Мы» не вышло на страницы многотиражки».

Ещё раз подчеркнём: поэтическое «поколение 40-го», которое представлял Майоров и его ивановские братья по перу, пыталось осмыслить своё явление в крупно историческом, социальном масштабе. При этом оно отталкивалось от советской реальности, того лучшего, что было создано человечеством. СССР в поэзии будущих фронтовиков – это новая передовая цивилизация, центром которой является московский Кремль (см., например, стихотворение Н.Майорова «Ни наших лиц, ни наших комнат...»). И вместе с тем, в это широкое государственное пространство врывается микрокосм природного, личного существования, в результате чего

советский мир в восприятии «поколения 40-го года» перестаёт быть идеологически и художественно односторонним. Как отражается это в «ивановском мифе»?

Снова обратимся к Н.Майорову, так как именно у него рельефней всего запечатлено сочетание большого и малого, общего и личного, «вселенского» и «родного». Сочетание, обретающее определённую образно-стилевую направленность, соотносимую с поисками в русской поэзии не только своего, но и гораздо более позднего времени, а именно периода «оттепели».

Формируясь как личность в пролетарском Иванове, Майоров мыслил этот город точкой пересечения разных исторических эпох, деревенского и городского существования России, нового и старого уклада жизни. На языке поэтических символов это выглядело в первую очередь как непростые взаимоотношения между образом земли и образом неба.

Казалось бы, согласно общей направленности «культуры Два», «большому сталинскому стилю», мы встречаемся здесь с преобладанием вертикального начала над горизонтальным, с устремлённостью в небо, означающим выходы за рамки частной, «местной» жизни. Прошлое родного края жмётся к земле, оно существует в тесном избыточном пространстве, которое давит на человека, лишая его возможности видеть «небо». Прочитаем первые две строфы из майоровского стихотворения «Отцам»:

Я жил в углу. Я видел только впалость
Отцовских щек. Должно быть, мало знал.
Но с детства мне уже казалось,
Что этот мир неизмеримо мал.

В нем не было ни Монте-Кристо,
Ни писем тайных с желтым сургучом.
Топили печь, и рядом с нею пристав
Перину вспарывал литым штыком.

Здесь сливается воедино лирическое «я» и голос человека, рвущегося из дореволюционного захолустья в простор большой жизни. Тема малой родины таким образом начинает приобретать эпическое звучание. Не только это стихотворение, но и другие произведения Майорова являлись фрагментами из большого незаконченного лиро-эпического повествования, где переплетается история «отцов и детей». И «дети» в этой истории, наследуя, прежде всего, революционное отношение к миру, выходят в пространство «вечных исканий крутых путей к последней высоте».

Отсюда и культ лётчика в стихах Майорова. Он гордится тем, что его старший брат служит в военной авиации. Иваново в его поэзии – город, где живут лётчики-герои, которые готовы во имя высоты пожертвовать собою.

В.Жуков в своих заметках о Майорове вспоминает: «Помнится, году в тридцать восьмом в наших местах (а жили мы на окраине Иванова) разбился самолёт. Весь личный состав погиб. На зелёном Успенском кладбище на другой день состоялись похороны. В суровом молчании на холодный горький песок первой в нашей мальчишеской жизни братской могилы лётчики возложили срезанные ударом о землю винты самолёта.

А вечером Коля читал стихи, которые заканчивались строфой:

О, если б все с такою жаждой жили,
Чтоб на могилу им взамен плиты,
Как память ими взятой высоты,
Их инструмент разбитый положили
И лишь потом поставили цветы.

Вроде бы полное совпадение с общими, типичными особенностями героической модели того времени: советские люди в едином порыве покоряют «пространство и время», и жизнь их при этом целиком принадлежит государственному делу, «инструменту», с помощью которого это дело вершится.

Но если внимательно присмотреться к стихам Майорова, то окажется, что «лётчики», «небо» и многое другое далеко не совпадает здесь с вертикальными образами массовой предвоенной поэзии, исключаящими мир отдельной личности.

Молодые романтики предвоенной поры из пролетарского Иванова при всём стремлении к «высоте», означающей прежде всего воплощение советского идеала, к счастью, чувствовали себя живыми людьми. «Земля» для них была не менее важна, чем небо». И сегодня, может быть, самое интересное в их жизни и поэзии открывается не в гражданских декларациях, а во внутреннем конфликте, порой тайном даже для них самих. В конфликте между «общим», «типичным» и «самостью», неповторимостью их явления. Этот конфликт ощущается, например, в следующих стихах, посвящённых лётчику-брату Алексею:

Я за тобой закрою двери,
Взгляну на книги на столе,
Как женщине, останусь верен
Моей злопамятной земле.
И через тьму сплошных загадок
Дойду до истины с трудом,
Что мы должны сначала падать,
А высота придёт потом.

Для молодых поэтов предвоенной поры важен сам процесс жизни, поиск, падения и подъёмы. И точкой отсчёта становится здесь детство, родной дом, природное начало мира. «В стихах Майорова очень часто встречаешься с травами, с ливнями, которые «ходят напролом, не разбирая, где канавы». А постоянная нота «кочевья», вагонов, вокзальных расставаний – как бы мост, соединявший ивановского юношу со столицей, с университетом...». Критик Н.Банников, кстати говоря, друживший с Майоровым, подметил в своих заметках о поэте ноту кочевья. Продолжая наблюдения критика, можно говорить и о нотах разлада и поисках нового лада, мотиве страстного порыва к любви в майоровской поэзии. Между прочим,

последнее даёт о себе знать в самом синтаксисе, порывистости интонационного рисунка стихов.

И здесь уместным будет вспомнить ту сцену из воспоминаний С.Наровчатова, где рассказывается о его первой встрече с Майоровым на одной из литературных встреч в Москве, где Николай представлял молодых поэтов МГУ: «И вот на средину комнаты вышел угловатый паренёк, обвёл нас деловито-сумрачным взглядом и, как гвоздями, вколотил в тишину три слова: «Что – значит – любить». А затем на нас обрушился такой безостановочный императив – грамматический и душевный, – что мы, вполне привыкшие и к своим собственным императивам, чуть ли не растерялись.

Идти сквозь вьюгу напролом.
Ползти ползком. Бежать вслепую,
Идти и падать. Бить челом,
И всё ж любить её — такую!

«Такую» — он как-то резко и в то же время торжественно подчеркнул <...> Стихи неслись дальше:

Забыть последние потери,
Вокзальный свет,
Ее «прости»
И кое-как до старой двери,
Почти не помня, добрести,
Войти, как новых драм зачатые,
Нащупать стены, холод плит...
Швырнуть пальто на выключатель,
Забыв, где вешалка висит.

Две эти последние строки меня покорили, и я ударил кулаком по столу. Майоров только покосился в мою сторону и продолжал обрушивать новые строки. И когда, наконец, дойдя до кульминации страсти, вдруг на спокойном выдохе прочитал концовку <...>, мы облегчённо и обрадовано зашумели, признав

сразу и безоговорочно в новом нашем товарище настоящего поэта».

Ориентируясь на высокие гражданско-творческие цели, будущие «фронтовики» порой выставляли себя суровыми аскетами, готовыми пренебречь «слишком человеческими» чувствами, якобы мешающими исполнить их главное дело. А.Лебедев в письмах к матери неоднократно говорит о своём желании разрубить гордые любовные узлы, в будущем «не связываться с женщинами», отказаться от мысли о семейном счастье. «Трата сердца, нервов и лучших чувств, — писал Лебедев в письме от 22 ноября 1937 года, — не проходит бесполезно, а истинное счастье, по-моему, не в семье и не в личном уюте, а в неустанном выковыивании в себе тех качеств, которые имеют и имели большие люди на нашей земле». А в другом письме, написанном накануне Великой Отечественной войны, Лебедев говорит матери о своём желании: «высушить свою душу так, чтобы осталась в ней любовь к тебе, родине и службе...».

Такого рода ригоризм можно встретить и у Майорова. В стихотворении «Тебе» читаем:

И в самый крайний миг перед атакой,
самим собою жертвуя, любя,
он за четыре строчки Пастернака
в полубреду, но мог отдать тебя!

И здесь то же: сначала атака, стихи и только потом ты.

Однако не будем забывать о том, что все эти декларации принадлежат совсем молодым людям, которые просто в силу своего возраста склонны были схематизировать жизнь. К счастью, засушить душу они не могли. Внутреннее богатство личности во всей её сложной противоречивости определяла их глубинное жизнетворческое поведение. <...>

И снова, так или иначе, нам приходится приоткрывать начальные, ивановские страницы жизни «фронтовиков», так как именно здесь, в этом фабричном городе, скрывались многие самые сокровенные тайны их личного существования. Для

Н.Майорова Иваново навсегда осталось городом первой любви, и ему никогда не дано было забыть Московскую улицу, связанную с этим его душевным потрясением:

Ту улицу Московской звали
Она была, пожалуй, не пряма,
Но как-то по-особому стояли
Её простые, крепкие дома,
И был там дом с узорчатым карнизом.
Купалась в стёклах окон бирюза.
Он был насквозь распахнут и пронизан
Лучами солнца, бьющими в глаза.
(«Апрель»)

Именно в Иванове (и это кажется на первый взгляд странным) Майоров открыл «языческую» почву для своих стихов, где человек предстаёт вписанным в природу всеми своими клеточками:

Лежать в траве, желтеющей у вишен,
У низких яблонь где-то у воды,
Смотреть в листву прозрачную
И слышать,
Как рядом глухо падают плоды...
(«Август»)

Своеобразным авторским комментарием к этим стихам может служить письмо, написанное Н.Майоровым Ирине Пташниковой в Иваново во время летних каникул 1940 года: «...Спим с Костей (Константин Титов – земляк, ближайший друг Н.Майорова, – Л.Т.) у него в саду под яблонями. Прежде чем лечь, идём есть смородину и малину. Возвращаемся сырые – роса. На свежем воздухе спать замечательно: смотришь в ночное небо, протянешь руку – целая горсть холодной, влажной листвы; кругом – ползёт, шевелится, и кажется, что дышит «свирепая зелень», бьющая из всех расселин и пор сухой земли. И впрямь слышно, «как мир произрастает»! Изредка на одеяло заползает какой-нибудь жучишко. Просыпаемся от солнца,

которое, проникая сквозь ветви, будит нас и заставляет
жмуриться... Вот она – жизнь. Как сказал Велимир Хлебников:

Мне мало надо:
Ковригу хлеба,
Да каплю молока,
Да это небо,
Да эти облака».

Показательны стихотворные цитаты в этом письме: кроме Хлебникова, здесь цитируется стихотворение Э.Багрицкого «Весна» («И вот из коряг, / Из камней, из расселин / Пошла в наступленье / Свирепая зелень»). И здесь же автоцитата из вышеуказанного стихотворения «Август»: «И слышу я, как мир произрастает / Из первозданной матери – воды». В связи с этим цитированием стоит вспомнить меткое наблюдение Л.Аннинского о молодых поэтах предвоенной поры: «...В той книжной сокровищнице, из которой черпали они вдохновение, три имени овеяны особой любовью: Маяковский, Багрицкий, Хлебников. Это значит: трибунная мощь слова, плюс его языческая сочность, плюс его артистическая утончённость. То самое сочетание напора и изящества, которое годы спустя – целую войну спустя! – дало у их поэтических соратников...уникальное сочетание «барокко и реализма», мощной символики и «грубой» реальности деталей».

К выстроенному критиком поэтическому ряду, имея в виду именно Н.Майорова, надо бы добавить ещё одно имя: Павла Васильева с его потрясающим природно-чувственным напором.

Не забудем, как однажды в полемическом запале, отвергая обвинения в излишней натуралистичности его стихов, Майоров воскликнул: «Я чувствую так, как чувствует здоровый человек со всеми его инстинктами <...> Я хочу идти от природы...».
<...>

***

Чем неотвратимей становилась война и напряжённой звучала тема возможной гибели поколения в «поэзии 40-го

года», тем в большей степени ощущали молодые поэты цену товарищества, земляческого братства. «Незнаменитая» финская война, этот своеобразный «Афган» в преддверии Великой Отечественной, стала тем событием, когда это братство стало осознаваться ими как жизненная необходимость преодоления «скорбного бесчувствия» смерти.

Первым из ивановцев, кто на себе почувствовал весь ужас военных будней, стал самый младший их них – Владимир Жуков. В боях на Карельском перешейке он получил тяжелейшее ранение и был начисто списан из армии. Впоследствии, вспоминая «финскую», Жуков писал в стихотворении «Дорога мужества»:

В сороковом в пургу на перешейке
от финских скал она брала разбег.
Мороз был лют. Коробя телогрейки,
нас облетал, свистя, колючий снег.
В лицо наотмашь бил железный ветер,
срывая с лыж и сваливая с ног...

Вернувшись из госпиталя в Иваново, Жуков первым делом идёт к Майрову, с которым дружил со школьных лет. Встретились в майоровском доме на 1-ой Авиационной. Далее слово Владимиру Семёновичу: «...Похлопали друг друга по плечу, присели на изрядно побитый диванчик да и проговорили до полуночи... И о том, страшно ли на войне. И что чувствуешь за пулемётом, ведя прицельный огонь?... И не мёрзнет ли вода в кожанке?... И не загремит ли опять?... И что я теперь намерен делать, поскольку правая рука едва ли разработается?... И как здорово проявился Дудин: и книгу выпустил, и в толстых журналах публикуется. И что он, Майоров, из семинара Сельвинского перешёл по Литинституту к Антокольскому <...> А из семинара Сельвинского ушёл после того, когда он записал на доске два слова для рифмы и время засёк, чтобы мы сложили по сонету... Это же тренаж для мальчиков!

А после паузы добавил:

– И всё-таки, если не обойдётся, а загремит – не миновать и мне пулемётной роты...».

То, что судьба младшего товарища взволновала Майорова, свидетельствует и цитированное выше письмо Николая Ирине Пташниковой, где воспроизводится эпизод встречи друзей в городском саду. Жуков характеризуется здесь следующим образом: «...Хороший приятель, он учился со мной в одной школе, писал стихи (и сейчас пишет), печатался в местных изданиях. Он года на 2–1 моложе, пожалуй, меня. Только что прошедшей осенью был взят в армию. Попал в Финляндию. Там он пробыл всё время, пока длилась война. За несколько дней до заключения мира он получил две пули, обе в локоть правой руки. Сейчас, после лечения, прибыл из Крыма в 2-месячный отпуск. Парень похудел, короткие волосы, глубокие и как-то по-особенному светлые глаза».

И дальше идёт рассказ о том, что, собственно и побудило Майорова к такому обширному повествованию о «хорошем приятеле»: «...Он грустно смотрел на проходящих по аллее девушек. Одну из них он окликнул. Это – его первая любовь, Галя. Она подошла к нам, увидев Володьку, изобразила на лице удивление. И тут же, словно спохватившись:

– Почему ко мне не заходишь?

– Я только с поезда.

– Да, но ты зайдёшь! (Это – с повелением.)

– Может быть.

– А я говорю – ты ко мне зайдёшь, – это она произнесла, как женщина, привыкшая встречать одобрение своих капризов. Мне стало страшно жаль Володьку. Парень измучен, только что зажила рана, он, как выразился, «всю Финляндию на животе прополз», а тут – повелительные восклицания пустенькой девушки, умеющей делать только глазки. Да надо бы человеку на шею броситься, взять его, зацеловать – он так давно всего этого не видел! А она вместо этого спокойно пошла по аллее, бросив на ходу:

– Ты зайдёшь, слышишь!

И меньше всего думая о происшедшей (такой неожиданной!) встрече, больше любуясь тем, как она сейчас

выглядит. Есть же такие сволочи. Володьке сделалось неловко передо мной. Он долго после этого молчал. Так его встречает тыл! А ведь хороший и славный парень он! Всё это меня очень тронуло».

В этом майоровском письме замечательно выражено то, что можно назвать чувством необходимости найти себя в другом, близком тебе человеке, разделить с ним все радости и горести, слить разные жизни в одну судьбу. Так ещё до Великой Отечественной закладывалось нравственно-духовное основание фронтового поколения, то братство, которое станет его охранной грамотой не только в годы войны, но и после её окончания. Доказательством тому служит жизнь и творчество тех, кому посчастливилось уцелеть в военном лихолетье и рассказать горькую правду о «времени и о себе» не только от своего имени, но и от имени тех, кто «ушёл не долюбив, не докурив последней папиросы». И здесь нельзя не вспомнить о таких верных хранителях памяти поколения, какими оставались до конца жизни Михаил Дудин и Владимир Жуков.

Виталий Сердюк

Страницы жизни Николая Майорова (отрывок)

На летние каникулы в Иваново Николай приехал уже четверокурсником. Можно было вновь спать в саду или на сеновале в сараюшке слушать, как шуршит на крыше дождь или плутает меж деревьев ветер, как лают на задворках собаки, а где-то далеко-далеко, словно в заоблачном мире, играет радио... Казалось, Николай и Костя дня не могут прожить друг без друга. И днём и ночью – всегда вместе. Иногда Костя, не оставлявший мысли поступить в театральное училище, просил друга послушать, как звучит в его исполнении отрывок из Гоголя или стихотворение Лермонтова. А потом Николай читал другу свои стихи.

Но чем дальше катилось лето, тем все чаще Николай вспоминал об Ирине. Иной раз, не успев отправить одно письмо, он уже садился за другое.

Однажды он попросил друга, собравшегося укатить на велосипеде домой — надо и родителям показаться, — бросить свое очередное послание Ирине в почтовый ящик. Однако Костю по пути настиг сильный ливень, и письмо не было отправлено.

Наутро было солнечно. А под окном у Титовых уже позванивал велосипедный звонок. Николай имел привычку не слезать с седла, пока не удостоверится, что друг дома. Пристроится у липы и позванивает.

Едва Костя вывел из калитки свой велосипед, как Коля предложил:

— Слушай, Костюха, давай двинем в парк. Там сейчас тишина, может, и искупаемся... — И друзья покатали на другой конец города, перекидываясь на ходу шутками. Настроение у Николая было приподнятое, и Костя, как бы между прочим, заметил:

— Письмо, что ли, получил?

— Точно. Почему догадался?

— Да у тебя же на лице оно отпечатано... Вчера квелый был, задумчивый, а нынче, как это вот солнышко сияешь

— Чудесное письмо написала Иринка... Да, а мое-то ты вчера отправил?

— Побойся бога, дождище же какой был... Так в книге и лежит.

— Ты изорви его. Я уже другое отослал.

К счастью, Костя просто-напросто забыл о письме. Долгие годы оно лежало в книжке, ждало своего часа. Вот оно, письмо из 1940 года.

"Милая Ярынка, здравствуй!

Пишу одно письмо вслед другому. Прости, что я так долго заставил тебя ждать моих писем, но раз я уже начал - значит, жди длительной и планомерной бомбардировки вашего почтового ящика.

Ну, живу плохо. Особенного буйства не проявляю. И не только потому, что абсолютно, отсутствует "целебный" напиток, а просто, видно, годы отошли. Становлюсь мудрым и молчаливым, как Будда. Часто бывает страшно ск-у-чно. Но, как ответил у Пушкина Мефистофель скучающему Фаусту:

Что делать, Фауст?
Таков вам положен предел,
Его ж никто не преступает.
Вся тварь разумная скучает:
Иной от лени, тот от дел;
Кто верит, кто утратил веру;
Тот насладиться не успел,
Тот насладился через меру,
И всяк зевает да живет —
И всех вас гроб, зевая, ждет.
Зевай и ты.

Вот как – видишь! Мефистофель человеческий род на вечную скуку обрекает. И всех нас он именует вежливо словами – "разумная тварь".

Очень соскучился по тебе – скоро ли опять увидимся, моя коханая? Хочется увидеть тебя, обнять и крепко – так, чтобы губам было больно - поцеловать. Чувствую, что одно спасение – в работе. Когда занимаешься чем-либо, то меньше думаешь. Ярынка, ты хоть почаще, милая, пиши: ведь когда прочитаю твое письмо, такое чувство, будто я только что возвратился от тебя. Вот жду все твоего письма, как ты приехала, и что думала, не застав дома писем от меня, – но нет, ты все почему-то медлишь с письмом. "Когда ж конец трагедии!?"

Вчера был в саду (летний сад отдыха молодежи. – В. С.), видел некоторых знакомых своих. Когда-то с ними в таком саду жили, а вот сейчас чувствуется какая-то разобщенность, отчужденность. Некоторые из друзей уже пожелали "жизнь ограничить семейным кругом" (Пушкин!).

Вчера же в саду наблюдал следующий интересный эпизод. Со мной сидел хороший приятель, он учился со мной в одной школе, писал стихи (и сейчас пишет), печатался в областных

изданиях. Он года на 2–1½ моложе, пожалуй, меня. Только что прошедшей осенью был взят в армию. Попал в Финляндию. Там он пробыл все время, пока длилась война. За несколько дней до заключения мира он получил две пули, обе – в локоть правой руки. Сейчас, после лечения, прибыл из Крыма в 2-х месячный отпуск. Парень похудел, короткие волосы, глубокие и как-то по-особенному светлые глаза. Видать, что человек давно не имел лирики, – он грустно смотрел на проходящих по аллее девушек. Одну из них он окликнул. Это – его первая любовь. Галя. Она подошла к нам, увидев Володьку (Владимир Жуков. – В. С.), изобразила на лице удивление. Но тут же, словно спохватившись:

— Почему ко мне не заходишь?

— Я сегодня только с поезда.

— Да, но ты зайдешь! (Это – с повелением).

— Может быть.

— А я говорю – ты ко мне зайдешь, – это она произнесла, как женщина, привыкшая встречать одобрение своих капризов. Мне стало страшно жаль Володьку. Парень измучен, только что зажила рана, он, как выразился, "всю Финляндию на животе прополз", а тут – повелительные восклицания пустенькой девушки, умеющей делать только глазки. Да надо бы человеку на шею броситься, взять его, зацеловать – он так давно всего этого не видел! А она вместо этого спокойно пошла по аллее, бросив на ходу:

— Ты зайдешь, слышишь!

И меньше думая о происшедшей (такой неожиданной!) встрече, больше любясь тем, как она сейчас выглядит. Есть же такие сволочи. Володьке сделалось неловко передо мной. Он долго после этого молчал. Так его встречает тыл! А ведь хороший и славный парень он! Все это меня очень тронуло.

Недавно получил письмо от Сергея Дружинина. Пишет, что он приобрел путевку на Кавказ (с 26 июля по 13 авг.)...

Сергей после Кавказа, наверно, приедет ко мне, в Иваново. Обрато в Москву мы поедем уже вместе. Я зову Сергея в Иваново, чтобы познакомился с "сим" городом и его

достопримечательностями, среди которых первое место, несомненно, занимаю я – "сплошная невидаль"...

Спим с Костей у него в саду, под яблонями. Прежде чем лечь, идем есть смородину и малину. Возвращаемся сырые – роса. На свежем воздухе спать замечательно; смотришь в ночное небо, протянешь руку – целая горсть холодной, влажной листвы; кругом – ползет, шевелится, и кажется, что дышит "свирепая зелень", бьющая из всех расселин и пор сухой земли. И впрямь слышно, как "мир произрастает"! Изредка на одеяло заползет какой-нибудь жучишко. Просыпаемся от солнца, которое, проникая сквозь ветви, будит нас и заставляет жмуриться...

Вот она – жизнь. Как сказал Велемир Хлебников:

Мне мало надо:

ковригу хлеба,

да каплю молока,

да это небо,

да эти облака.

Иногда страшно хочется написать хорошие стихи, но почему-то не пишу.

На днях приезжает в Иваново Колька Шеберстов. Заставлю его писать маслом с меня портрет. Благо, хоть время незаметно убьем.

Милая Ярынка, почему нет от тебя писем. Я могу "серьезно" рассердиться. Тогда на тебя обрушится гнев Ахиллеса!

Пиши, как живешь, скучно ли, как дела обстоят дома, что вообще интересного в Ташкенте.

Я пока кончаю до след. письма...

Глаза целую, губы, волосы твои хорошее. Ну, просто, Ярынка, чудесные волосы!

Твой "Колябушка" (так она меня называла - да простит ей бог!)

25 июля 1940 г.

За подпись прикладываю свой правый перст".

Лев Аннинский

Николай Майоров:

“Возьми шинель — покроешь плечи...”

Год рождения — все тот же: незабываемый 1919-й.

Место рождения: деревня Дуровка...

Если держать в памяти ту поэтическую отповедь, которой ответил Майоров “свинцовым мерзостям” деревенской жизни, то название может показаться не чуждым символики. Но это ложный ход: в деревне этой он оказался почти случайно: отец, отвоевавший в Империалистическую, переживший немецкий плен и вернувшийся домой покалеченным, не сумел прокормиться с земли, которой наделила его Советская власть, и, по обыкновению, отправился плотничать в отход. Сошел с товарняка где-то между Пензой и Сызранью, дошел до Дуровки... и тут жена, не отлеплявшаяся от мужа, разрешилась третьим сыном...

Место это и нанесли на литературную карту, когда стало ясно, кто погиб двадцать два года спустя.

Место гибели тоже выяснилось не сразу: в похоронке было — Баренцево. Какое Баренцево на Смоленщине?! Потом уточнили: Баренцево. Под Гжатском. Деревня в три избы.

Меж двух деревень — жизненный путь крестьянского сына, отравившегося от земли ради поэтических небес.

А вырос он — если говорить о раннем детстве — в родной деревне отца, именем куда более обаятельной: Павликово. Где и окончил два класса начальной школы, обнаружив жгучее желание учиться. К чему и призывала его неутомимая Советская власть.

В город Иваново-Вознесенск семья перебралась, когда Николаю Майорову было десять лет.

Что подвигло к переезду? Надорвалось ли семейство в год Великого перелома или по счастью выбилось от мужицкого тягла к какому ни есть уровню цивилизованной жизни, — но дальнейшее образование получает Майоров в городской школе,

той самой, которую эпоху назад посещал Дмитрий Фурманов (еще не спознавшийся с Чапаевым).

Деревня позади.

Еще десятилетие спустя, в 1938-м, посмотрев кино про детство Максима Горького, девятнадцатилетний студент выстраивает по горьковской схеме панораму деревенской жизни, выверяя свои детские воспоминания прямо по школьной схеме:

“Тот дом, что смотрит исподлобья в сплетенье желтых косяков, где люди верят лишь в снадобья, в костлявых ведьм да колдунов...”

Пожалуй, это перебор. Языческая жуть. Куда точнее следующий круг этого ада:

“Где, уставая от наитий, когда дом в дрему погружен, день начинают с чаепитий, кончают дракой и ножом...”

Подключается философский план:

“Где дети старятся до срока, где только ноют да скорбят, где старики сидят у окон и долго смотрят на закат...”

Две эпохи спустя мудрый дедушка, созерцающий закат, даст точку отсчета Василию Шукшину, и это будет совсем другой отсчет, но у Майорова совсем другое остается в памяти от деда: старый выжил из ума. Как выжила из ума вся эта старая жизнь:

“...где нищету сдавили стены, где люди треплют языком, что им и море по колено, когда карман набит битком...”

Это уже русский кураж: море по колено! И тоже передано потомкам от страдальцев и изуверов старого режима. В чисто горьковской упаковке:

“...И где лабазник пьет, не тужит, вещает миру он всему, что он дотол с богом дружит, пока тот милостив к нему...”

С богом тоже ничего не светит. Без него даже веселее расставаться с прошлым,

“...где людям не во что одеться, где за душой — одни портки, где старики впадают в детство, а дети — метят в старики...”

Старик, впадающий в детство — лейтмотив детских воспоминаний, неизменный при всех вариантах (не только же

после фильма вспоминается Майорову старая деревня). Иногда варианты не очень сходятся: потерявший память родной дедушка вызывает жалость и сочувствие. Но еще сильнее ненависть внука к такой жизни и такой старости, тем более, когда соответствующая картина (кинокартина) подкреплена авторитетом основоположника советской литературы. Дом прошлого обречен:

“Его я видел на экране, он в сквозняке, он весь продрог. Тот дом один стоит на грани, на перекрестке двух эпох”.

Довольно точный автопортрет души, находящей себя на этом перекрестке. Советский порыв: душа отрывается от проклятой крестьянской пуповины...

Конечно, Иваново-Вознесенск конца 20-х годов — уже не тот светоч зарождающегося пролетарского сознания, каким он прослыл за десятилетие до того, во времена Воронского и Луначарского. Теперь это средний провинциальный советский город... но подростку, жаждущему учиться, учиться и учиться, тут действительно открываются “все пути”.

Хотя быт остается во многом деревенским. Один поэтический эпизод помогает высветить эту сторону жизни. Дело происходит “между прочим, на трамвайной остановке”. То есть в городе. Наш герой замечает незнакомую миловидную девушку — “гражданку в белом платье” и примеривается, не предложить ли ей свое внимание. Потом думает: нет, не стоит, наверняка ее ждут дома — “на крыльце иль у калитки кто-то встретит”.

Какое крыльцо, какая калитка! Ведь город, трамвай, да и белое платье — не деревенский сарафан, не говоря уже о зипуне каком-нибудь, заштопанном!

Нет, все правильно. Деревянный домик на окраине города. Перекресток эпох. Стартовая площадка для души, которая вот-вот взмоет с перекрестка.

Взмоет — с трудом выдерживая и новое городское житье, где многоэтажные дома с лифтами, толчея общежитий. А в памяти — рука любимой, отворяющая окно... Не в дверь он к ней стучится — в окно: тоже ведь точно подмеченная черта деревенской любви. И березка под этим окном...

А где же свинцовые мерзости? Они — сами собой. Живут в сознании, твердеют хрестоматийными картинками.

“Был стол в далекий угол отодвинут. Жандарм из печки выгребал золу. Солдат худые, сгорбленные спины свет заслонили разом. На полу — ничком отец. На выцветшей иконе какой-то бог нахмурил важно бровь. Отец привстал, держась за подоконник и выплюнул багровый зуб в ладони, и в тех ладонях застеклилась кровь. Так начиналось детство... Падая, рыдая, как птица, билась мать. И, наконец, запомнилось, как тают, пропадают в дверях жандарм, солдаты и отец...”

Сильная сцена, но не очень четкая. Чье это детство тут начинается? По всему, картинка начала века, ну, может, столыпинских времен. Отец героя умрет, когда сын еще в колыбели, мальчика растит отчим, и в других стихах все это зафиксировано. А тут все сдвинуто... хотя поэтически, — очень точно, если иметь в виду восприятие мальчика:

“...Ужасно жгло. Пробило, как навывлет жарой и ливнем. Щедро падал свет. Потом войну кому-то объявили. А вот кому — запаматовал дед”.

Так это дед рассказывает? Война, судя по всему, японская. Впрочем, может, и империалистическая. А “отец”, здесь описанный, на самом деле дед, когда он был моложе и еще не потерял память?

Все это — случайно уцелевшие куски незаконченной поэмы Майорова “Семья” (вернее, писался роман в стихах — молодые дарования, чувявшие скорую гибель, хватались за пушкинский жанр как за пропуск в будущее — и никто не успел написать: ни Кульчицкий, ни Коган...)

У Майорова, однако, и в этих фрагментах прочитывается эмоциональный контекст:

“Мне стал понятен смысл отцовских вех. Отцы мои! Я следовал за вами с раскрытым сердцем, с лучшими словами. Глаза мои не обожгло слезами. Глаза мои обращены на всех”.

Еще один взмах — и он присоединяется к дружине, имя которой: “Мы”. Поколение, торопя события, маркирует себя исповедниками “сорокового года”. В Москве Майоров поступает в университет. Стромынка, Огаревка, Горьковка —

места легендарные: общежития, библиотека. Но скоро находит дорожку к ифлийским и литинститутским сверстникам, так что на поэтических сходках, где тон определяют Слуцкий и Коган, Кульчицкий и Луконин, Наровчатов и Кауфман (впрочем, уже Самойлов), “из публики” все чаще кричат:

— Пусть почитает Майоров с истфака!

И он читает, забирая зал:

Так в нас запали прошлого приметы.

А как любили мы — спросите жен!

Пройдут века, и вам солгут портреты,

Где нашей жизни ход изображен...

Поразительна перекличка — с Коганом, с другими сверстниками: они не верят, что их поколение потомки запомнят в достоверности! Словно чувствуют, что их поколение — уникально! В то, какими они были на самом деле, просто не поверят: пригладят, припудрят. Надо прорваться сквозь будущие мифы! И Майоров прорывается:

Мы были высоки, русоволосы.

Вы в книгах читаете, как миф,

О людях, что ушли, не долюбив,

Не докурив последней папиросы...

Эти строчки становятся мифом! Легендой! Реальностью памяти! И входит в летописи поэтической дружины высокий русоволосый красавец с папиросой, зажатой в волевых губах.

На самом деле Майоров довольно застенчив... “Тебе, конечно, вспомнится несмелый и мешковатый юноша, когда ты надорвешь конверт армейский белый с “осьмушкой” похоронного листа...”

Где-то уже кружится этот лист... Но ближе — та, к которой обращены стихи и помыслы. С нею прочнее всего связано лирическое “Я” Николая Майорова. Это “Я” спрятано в глубине.

А на знамени — мета поколения: звонкое, звездное: “Мы”!

“Мы жгли костры и вспать пускали реки...”

“Мы брали пламя голыми руками...”

“Мы в плоть одели слово Человек...”

Все то же горьковское слово — из сатинского монолога, из поэмы “Человек”.

Мета поколения — планетарность. Земшарцы!

И у Майорова так:

“Моя земля — одна моя планета...”

“Мне вселенная мала...”

“Весь мир вместить в дыхание одно...”

И еще мета поколения: зависть к старшим, что поспели к пьянящей поре гражданской войны и теперь повествуют младшим:

“...о боях, о жаркой рубке начинается рассказ...”

“Бой кровавый не забыт...”

“Этой славы, этой песни никому не отдадим...”

Действительно уникальный склад души: революция и гражданская война — как неслыханное счастье...

Соответствующий ряд политических символов: крейсер “Аврора” достреливает до светлого будущего. Революционер спокойно идет на казнь. Освободитель, которого Россия ждала тысячелетия, — Ленин. Точка, вокруг которой вращается Земля, — Московский Кремль...

Истфак подталкивает студента Майорова и к тысячелетним ассоциациям. Он ловит “древний запах бронзовых волос”, ощупывает “звериные шкуры” далеких пращуров. Меж призраками “тощих монгольских деревень” и мифической Элладой простирается его Вселенная. Меж Седаном прошлого века и новейшей войной “французов с бошами”. Сюжеты истфаковских семинаров перемежаются сюжетами из газетных столбцов. Жажда “любой ценой дойти до смысла... найти вещей извечные основы” рифмуется со стуком прокуренных вагонов, и тогда в душу стучится великая поэзия — песнь торжествующей неразрешимости, величие повседневного абсурда, изба на рельсах, голая правда у позорного столба, бунтарская героика, прикрытая штопаными обрывками исторических одежд.

На третьей полке сны запрещены.

Худой, небритый, дюже злой от хмеля,

Спал Емельян вблизи чужой жены

В сырую ночь под первое апреля.

Ему приснилась девка у столба,

В веснушках нос, густые бабьи косы.

Вагон дрожал, как старая изба,
Поставленная кем-то на колеса.

Опять фрагмент из романа в стихах? Может, кулак Емельян, убегающий от коллективизации, а может, Емельян Пугачев, восставший из курса истории.

Логика не прописана, но тяжесть слов ощущается. “Я полюбил весомые слова”. Илья Сельвинский (приглашенный послушать университетских поэтов) отмечает: “медь в голосе”. Павел Антокольский (к которому Майоров записывается в семинар) отмечает: “взгляд на себя со стороны, поколение увидено исторически”.

Историчность — дело тонкое: сохранилась записка Майорова Когану во время диспута, который “бригада поэтов” вела в Гослитиздате:

“Я мог бы идти от исторического сюжета, но я хочу идти от природы, от чувств здорового человека”.

И у Когана есть свой исторический сюжет, и у Майорова природа далеко не всегда совпадает с ожидаемой, но что он — в противовес сверстникам — в пределах единой веры ощущает прежде всего тяжесть, — однозначно. Взвихренный Кульчицкий историческим сюжетом не озабочен, зато выдает шуточный портрет Майорова, обнажающий суть:

Лицо откопанного неандертальца,
Топором сработанный синий взгляд.
Он бросает из конокрадных пальцев
Свой голос —
как пеньковый канат.

Конокрадные пальцы — дань жанру, но что Майоров все хочет взять в ладони, — факт:

Ходить землей и видеть звезды
И, позабыв про крик “Не тронь!”,
Ловить руками близкий воздух,
И зажимать его в ладонь.

Звезды — обязательно. Полет — обязательно. Но главное — гибельный риск полета. “Мы должны сначала падать, а высота придет потом”. Истину надо почувствовать в ворохе иллюзий, и если она вырвется, то “оборванная донага”.

В майоровской лирике звучат обертона, не вполне согласные с общей, маяковско-багрицкой музыкой его поэтических сверстников. В шелесте берез детства естественно отзывается Есенин, но в грядущей атаке все можно отдать за “четыре строчки Пастернака”.

Притом у Майорова, как сказал бы Кульчицкий, “ямбики”. Хождение души по мукам притормаживается бытовыми элементарностями. “Идти землей, прохожих окликаая, встречать босых рыбацек на пути” — этой плотью одевается у Майорова звенящая сквозь всю советскую лирику обязательная ликующая песнь человека, который проходит, как хозяин необъятной Родины своей, более всего восхищаясь тем, что она “широка”. Майоров эту широту измеряет тяжелыми шагами: “Мне двадцать лет. А Родина такая, что в целых сто ее не обойти”.

Дальними раскатами проза окликает поэзию. Еще Луконин не осознал валковую походку своей музыки, еще Слуцкий свою музыку не осадил в изнуряющую работу, еще у Межирова не отложились эта музыка болью непереносимой, а почувствовалось что-то у Майорова... не медь призывной трубы, не медь пленительной листвы, а медь купороса, разъедающего мечту...

Ненастье, которое у неистового Когана яростными грозowymi шквалами очищает вселенную, а у веселого Кульчицкого порывами ветра листает тетради стихов, — у задумчивого Майорова стучит докучными дождиками. Он ждет конца грозы, последнего ее удара, чтобы идти на свидание. Дождь слепит, бьется в стекла, лупит по крышам...

Драма, здесь заложенная, или, скорее, здесь запрятанная, зарытая в повседневность, скорого разрешения не обещает. Меж двух полюсов маяется душа. С одной стороны — романтическое кочевье: “спать на полу, читать чужие книги, под голову совать кулак или камень и песни петь — тревожные, хмельные, ходить землей, горячею от ливня, и славить жизнь...” С другой стороны, этот горячий хмель гаснет и профанируется в “разваленном уюте”: “мы в пот впадем, в безудержное мленье...”

Магическое “мы” выворачивается: “кастрами потомки назовут стареющее наше поколение...”

За что? “За то, что мы росли и чахли в архивах, мгле библиотек, лекарством руки наши пахли...”

Предчувствуемая очная ставка с Историей действительно пахнет купоросом “лекарств”, но не в том смысле, в каком они помянуты тут, а в том, в каком ее осознают в госпиталях... но драму скоро не исчерпать, расчет с романтикой потребовал бы десятилетний поэтической муки. Решилось все короче.

Андрей Турков пишет о Майорове, что “суровой и трезвой музыке” его предсмертных стихов предшествует “несколько наивная пестрота” стихов ранних.

“Пестрота”, несомненно, есть, это проекция на поверхность жизни (и на поверхность стиха) той мучительной драмы, которая ищет разрешения и сотрясает это поверхность из глубины. Еще бы не пестрота: “Мы бредим морем, поездами...” — в унисон гимнам дальних дорог, звучащим у большинства сверстников... “И вся-то жизнь моя — кочевье, насквозь прокуренный вагон...” — вподхват знаменитой кочетковской балладе... Но даже если вести к финалу только этот лейтмотив: поезд — то из-под “пестроты”, от “пегости” души (вподхват от Льва Толстого) проступает вот это, чисто майоровское:

Я с поезда. Непроспанный, глухой.
В кашне измятом, заткнутом за пояс.
По голове погладь меня рукой.
Примись ругать. Обрато шли на поезд.
Грозись бедой, невыгодой, концом.
Где б ни была — в толпе или в вагоне, —
Я все равно найду,
Уткнусь лицом
В твои, как небо, светлые
Ладони.

Самое драгоценное для лирического героя Николая Майорова (насколько успела эта лирика обрести голос перед концом и насколько сохранилась она в архивах и в памяти его друзей) — это история любви.

Даниил Данин (будущий замечательный критик поэзии) замечает, что Майоров размышляет о любви “не мечтательно и бесплотно, а требовательно, жарко и даже зло”.

“Злых я люблю, сам злой”, — откликается Майоров, пряча от досужих глаз потаенное.

“Когда прощаются, заметьте, отводят в сторону глаза. Вот так и с нами было. Ветер врывается в вечер, как гроза. Он нас заметил у калитки и, обомлев на миг, повис, когда, как будто по ошибке, мы с ней, столкнувшись, обнялись...”

В сущности это единственный подробно рассказанный сюжет в “ранней” лирике Майорова. Если не считать другого сюжета в его лирике, “поздней”: ожидания гибели. Эти два мотива как раз и сходятся в последней точке:

Когда умру, ты отошли
Письмо моей последней тетке,
Зипун залатанный, обмотки
И горсть той северной земли,
В которой я усну навеки,
Метаясь, жертвуя, любя
Все то, что в каждом человеке
Напоминало мне тебя...

Стихи — 1940 года, когда войну уже ждали с часа на час. Однако у Майорова эта гибель вроде бы и не окрашена войной: зипун — не шинель, и северная земля — не западная граница.

Вот только обмотки...

Возникает в стихах слово “застава”, север отступает перед полыхающим западом, границы поэтического кругозора, бликовавшие между родным садом и родной вселенной, фиксируются на ориентирах, четко обозначающих ширь и даль. Все становится на свои места:

Я не знаю, у какой заставы
Вдруг умолкну в завтрашнем бою,
Не коснувшись опоздавшей славы,
Для которой песни я пою.
Ширь России, дали Украины,
Умирая, вспомню... и опять —
Женщину, которую у тына

Так и не посмел поцеловать.

И похоронку принесут — ей...

Близкая гибель — рефреном, как и у всех поэтов-сверстников, мальчиков Державы. У Когана: “Умрем в боях”. У Кульчицкого: “Упаду в бою”. У Майорова: “Что гибель нам? Мы даже смерти выше”. Чудится что-то фатальное в этих строках. Что-то даже холодное, отрешенное в этих констатациях. Неужто страх смерти, трепет живого существа, которое вот-вот будет угроблено, не мучает, не потрясает, не проникает в стихи?

Да есть же все это!

Выстрел... Еще не понимая, что это смерть, еще живое существо падает. Кровь, отворенная пулей, стекает на снег. Под тяжелым телом цветет проталина. Умиравший смотрит в небо тоскующим зрачком, начиная смиряться с тем, что произошло, он видит рассвет и звезды, видит бегущих к нему людей, видит даже сам воздух, которым больше не дышать. Мускулы все еще сокращаются рывками, судороги бегут по телу, слезы ртутными каплями катятся на землю, глаза, застывая, ищут небо — большие серые глаза...

Я освобождаю эту сцену от магии стихотворного ритма, чтобы лучше проступила фактура. Мучительная борьба за жизнь существа, расстающегося с жизнью. Подробно, паузно, по “шажочкам”. О, какая боль сквозит из этих “ямбиков”, какая “пестрая” материя бьется, голосит, плачет в них, как медленно умирает живое и как не хочет умирать!

Это написано о волке.

Стихи 1938 года.

На людей Майоров так и не решился перенести эту медленную боль.

Три года спустя беда пала на людей.

Все прошлое, “оборванное донага”, отлетело. Обнажилась последняя истина. Тяжелая. Простая. Нагая. Или, как любил говорить Майоров, прямая.

Попав на фронт, он увидел это своими глазами. Увидел неубранные, обнаженные тела наших убитых бойцов. И почувствовал, как великая поэзия водит его пером.

Возьми шинель — покроешь плечи,
Когда мороз неумоготу.
А тем — прости: им было нечем
Прикрыть бессмертья наготу.
Политрук пулеметной роты Николай Майоров погиб
8 февраля 1942 года.

* * *

Из каждого ста мальчиков этого поколения
лишь трое судьба оставила шанс договорить.

Наталья Чернова

«Где мы прошли...»

Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.
Николай Майоров

1.

Он был историком. Учился на истфаке МГУ. И был поэтом.
Очень основательная, очень цельная натура Николая Майорова
во всем искала глубины, самой сути:

Вот так, храня стремление одно,
Вползают в землю щупальцами корни,
Питая щедро алчные плоды, —
А жизнь идет, — все глубже, все упорней
Стремление пробиться до воды,
До тех границ соседнего оврага,
Где в изобилие, с запахами вин,
Как древний сок, живительная влага
Ключами бьет из почвенных глубин.

Его, Майоровские, корни уходили в недра истории: к тому
путиловцу, что охранял ленинский броневик, к скифским

курганам и к тому древнему человеку, который, кутаясь в «Тепло звериной шкуры», высек на скале свой первый рисунок...

Все это образы его стихов. Он перекинул мосты из прошлого в настоящее. Он знал: человек немислим без памяти. Не только своей — памяти человечества...

Приду к тебе и в памяти оставлю
Застой вещей, идущих на износ,
Спокойный сон ночного Ярославля
И древний запах бронзовых волос...

Он был историком. Но пришел час, когда он должен был оставить свой истфак (уже заканчивал — учился на четвертом курсе) и ехать под Ельню копать противотанковые рвы. А любимой писал: «Я не безногий, чтобы ехать на работу». Он добивался отправки на фронт. И добился.

Историк сам ушел вершить историю...

2.

Наш музей «Строка, оборванная пулей» третий год ведет поиск по судьбе поэта, политрука роты 1106-го стрелкового полка 331-й дивизии. Начали мы поиск от истоков судьбы нашего героя, с города, где он рос и формировался. В Иванове, на 1-й Авиационной улице (теперь улица Николая Майорова), есть маленький одноэтажный домик, в котором провел свое детство Николай.

Под окном этого дома трава всегда была вытоптана — здесь собирались братья Майоровы, к ним приходили друзья, неугомонные ребячьи голоса оглашали двор.

Школьные товарищи хорошо помнят невысокого коренастого паренька («Мы были высоки, русоволосы...» — Это потом, в стихах, он стал высоким», — скажет много лет спустя его университетский друг Виктор Болховитинов). Помнят, как подымался он на небольшую школьную сцену, кА, волнуясь, все же решался и читал, читал свои стихи... Помнят,

как бережно хранила тетрадки со стихами и рисунками к ним Николая Шеберстова старенькая учительница...

Секретарь Ивановской писательской организации Виталий Сердюк, много писавший о своем земляке Николае Майорове, показал нам его портрет, выполненный Николаем Шеберстовым, и добавил: «Это наша реликвия».

Мы, разумеется, запомнили и портрет, и имя художника, его создавшего, и встретились с ним в Москве.

Николай Александрович Шеберстов в ту пору иллюстрировал собрание сочинений Вильяма Шекспира. Рассматривая эти иллюстрации, мы вспомнили, как, то ли в шутку, то ли всерьез, Николай сказал в своих стихах: «Ей не понять Шекспира и меня...» И вот Шеберстов, который в школьные годы начинал с рисунков к стихам Николая, иллюстрирует Шекспира!

Подумалось: как знать, живи сегодня Майоров, каких бы глубин достиг его талант, так щедро обещавший еще в самом начале большого поэта...

В экспозиции нашего музея появился портрет Майорова, сделанный рукой Николая Шеберстова. А экскурсовод Лена Каюдина на одной из экскурсий сказала: «Друзья Майорова считают, что на портретах Шеберстова Майоров похож на себя больше, чем на фотографиях». — «Почему?» — удивились экскурсанты. «На фотографиях может быть искусственность. Майорову это не свойственно. Но есть какое-то напряжение. И вообще фотография — это мгновение. А Шеберстов писал портреты друга, которого хорошо знал. И на портрете — тип, характер».

Разумеется, дороги нам и фотографии. Члены совета музея горячо благодарны ивановскому товарищу Н. Майорова Борису Боброву, который воссоздал мгновения из жизни Николая. <...> Он передал в наш музей свои негативы. Они старенькие — пятый десяток. Но Владимир Средний сделал все, чтобы победить возраст этих негативов. И в книге «Мы», сделанной руками ребят, появились снимки восемнадцатилетнего Николая.

«Мы» — так по имени одного из главных стихотворений была названа книга стихов, вышедшая через двадцать лет после

гибели поэта. В самодельную книгу «Мы» члены совета музея поместили материалы о Майорове, рисунки к его стихам.

Сережа Бодров — главный оружейник музея — нашел пулеметную ленту и повесил ее над майоровской книгой.

О, если б все с такою жаждой жили,

Чтоб на могилу им взамен плиты,

Как память ими взятой высоты,

Их инструмент разбитый положили

И лишь потом поставили цветы.

И цветы тоже в музее есть. Их приносят ребята и ставят в гильзы. В ржавые гильзы времен войны.

3.

В похоронке было сказано: «Убит 8 февраля 1942 года и похоронен в деревне Баренцево Смоленской области». Эта похоронка пришла в семью Майоровых.

Деревни Баренцево на Смоленщине не оказалось. Нет ее и в тех районах Смоленщины, которые отошли к соседним с ней областям после войны.

Поскольку такой деревни не было и нет, стало очевидным, что в похоронке описка писаря.

Друг юности Майорова по университету Ирина Пташникова искала могилу Николая. В 1957 году в семнадцати километрах к югу от Гжатска (Гагарина) она нашла деревню Баранцево (писарь в похоронке вместо «а» написал «е», превратив Баранцево в Баренцево). Об этой деревне она написала нам: «Не знаю, есть ли она сейчас? Тогда там оставалось всего четыре избы».

И совет музея решил найти могилу Николая Майорова. Все оказалось очень сложно. В Центральном военном архиве ничего узнать не удалось. В Московском совете ветеранов нам дали адреса фронтовиков 331-й дивизии, но все они служили в ней или после февраля 1942-го, или выбыли из строя до этого времени. Активная переписка давала мало материалов для поиска. В тупик ставило и то обстоятельство, что деревня Баранцево, расположенная в 17 километрах к югу от Гжатска, о которой писала И.В. Пташниковав, в феврале 1942 года была в

руках немцев. Эта территория, как и сам город Гжатск, освобождена только в 1943 году. Предположение о неудавшемся прорыве в этих местах не подтвердилось.

Не скрою, был момент, когда члены совета музея потеряли надежду выяснить истину...

А мы идем искать ровесников следы,
Тех самых, что на четверть века старше нас.

Но уже не четверть века, уже более сорока лет отделяют нас от последнего мгновения, от последнего вздоха Николая.

И вот начался поход на Смоленщину — наша поисковая экспедиция. Лагерем стали в деревне Некрасово Московской области, что близ 141-го километра Минского шоссе. Разбившись на две разведгруппы, начали поиски. Шли холодные проливные дожди. На попутных машинах и пешком проделывали ребята километр за километром. Промокшие, измочаленные возвращались в лагерь поздно, порою ночью.

На третий день экспедиции члены Гагаринской разведгруппы — Люба Нисловская, Дима Гаврилычев, Лена Каюдина, Валя Бекетова — вернулись с лицами победителей: «Есть другая деревня Баранцево! Не к югу, а к северо-востоку от Гагарина. В прошлом — Кармановский район. Именно там в феврале 1942 года шли большие бои». Об этом узнали от гагаринских краеведов.

Экспедиция продолжалась. Нить поиска вела нас на север района — в село Карманово, в деревни Петушки и Баранцево.

В Карманове строится большой мемориал. Прах павших воинов со всей округи переносится сюда, в братскую могилу. И уже поднялся во весь рост солдат в развевающейся плащ-палатке и поднес к губам своим бронзовую трубу, и позвал нас, живых, куда-то... в глубину человеческой памяти, к тому майоровскому «шаллому трубачу» из стихотворения «Мы», к тем тысячам, что «прошли с обугленными ртами и мужество, как зная, пронесли»...

Председатель Кармановского Сельсовета Федор Еремеевич Смирнов заверил нас, что в братской могиле лежат только те бойцы, личности которых установлены. <...> ...изучив списки погибших, Майорова Николая Петровича не обнаружили».

В деревне Петушки (совхоз «Верхне-Палатский» Гагаринского района) Сережа Бодров и Коля Башилов нашли ветерана 331-й дивизии Каюкова Анатолия Зосимовича.

Рассказывает А.З. Каюков:

«Оборона деревни Баранцево длилась несколько месяцев – с конца января 1942 года. Меня же ранило и контузило 19 февраля, поэтому жив. Мало кто оттуда вернулся. Трупам усеяна вся земля. Окопы не рыли. Снег большой. Мороз – 40 градусов. Надерешь елочек — и на снег. А раз снег подтаял, и вижу: на мертвом лежу. Раньше, видать, снегом припорошило. И огонь — днем и ночью. А мы ни метра назад не сделали, насмерть стояли.

Помню, в плащ-палатке политрук один приходит и подбадривает вроде: “Ничего, ребята, еще и о нас книги напишут”. Может, это ваш Майоров и был?»

В Кармановском школьном музее висит карта, где обозначен путь 331-й дивизии 20-й армии. Эту карту следопыты составили по материалам и документам участников событий. Все совпало с рассказом фронтовика Каюкова.

Итак, сомнений не было. Это именно то Баранцево. Политрук пулеметной роты 1106-го стрелкового полка 331-й дивизии воевал и погиб здесь...

Из экспедиционного дневника Тани Сомовой:

«12 июля 1980 г. в 15 часов отправились в деревню Баранцево. От Петушков до Баранцева более 25 километров по шоссе. Мы несколько сократили путь, свернув на узкоколейку. Шли, песни пели. Дождик накрапывал. Но мы на него уже не обращали внимания.

Идем по лесу, и вдруг — роза! Рифат говорит: «Это, наверное, шиповник, откуда в лесу роза?» Мы с ним поспорили. Прошли еще немного. Видим — изгородь, а дома нет. Но потом увидели остатки дома, еще одного... вот откуда в лесу розы — здесь когда-то жили люди.

Возле одного брошенного дома нашли коляску от немецкого мотоцикла. Пулями продырявлена. <...>

Это и была деревня Баранцево. Вернее, то, что осталось от нее. Уцелели три дома. Жили только в одном. Нас гостеприимно встретила семья лесничего Королева — Сергей Иванович и Александра Павловна».

4.

Ночь была звездная. И кто-то вспомнил строчку из майоровских стихов: «В ту ночь он не увидел звезд: они не проникали в землю».

Братскую могилу в Баранцево, которую показал нам С.И.Королев, обложили дерном, украсили лесными ромашками. Рядом установили памятный знак. Его сделал в слесарных мастерских техникума Саша Петринич. На табличке слова:

«Что гибель нам?

Мы даже смерти выше!

Н. Майоров

Поэту-пулеметчику Николаю Майорову, погибшему 8 февраля 1942 года, от совета музея «Строка, оборванная пулей» Дмитровского рыбопромышленного техникума».

Минута молчания. И замер, склонив над могилой зная музея, Гена Курышкин. И трепещут огни факелов в руках Коли Башилова и Сережи Бодрова. Даже лес умолк.

Сергей Иванович Королев сказал:

— Тут салют нужен!

Принес из дома ружье. Раскатилось по лесу эхо салюта, эхо памяти. И, волнуясь, Рифат Зарипов прочитал майоровские стихи:

И пусть

Не думают, что мертвые не слышат,

Когда о них потомки говорят.

Мы пришли к тебе, Николай, в твое Баранцево, в твою фронтовую зиму, к твоим стихам...

Николай Голубев

В чем сущность жизни?..

8 февраля 1942 года погиб Николай Майоров

Известность пришла к нашему земляку уже после гибели.

При жизни стихи Николая Майорова были напечатаны только в многотиражке Московского университета, где он учился. Там в сороковом году появилась его пророческая эпитафия поколению: «Мы были высоки, русоволосы. Вы в книгах прочитаете, как миф, о людях, что ушли не долюбив, не докурив последней папиросы». «Рабочий край» в публикации этого стихотворения молодому поэту в те годы отказал. Очевидно, пришло время исправлять ошибки...

Прошлой осенью нашей газете удалось установить истинное место захоронения Николая Майорова, остававшееся неизвестным почти семь десятилетий после войны, – Смоленская область, Гагаринский район, село Карманово. Статья о поэте и о нашей поисковой экспедиции вышла в «РК» 2 октября. Перед самой версткой выяснилось, что Ирина Пташникова, невеста Майорова, имела дачу в Тейковском районе. Туда до сих пор ездит ее вдовец – можно было его застать. Я засобирался, но автобусы до нужной деревни не ходят, да и свободного места на двух газетных полосах, отведенных под публикацию о поэте, уже не оставалось.

Школу в деревне Мальтино закрыли из-за нехватки детей несколько лет назад. Но именно ее ученики взяли когда-то интервью у Ирины Васильевны Пташниковой. Эту запись я увидел через несколько месяцев после нашей статьи в «РК». Все то, что я разыскивал в разъездах по стране, все то, что с хрустом впихивал в один текст, оказалось спокойно, органично и многократно лучше рассказано Ириной Пташниковой. Она помнит голос и губы поэта, она читает его стихи с его интонациями и паузами, она знает, как и кому они написаны, а прошедшие десятилетия дали ей объективность. Это интервью было записано в 1998-м, за три года до ее смерти. Женщине в кадре – за восемьдесят, морщины скрывают крупночертную, восточную красоту молодости. Но глаза по-прежнему – небеса...

К сожалению, сегодняшняя публикация может вместить меньше трети воспоминаний Ирины Пташниковой. Видео ее интервью опубликовано на интернет-портале «Мой Ташкент» (копия есть на нашем сайте – rk37.ru). Это действительно интересное повествование (ценное и для истории, и для литературы). Оно впитало в себя дух эпохи – даже лексику и произношение довоенной Москвы. В нем – добрая память об ивановце, погибшем за Родину, поэте Николае Майорове.

«...Наше знакомство с Николаем началось именно с поэзии. Я знала очень много стихов (и почти неизвестных в то время для нас Цветаеву и Ахматову) и многое наизусть ему рассказывала. А он мне в ответ читал свои стихи. И меня поразило, насколько у него они действительно настоящие (любил он это слово «настоящие»). Потом мы познакомились поближе – стали чаще бывать вместе. Все возвращения домой из читального зала были совместными. И он мне понемножку рассказал о себе.

Он приехал в Москву из Иванова. Дома у него оставались родители. Отец – Петр Максимович Майоров, участник империалистической войны. Он был плотником по профессии, не очень грамотным человеком, видимо, много читавшим. Впоследствии мы с ним десять лет переписывались. Его письма сохранились, я сдала их в ЦГАЛИ, в архив. А мама у Коли – Федора Федоровна. Маленькая, щупленькая Федора Федоровна – мать шестерых детей.

Николай стал приглашать меня на занятия литературного кружка. Руководил им в то время орденосец Долматовский. Приходила к нам (и мы гордились) Маргарита Алигер. Вот есть такая фотография – сделана перед войной, где-нибудь в сороковом году, на которой показано занятие этого кружка. Виден там Николай Майоров и его друг, наш сокурсник Немировский читает стихи.

Я ходила с интересом на эти занятия. Но у меня увлечений было в то время много: ходила в кавалерийскую и пулеметную школы. Несмотря на сильную близорукость, и там стала инструктором. (У меня зрение было минус семь. И-и-и... Лошадь сама скакала куда надо. А из пулемета я стреляла с помощью очков). Ну и альпинизм меня увлекал. Кроме этого,

конечно, были посещения всех картинных галерей, факультативные курсы по живописи. В Большой театр мы бегали обязательно. Благо рядом, и очень недорого было на галерку пойти. <...>

На втором курсе Николай предложил выйти за него замуж. Я согласилась. Отношения у нас были идеальные. К тому времени относится стихотворение «Что значит любить?»

Идти сквозь вьюгу напролом.

Ползти ползком. Бежать вслепую.

Идти и падать. Бить челом.

И все ж любить ее – такую!..

На лето Коля пригласил вместе с ним поехать в Иваново: познакомиться с родителями, а потом отдохнуть в Плесе. Но я уже зимой начала работать в Хорезмской экспедиции, в камеральной обработке. <...> И рвалась поехать летом в экспедицию, в Кызылкум. У меня же детство прошло в Средней Азии. Там я и верхом впервые начала ездить. Там пески, Хорезм рядом. Романтика революционных лет. Поэтому я Коле отказала: «Да нет, я все-таки в экспедицию. Археология мне интереснее». Но, сами понимаете, самолюбие его задето, и появляется стихотворение «Тебе»:

Тебе, конечно, вспомнится несмелый

и мешковатый юноша, когда

ты надорвешь конверт армейский белый

с «осьмушкой» похоронного листа...

Он был хороший парень и товарищ,

такой наивный, с родинкой у рта.

Но в нем тебе не нравилась одна лишь

для женщины обидная черта:

он был поэт, хотя и малой силы,

но был,

любил

и за строкой спешил.

И как бы ты ни жгла и ни любила,-

так, как стихи, тебя он не любил.

И в самый крайний миг перед атакой,

самим собою жертвуя, любя,

он за четыре строчки Пастернака
в полубреду, но мог отдать тебя!
Земля не обернется мавзолеем...
Прости ему: бывают чудaki,
которые умрут, не пожалев,
за правоту прихлынувшей строки.

Я вернулась из экспедиции, и кто-то из ребят начал подшучивать, как, мол, он «за четыре строчки Пастернака мог отдать тебя». Я это стихотворение от Коли не слышала и на эту фразу обиделась. Но здесь, конечно, было недоразумение. Мы на эту тему с Николаем стали говорить, он что-то попробовал объяснить. Я разобиделась, повернулась и ушла. В то время мы были максималистами. Казалось, что главное любви ничего не может быть. И я считаю, что это, в общем, было правильно. Да и он так считал. Это была просто бравада. И с его стороны, конечно, обоснованная. Потому что я, такая вот лихая, явилась из экспедиции. Статьи о раскопках вышли в нашей университетской многотиражке и в «Комсомольской правде». Сразу возрос интерес ко мне. <...>

Это был конец третьего, начало четвертого курса – нашего с Николаем последнего, предвоенного курса... С Колей мы весь год после того стихотворения практически не общались. Но вот подходит декабрь сорокового. Как-то в общежитии мы с ним встретились – он снова попросил прощения: «Да не обижайся ты, давай вместе встретим Новый год». Я согласилась. Это должна была быть компания его друзей: его соклассники ивановцы Николай Шеберстов (стал потом известным художником) и Константин Титов (учился в Вахтанговском училище, впоследствии стал актером Рижского ТЮЗа). Это были очень веселые, хорошие ребята, ко мне относились замечательно.

И вот вечер 31-го. Вдруг приходит Коля и виновато как-то мне говорит: «Ты знаешь, я не могу пойти. Я получил телеграмму о том, что умер отец в Иванове». И он в ночь уезжает домой. Новый, 1941 год я встречала без него.

Потом, когда Николай вернулся, рассказывал: «Понимаешь, подхожу к дому ранним утром (поезд ночной был, наверное, кинешемский) и слышу, музыка играет. Что такое? Вхожу, все в порядке. Отец жив, здоров. Веселятся, Новый год». Что это такое было, я до сих пор не знаю – так мне толком никто не смог объяснить, каким образом смогли послать такую телеграмму. Но у меня закралось какое-то недоверие.

У Коли в Иванове была соклассница – Женя. Очень милая, красивая девушка. Он мне показывал ее фотографию. Но как-то так получилось, что она не смогла после школы поехать вместе с ним учиться в Москву. Кажется, она заболела, что-то было такое. И для Коли это было на первом курсе очень большим ударом. «Вокзальный свет, ее прости» – как раз про это стихотворение. И мне казалось, что когда он поехал в Иваново на Новый год, возможно, он опять встретился с Женей. Опять возникло прежнее чувство.

Мы к тому времени с Николаем уже дали слово пожениться. Фактически мы уже были с ним мужем и женой. Все об этом, в общем-то, знали. Это был четвертый курс. К этому времени почти все наши однокурсники нашли свою пару: переженились. А у меня вот такие сомнения. И вот идут январь, февраль 41-го года. Мы то миримся, то опять ссоримся. У меня в записях где-то есть: «Но разве так можно? Разве так суждено мне в любви?». <...>

В первую же ночь, с 22 на 23 июня, была бомбежка. Правда, нам объявили, что это учебная тревога. Но осколки сыпались самые натуральные, самолеты летали, прожектора пересекали небо.

Буквально через 2-3 дня нам объявляют в университете, что все парни едут на спецзадание, а девушки – в кружок медсестер или в ополчение. И вот перед отправкой на спецзадание собрали наш курс на Красной Пресне. (Об этом есть в моих воспоминаниях). Ребята стояли лицом на запад. Был как раз закат – такое красное, заходящее солнце. И Коля смотрел на него широко распахнутыми глазами. И такое что-то сжалось у меня в сердце: что вот оно – конец. Объявили: «Разойтись,

попрощаться». Мы бросились друг к другу: обнялись, крепко расцеловались... Больше мы не виделись. <...>

Все мои друзья разъехались. Я осталась в Москве одна на курсах медсестер. О ребятах, которые на спецзадании, я ничего не знала. Потом в одном из писем Коля упрекнет: «Как же так. Все знали и приезжали, а ты не появилась». А я не знала просто, где они. Иначе бы, наверное, туда поскакала.

Николай вернулся со спецзадания в октябре 41-го года, попытался найти меня в Москве. Но обнаружил только мое письмо, оставленное для него у Кости Шеберстова. Наших сокурсников, вернувшихся со спецзадания, госкомиссия отправила доучиваться. Только Коля и его товарищ по курсу Арчил Джапаридзе пошли добровольцами. В очень тяжелое для Москвы время – 15,16 октября их записали в армию. Они пешком вышли по Владимирской дороге в направлении Муром. И оттуда Коля начал писать мне письма в Ташкент. (Он узнал, что я уехала туда по назначению работать в школу). И эти письма доходили до меня очень долго. Их всего пять: с октября по декабрь, последнее – 28 декабря 1941 года. <...>.

Николай отправляется на фронт в гвардейских частях. К этому времени уже был приказ Сталина, всех старшекурсников сохранить, не отправлять. Но вот так получилось. <...> Он попадает в часть под Москвой как раз во время декабрьского наступления. И буквально в одном из первых боев погибает. Впоследствии я разыскивала. Нашла платежную ведомость от 8 декабря такой-то части 331 дивизии. Там значилась его фамилия, что-то ему надлежало. Он был заместителем политрука пулеметной роты. Коля погиб 8 февраля 1942 года. Впоследствии то место, где он погиб, назвали долиной смерти. «А жизнь останется навеки неповторенной, короткой как оборванная песнь». Еще мне хочется сказать о Николае, что у него было очень серьезное отношение к творчеству, он говорил:

Есть жажда творчества,
Умение созидать,
На камень камень класть,
Вести леса строений,
Не спать ночей, по суткам голодать,

Нести всю тяжесть каждодневных бдений,
Остаться нищим и глухим навек,
Идти с собой, с своей эпохой вровень
И воду пить из тех целебных рек,
К которым приложился сам Бетховен;
< ... >

И вот его же слова: «В чем сущность жизни? Сущность жизни вовсе не в соблазне, а в совершенстве форм ее». Если бы мы понимали, что такое соблазн и что такое совершенство форм. Я для себя представляю, что это – творчество. Это – делать что-то так, что лучше тебя делать никто не может. <...>

Что я могу сказать в конце: Колина жизнь была очень короткой и очень яркой. Он был действительно талантливым поэтом. И по зрелости таланта литературоведы впоследствии сравнивали его даже с Лермонтовым, который погиб намного старше Коли Майорова. Коля погиб в неполных 23 года».

Вздых. Последняя фраза: «Ну, вот и все». Камера приближает морщинистые руки. Под ними на столе две фотографии: с непропечатанным уголком – Николая Майорова и в овальной раме – Ирины Пташниковой.

Подготовил Николай Голубев, «Рабочий край»
<http://www.rk37.ru>

«Мы любили жизнь, но вас мы любили больше».

Найдена могила поэта Николая Майорова.
О жизни, любви и смерти ивановца, погибшего на фронте.

«Никто не забыт, и ничто не забыто». Этот лозунг-клятву (ныне потрепанный, как железнодорожный матрац) придумала Ольга Берггольц – голос блокадного Ленинграда. Символично, что ее саму знают и помнят сегодня очень немногие. А для меня война начиналась именно с Берггольц. Хотя и до нее были десятки прочитанных в школе книг, выслушанных по

телевизору и живьем историй. Но все это воспринималось мной, ребенком, не более как приключенческая история. Книга Берггольц «Говорит Ленинград» это восприятие перевернуло – она стала последним недостающим пазлом в огромной черной картине войны.

Ивановский поэт Николай Майоров погиб на Смоленщине в феврале 1942 года. Нельзя сказать, что он забыт своими земляками-ивановцами. Его именем названа улица в областном центре, где он жил. В Литературном сквере на облупившемся постаменте стоит его бронзовый бюст. Каждый май во всех ивановских школах читают стихи поэта-фронтовика. Режиссер Регина Гринберг поставила поэтическое представление «Николай Майоров», удостоенное в 1975-м году Всесоюзной премии Ленинского комсомола. Этот спектакль-портрет несколько лет с аншлагом шел на сцене Ивановского молодежного театра, и сотни зрителей уходили после него с заплаканными глазами. Все вроде бы нормально – «никто не забыт, и ничто не забыто». Только вот за прошедшие после войны десятилетия никто из ивановцев так и не съездил на могилу Николая Майорова...

К сожалению, это так. Дело в том, что в 1960-е прах красноармейца Николая Майорова из деревни Баранцево (указанной в похоронке) был перенесен в мемориальный комплекс села Карманова. И, наверное, если бы кто-то пытался и отыскал могилу поэта, то о факте перезахоронения стало бы известно. Но, увы... До сих пор во всех справочниках и энциклопедиях, книгах и учебниках местом захоронения поэта считается деревня Баранцево Смоленской области.

Искать могилу Николая Майорова я поехал вовсе не из-за любви к его стихам (это не мой поэт), и вовсе не для того, чтобы потом морализировать. Просто так сложились объективные обстоятельства и мои личные обязательства. Но я рад, что могила Майорова найдена. И мне важно не столько то, что найдена могила поэта, а то, что найдена могила ивановца. Могила моего сверстника, который старше меня всего на год. Николаю Майорову в последнюю его зиму 1942-го было всего 22 года.

Пройдут века, и вам солгут портреты,
Где нашей жизни ход изображен.

Биография Майорова и его творческий путь подробно исследованы в книге Б. Куликова «Очерк жизни и творчества» (1971) и литературно осмыслены (и одновременно с тем несколько домыслены) в повести В. Сердюка «Выше смерти» (1990). При желании эти работы можно найти в ивановских библиотеках, поэтому я лишь пунктиром обозначу жизненный путь Николая Майорова.

Родился он в большой русской семье (историю ее должна была отразить поэма «Семья», не изданная и ныне потерянная, как большинство рукописей Майорова), в ней, помимо Николая, было еще четверо детей. И, так или иначе, вся эта семья прошла через войну. Отец был в немецком плену в Империалистическую. Николай Майоров и его брат Алексей погибли во Вторую мировую. Учился будущий поэт в десятилетней школе №33 города Иванова, сейчас в этом здании на улице Советской – школа № 26. Абсолютно случайно в краснокирпичном здании удалось найти старую черно-белую фотографию, на задней стороне которой выцветшими чернилами написано: «первый выпуск из десятилетки в 1937 году» и перечислены фамилии. Это выпуск Николая Майорова. Правда, среди перечисленных его нет, разобраться в лицах трудно. Зато абсолютно точно есть на этой фотографии Вера Михайловна Медведева – учительница Майорова, первой заметившая его талант и долго хранившая школьные четверостишия. (По большей части подражательные Кольцову и Есенину, хотя было в них и что-то свое, ивановское: «Прямо в небо/ Свои рога/Метят фабричные трубы»). А сфотографированы выпускники 1937-го года не на фоне красного знамени или усов Сталина, а на фоне рукописной газеты, которую редактировал Майоров, а оформлял Николай Шеберстов, один из его лучших друзей, ставший впоследствии профессиональным художником (наша статья открывается портретом Майорова работы Шеберстова из собрания

литературного музея ИвГУ). После школы Николай Майоров поступил на истфак МГУ и там стал активно заниматься поэзией: посещал семинары П. Антокольского в Литинституте, печатался в университетской многотиражке. Тогда он наконец-то увлекся Маяковским. А еще тогда появилась любимая девушка...

А как любили мы - спросите жен»!
«О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.

Имя Ирины Пташниковой ивановцам должно быть знакомо. Военные письма Майорова к ней (с трогательным обращением Ярынка) стали кульминацией и поэтического спектакля, и всех книг о поэте. «А верстовые столбы – без конца. Идешь-идешь, думаешь-думаешь, и опять ты где-нибудь выплывешь, и все – сызнава. Курю. Думаю. Ругаю. Всех. Себя. <...> Тяжело идти, но я, дай бог, более или менее вынослив... Сплю на шинели, шинелью покрываюсь, в голове – тоже шинель. Не подумай, что их – три шинели. Все это случается с одной шинелью» (Из письма от 8 ноября 1941 года).

До сегодняшнего дня публиковалось только несколько писем Майорова к Пташниковой, датированные осенью-зимой 1941-го. А интересны скорее довоенные. В них Майоров – настоящий, свободный, еще не стиснутый шинелью и военной цензурой (зная о ней, откровенничать в письме не очень-то хочется). «...Спим с Костей у него в саду, под яблонями. Прежде чем лечь, идем есть смородину и малину. Возвращаемся сырые – роса. На свежем воздухе спать замечательно; смотришь в ночное небо, протянешь руку – целая горсть холодной, влажной листвы; кругом – ползет, шевелится и кажется, что дышит «свиная зелень», бьющая из всех расщелин, из всех пор сухой земли. И впрямь слышно – как «мир произрастает». Изредка на одеяло заползает какой-нибудь жучишка. И просыпаемся от солнца, которое, проникая сквозь ветви, будит нас и заставляет змуриться. Вот она – жизнь! Как сказал Велимир Хлебников, «мне мало надо: /ковригу хлеба/да каплю

молока,/да это небо,/ да эти облака». (Интересная переключка с майоровским стихотворением «Мы»: «Нам не хватало неба и воды». - Н.Г.) Иногда страшно хочется написать хорошие стихи, но пока почему-то не пишу. <...> Новое письмо тебе не буду писать до тех пор, пока не получу хотя бы строчку от тебя. Целую тебя много раз. И все по-разному, но одинаково сильно, как это было всегда. Ухитрись поцеловать за меня свою родинку, что около правого твоего уха расположена. Если тебе это удастся, то непременно телеграфируй по адресу: «Колькины губы» с текстом телеграммы «повторить то же самое заочно...». (Из письма от 25.07.1940).

Какой она была, Ирина Пташникова, муза поэта? Глядя на студенческие фотографии, трудно назвать ее миловидной – уж слишком прямолинейные и грубые черты лица. Но зато глаза-небеса, «круглые да карие, черные до гари». Встречаться с Майоровым они начали на втором курсе истфака. Причем в это самое время осенью 1938 года в Ташкенте был арестован отец Ирины. К счастью, все обошлось, но после такой истории (а в университете о ней знали) далеко не всякий стал бы встречаться с дочкой подследственного. На студенческих фотографиях Ирины Пташниковой бросается в глаза непонятное белое пятно на одежде. Оказывается, это значок «Альпинист СССР». Девушка получила его в альплагере после первого курса – в те времена большая редкость. А еще Ирина, услышав в университете лекции профессора Толстова, навсегда увлеклась археологией. Вместе с однокурсниками (может быть, среди них был и Майоров) стала подрабатывать в Институте истории материальной культуры. «Там <...> можно было "подзаработать" на камеральной обработке и шифровке привезенных из Хорезма черепков. Их надо было вымыть и, описав, пометить шифром - сокращенными буквами черной тушью. Цена – сдельная, 5 копеек за черепок. Пришедшие раньше меня туда ребята смеялись – берешь один черепок, осторожненько его стучаешь об край стола и вместо 5 копеек получаешь 15. Легко и просто» (из воспоминаний Ирины Пташниковой. Публикуется впервые). Каждое лето Ирина уезжала на раскопки древнего Хорезма, по пути заезжая и домой

в Ташкент, а Николай Майоров спешил на третьей полке «заванесив свет», к родным и друзьям в Иваново. И летели через весь Союз его письма в Среднюю Азию наперегонки с воздушными поцелуями.

Ирина Пташникова умерла в Ташкенте в 2001 году. В истории она осталась не только как возлюбленная Николая Майорова (от этого звания никогда не отказывалась), но и как автор приключенческой книги «Рождение мечты» (в соавторстве с Н.Горбуновой – М., 1961) о своих путешествиях в пустыне Кара-Кум. Жизнь Ирины Пташниковой сложилась удачно. Она родила троих детей, счастливо жила в браке. Пользовалась уважением ташкентцев (они признавали ее настоящей русской интеллигенткой). Она хорошо была известна в среде альпинистов, археологов и туристов всего Союза.

Многое Пташникова сделала и для того, чтобы сохранить память о Николае Майорове. Приезжала она и в музей «Строка, оборванная пулей» при Дмитровском рыбопромышленном колледже.

«О нашем времени расскажут.
Когда пойдем, на нас укажут
И скажут сыну: - Будь прямей».

«Как там ваш поэтический театр?», - первое, чем встретили меня в музее «Строка, оборванная пулей».

Честно говоря, я никак не рассчитывал, что этот вопрос когда-то могут задать и мне. Хотя знаю, что раньше к ивановцам с ним обращались достаточно часто.

Я как-то даже опешил и развел руками: «Был театр, да стал теперь мифом – стены сгорели, режиссер умер».

Музей при Дмитровском рыбопромышленном техникуме (располагается он в 40 минутах езды от города, в поселке Рыбное) организовала тридцать лет назад преподаватель Наталья Чернова. Этот клуб-музей посвящен литераторам, которые навсегда остались на войне. Экспонатам его может позавидовать любой краеведческий музей (например, в нашем

краеведческом – от Майорова только одно довоенное письмо). Но Николай Майоров – лишь один из героев музея «Строка, оборванная пулей». Здесь есть стенды, посвященные Алексею Лебедеву, Павлу Когану, Борису Смоленскому, Елене Ширман и еще десятку погибших поэтов. Материалы и экспонаты собирают в ежегодных экспедициях. Каждое лето члены клуба отправляются туда, где оборвались недописанные строки фронтовиков (были уже и Кавказ, и Урал, и Смоленщина, и Белоруссия, и Карелия). А первая экспедиция состоялась в 1980 году – в Иваново. Здесь собирали материал о Майорове, а после этого был поход в Смоленскую область и поиски места гибели поэта. Заметьте, искать могилу поехали не родственники Майорова, не ивановские филологи и театралы, а дмитровские рыболовы и ихтиологи (этим профессиям обучают в колледже). Именно они первые нашли деревню Баранцево. После войны ее пыталась отыскать Ирина Пташникова, но из-за описки в похоронке (в ней было написано «Баренцево») – безуспешно.

«Немцы впервые появились в Баранцево 11 октября 1941 года. Остановились они в Титово, а сюда приходили за провиантом. Стрельбу открывали только когда замечали наши части, выходившие из окружения. <...> Лишь в январе 1942 года – они (немцы. - Н.Г.) стали укрепляться в деревне: рыли окопы, делали блиндажи и доты. <...> 19 января 1942 года, когда наступали наши части, немцы, сказав жителям о том, что здесь будут идти сильные бои, угнали всех под предлогом эвакуации в "оккупацию". <...> Одна старушка (Фильченкова) все-таки оставалась в своем доме в Баранцево до прихода наших войск, а дождавшись их, умерла (ее похоронили с воинами в братской могиле). В конце января - начале февраля 1942 года деревня Баранцево была освобождена. Однако она еще около 9 месяцев находилась во фронтовой полосе". (Из материалов экспедиции музея «СтрОП», 1981 год. Публикуется впервые). Интересно, что в 30 километрах от Баранцево до сих пор стоит деревня Клушино. Здесь в самом лучшем доме, построенном плотником-профессионалом, размещался штаб немцев. Дом этот сохранился и был перенесен в город Гагарин (Гжатск). Теперь там музей, но не военный, а первого в мире космонавта. Потому

что отец Гагарина и построил этот дом, и в этих стенах прошло детство Юрия Алексеевича, совпавшее с оккупацией и войной.

Николай Майоров погиб 8 февраля 1942 года. Что это было: случайная пуля, атака, мина? – уже никогда не узнать. Может быть, Майоров умер, защищая старушку Фильченкову, может быть (пусть опосредованно), жизнь восьмилетнего Юры Гагарина – Николай Майоров погиб за Родину...

В ту экспедицию 1980 года на краю деревни Баранцево (тогда в ней оставались только три жителя) члены клуба-музея нашли небольшую братскую могилу. Над ней они и повесили табличку в честь ивановского поэта.

Музей «Строка, оборванная пулей» получил по всей стране широкую известность. Хотя никогда ее не добивался, никогда как следует не финансировался (все здесь самодельное); музей сознательно негромкий во всем – даже стихи здесь читают почти шепотом. Но его хорошо знали и Александр Твардовский, и Давид Самойлов. Помогал музею поэт и бард, старший лейтенант Евгений Агранович (это он написал «От героев былых времен не осталось порой имен. Те, кто приняли смертный бой, стали просто землей-травой»).

Основательница музея Наталья Чернова умерла 10 лет назад. Но «строка, оборванная пулей» продолжается. До сих пор ежегодно в лес под Рыбный приезжают в ночь с 23 на 24 сентября сотни человек. Приезжают на большой и жаркий костер в память о Павле Когане (погиб в эту ночь в 1942 году). И обязательно под свет огня читают стихи, в том числе Николая Майорова. Руководят клубом-музеем сегодня Татьяна Елисеева и Екатерина Акимова. Они признают, что членов клуба с каждым годом становится все меньше. Что ребят больше привлекает не горькая судьба погибших поэтов, а романтика походов и экспедиций. Но как бы там ни было, музей жив, и этим летом, спустя двадцать лет, ребята снова отправились на Смоленщину проведать могилу Николая Майорова.

Теперь здесь никто не живет – деревенские разъехались. А землю выкупил под фермерское хозяйство какой-то москвич. Правда, отмеченную когда-то ребятами могилу он содержит в идеальном состоянии и даже вроде как гордится тем, что стал

причастен к имени Николая Майорова, защищавшего эту землю. Мемориальная доска все еще висит здесь, на старой раскидистой сосне...

Мы видели, как женщины глядели
На нашего шального трубача.
А он трубил...

...На высоком берегу Яузы в 40 километрах от Гагарина и в 30 километрах от деревни Баранцево стоит село Карманово. Название у него говорящее – близлежащий район действительно географический «карман» на границе Московской, Тверской и Смоленской областей. Этот «карман» стал отличным плацдармом для фашистского наступления сразу по трем направлениям. Враг крепко стоял здесь, заняв стратегическую позицию, с августа 41-го до августа 42-го.

Внизу быстро течет река, желтеют поля, в умирающем ковыле пасется одинокая лошадь. Наверху живут несколько тысяч человек, работает большая школа, есть несколько магазинов. У обрыва над рекой стоит недавно построенная церковь. Ее настоятель отец Дмитрий всего на несколько лет старше нас с Майоровым. Именно он выложил в Интернете (karmanovo-hram.ru) к 9 Мая фотографии местного мемориала с именами погибших. Так нам и удалось найти место упокоения Николая Майорова: на одной из сфотографированных плит стоит его имя. Стоит среди восьми тысяч других имен красноармейцев, захороненных здесь.

На Кармановский мемориал приезжают почти каждый день. Едут из Москвы, с Алтая (302-я стрелковая дивизия, которая воевала здесь и в которой служил Майоров, формировалась изначально в Сибири) – поэтому отец Дмитрий спокойно воспринял и мой звонок, и мой приезд. «Разные люди приезжают. И молодые, и старые. В мае была старушка из Твери лет восьмидесяти. У нее здесь то ли дед, то ли брат похоронен. Она об этом месте всегда знала, но собралась только сейчас – «чувствую, что недолго осталось мне, вот и приехала». Приехала на такси, потратив три свои ежемесячные пенсии, –

несколько лет копила понемногу. Долго сидела на мемориале, а потом медленно доковыляла до церкви, поставила свечку и уехала, как сама сказала, «умирать со спокойным сердцем».

О поэте Николае Майорове отец Дмитрий никогда не слышал. «Да мне, в общем-то, все равно, кто здесь похоронен, - они все для меня равны. У самого дед погиб на войне. Его могила в сотнях километров отсюда – съездить туда я не могу, а потому прихожу на наш Кармановский мемориал и служу панихиду. И всем говорю: кто ищет, но не может найти своих родственников, - кланяйтесь любому памятнику, а вашим поклонится кто-то другой, кто живет ближе, и мучается оттого, что не может приехать, скажем, сюда, в Карманово и отыскать своих». Так уж получилось, что война своими могилами, словно черный крот подземными тоннелями, изъела, но одновременно и объединила всю страну: север и юг, Сибирь и Кавказ. Здесь, в Карманове, среди грузин и абхазцев, армян и азербайджанцев, бойцов разных национальностей лежит Николай Майоров. И над общей их могилой на высоком постаменте стоит воин в бронзовой плащ-палатке, но не с ружьем или штыком, а с поднятой ко рту «охрипшей полковой трубой». На граните мемориала высечено: «Мы любили жизнь, но вас мы любили больше»...

Нам не дано спокойно сгнить в могиле –
лежим навтыжку и, приоткрыв гробы,
мы слышим гром предутренней пальбы,
призыв охрипшей полковой трубы
с больших дорог, которыми ходили...

Пророческой оказалась и первая строчка этого стихотворения. Николай Майоров был перезахоронен здесь только в 1960-е годы (до этого его захоронение действительно находилось в Баранцево). Правда, имя его на мраморных плитах появилось только этой весной. Дело в том, что мемориал в Карманове построили в 1955 году. С тех пор список захороненных не обновляли (на старых плитах просто не оставалось свободного места), хотя каждый год сюда

перезахоранивали бойцов, а имена их записывали на бумаге. В этом году на деньги столичного бизнесмена на Кармановском мемориале появилось двадцать новых плит с фамилиями бойцов. Таким образом, благотворитель вписал в гранитную вечность имя своего деда, который был похоронен здесь, но не обозначен на монументе, а вместе с ним имена и сотен других бойцов, среди которых наш Николай Майоров. Правда, новых плит тоже хватит ненадолго. Уже этой осенью в Карманове пройдет новое перезахоронение. В близлежащих лесах и болотах работы поисковикам хватит еще на десятилетия – слишком ожесточенные бои велись тут в первый год войны.

Теперь становится понятным, почему первая экспедиция Дмитровского музея не задержалась надолго в Карманове, и искала могилу все-таки в Баранцеве. Понятно, почему не заехали в село к монументу ребята в этом году. А историю про плиты и «проявившиеся» только в этом году фамилии мне рассказали в местной школе – она шефствует над мемориалом, при ней создан музей, посвященный боям вокруг Карманова. Заведует им Л.Маричева. Она честно призналась, что о поэте Майорове слышит впервые. И я ее прекрасно понимаю – сам в Дмитровском музее в недоумении стоял у некоторых стендов. Да и как знать всех, если на фронт в 1941-м ушли более тысячи советских писателей. Каждый третий из них не вернулся.

Но теперь стихи Майорова зазвучат в Карманове. Я уверен в этом, потому что видел, как загорелись глаза здешних учителей, как школьники после учебы убирают мемориал (и это притом, что о моем приезде в школе не знали). И еще одна немаловажная деталь: братские захоронения последних лет украшены по углам дырявыми от ржавчины и пуль солдатскими касками. Они не привинчены, не зафиксированы, но никому даже в голову не приходит унести их или переложить. Карманово помнит войну...

Он был поэт, хотя и малой силы,
но был,
любил,
и за строкой спешил.

Война началась в самый разгар выпускных экзаменов в университете. Студенты сидели в библиотеке на Моховой, когда задрожал страшным сообщением громкоговоритель на улице. «У нас с Николаем в это время как раз была размолвка. Увидев друг друга, мы даже не подошли, поздоровавшись издали. И только через несколько дней, когда всем курсом девушки провожали ребят на спецзадание (рыть противотанковые рвы под Ельней. – Н.Г.), мы вдруг осознали всю серьезность, весь ужас происходящего. <...> Скомандовали всем построившимся: "Разойтись, попрощаться!" Видно, и у меня в этот момент шевельнулось какое-нибудь тяжёлое предчувствие и горестно сжалось сердце, только я бросилась к Николаю, и мы крепко обнялись. Хотя перед этим долго не виделись и не подходили. Он очень меня обидел, и я уже не верила ему. А тут – все побоку, все обиды и недоразумения, все забылось в один миг. Бросились в объятия, крепко расцеловались. Сказали ли что-нибудь? Не знаю. Наверное, сказали какие-то ничего не значащие слова. Главное было не в них... Ребят снова построили и повели. Ушли они - еще не на саму войну, но уже почти, ушли на спецзадание, и для многих это было началом пути военного. И многие уже в мирную жизнь так и не вернулись. В том числе и Николай. А все то, что он не сказал мне тогда, он потом написал в пронзительных по искренности нескольких письмах, солдатских письмах...». (Из воспоминаний Ирины Пташниковой. Публикуется впервые.)

Ирину Пташникову из-за сильной близорукости на фронт не пустила медкомиссия, с курсов медсестер ей пришлось уйти. «Как-то под местным наркозом оперировали 16-летнего паренька - мне стало дурно. Услышала – или мне показалось, как скрипит под скальпелем хирурга разрезаемая ткань, и отключилась. Стыдно мне было ужасно». Ирина по распределению уехала в Среднюю Азию. С Майоровым они больше не виделись.

Николай записался на фронт добровольцем. Хотя мог, как большинство его однокурсников, сняться с военного учета и уехать на раскопки в Ташкент, к Ирине («Если после войны

буду жив, буду проситься работать в Среднюю Азию, - мне надо найти тебя. Когда это будет и будет ли?»). В декабре появилась возможность демобилизоваться по приказу о дипломниках (видно, Майоров, прошагавший к тому времени пешком более 500 км, был бы не против), «но почему-то задержали». Последнее письмо от него пришло в Ташкент датированным 28 декабря 1941 года. «Жду эшелона для отправки на фронт. <...> Сейчас Новый год я тоже встречу в вагоне. Песни петь буду. Тебя вспоминать. Жаль, что только вспоминать».

Единственный майоровский однокурсник, вместе с ним ушедший на фронт, – Арчил Джапаридзе. Я попытался выяснить его судьбу с помощью объединенной базы данных Министерства обороны (www.obd-memorial.ru) - туда занесены не только имена погибших, но и копии их личных дел, донесений о потерях. Думал, информацию будет несложно найти – разве могут быть еще бойцы с таким именем?! Оказалось, за пять военных лет погибли девять Арчилов Джапаридзе. А еще на сайте представлена информация о сотне погибших с фамилией Хабулава (ее носил друг Майорова, веселый грузин – сосед по общежитию); о тысяче погибших Майоровых, и, может быть, о миллионе Ивановых... Безжалостный и чересчур подробный сайт – безжалостная и чересчур подробная война.

Николай Майоров погиб и был похоронен в братской могиле в деревне Баранцево. Спустя два десятилетия его прах перенесен в село Карманово. Там покоится двадцатидвухлетний поэт и солдат-пулеметчик ивановец Николай Майоров...

И пусть не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них потомки говорят.

Николай ГОЛУБЕВ

Автор выражает благодарность Ивановскому государственному университету за материальную поддержку и всем тем, кто с улыбкой встречал его на пути в полутора тысяч километров по Московской и Смоленской областям.

Вячеслав Терентьев

Тайны поэта «с божьей искрой»

1. Рождение в пути

Известный поэт Сергей Наровчатов не случайно назвал Николая Майорова «поэтом с божьей искрой».

Между тем стихи Николая Майорова не переиздавались четыре десятилетия, факты его биографии нередко искажены, многие из его творений сгинули при странных обстоятельствах. Да и сама судьба этого человека – в чем-то странная, в ней много противоречий, загадок... Попробуем разгадать некоторые из них.

Место рождения – деревня Дуровка

Неясности возникают с первой строки биографии. Мы привыкли считать поэта коренным ивановцем. Но когда поэт Владимир Жуков, школьный друг Майорова, и Виктор Болховитинов, ответственный секретарь многотиражной газеты «Московский университет», в конце 50-х решили собрать и опубликовать им созданное (сборник вышел в издательстве «Молодая гвардия» в 1962 г.), выяснилось, что Николай начал учиться в ивановской школе только с третьего класса. Владимирская губерния, где, как оказалось, он жил в раннем детстве, тогда была в стадии реорганизации. Иваново-Вознесенская губерния, в которой прошли отрочество и юность, образовалась только за год до его рождения, а места за Волгой, где он родился, находились под Колчаком. Шла Гражданская война, было не до оформления документов.

К счастью, родители Николая – Петр Максимович и Феодора Фёдоровна – тогда были живы (умерли в 1965 и 1967 гг.). Отец, несмотря на нелады с грамотой, был чуток к слову и памятлив. Без его свидетельств не ясны были бы даже документы: ведь Николай даже с родными братьями оказались уроженцами разных мест.

Сами родители – выходцы из д. Павликово Гусевского уезда Владимирской губернии. Отец по семейной традиции плотничал, часто уходил на заработки в Москву. В декабре голодного 1918-го он вместе с женой (вынашивавшей третьего ребенка) и младшим сыном Алексеем отправился на поиски хлебных мест. На перегоне между Симбирской и Саратовской губерниями состояние Феодоры Фёдоровны не позволило продолжать путь. Сошли с поезда на станции под Сызранью. Добрались до ближайшей деревушки под названием Дуровка. Там отец подрядился собрать сруб. Пошли и другие заказы. «Тут и стали жить, – вспоминал Пётр Максимович. – Тут и родился Николай, 20 мая 1919 года. Дуровка входила в состав Конадиевской волости Сызранского уезда Симбирской губернии».

Николай, таким образом, как бы родился в пути.

В деревне Коля окончил два класса начальной школы. От общения с природой и бытом крестьян в его стихах остались языческие ощущения, цветное видение, чуткий слух, распаханность души. Впечатления детских лет отразились в юношеских стихах: тягостное положение деревни и крестьянского быта, перенесенные семьей невзгоды.

Я жил в углу. Я видел только впалость
отцовских щек. Должно быть, мало знал.

Но с детства мне уже казалось,
что этот мир неизмеримо мал. <...>

А дальше – путь сплошным туманом застлан.

Запомнил только: плыли облака

и пахло деревянным маслом

от желтого, как лето, косяка...

(1938. «Отцам»)

В его стихах нередко приметы родового плотницкого ремесла: «Ходят, стонут половицы... Вагон дрожал, как старая изба...». Даже свой стол в студенческом общежитии в Москве он воспринимает «по-плотнички»: «Пусть не широк он. В пятнах. Пусть. / Но он стоит с таким упорством, / что забываешь сон и грусть / в уюте мизерном и черством...».

За «фурмановской» партией

В 1929 году семья Майоровых переехала в Иваново. Николай стал учиться в 3-м классе школы № 33, одной из лучших в городе. Место за партией ее знаменитого выпускника Дмитрия Фурманова, автора романа «Чапаев», служило поощрением лучшим ученикам. С 5-го по 10-й класс его занимали Майоров и сдружившийся с ним Костя Титов – будущий актер, заслуженный артист Латвийской ССР.

Из воспоминаний Владилена Гутмана, который подростком жил на одной улице с Майоровым: «До войны эта улица называлась 1-й Авиационной, теперь она носит имя Николая Майорова. <...> В доме Майоровых я бывал часто... Ребяшня кишмя кишела во дворе или грелась на солнышке под тремя окнами их обитого тесом и свежеекрашенного дома. Старших, Ивана и Алексея, я знал мало, Николая видел чаще, а особенно был дружен с Александром и Виктором. <...> Помню его (Николая) всегда шутивым, по-особому собранным. Был он русоволос, выше среднего роста. <...> Запомнился его приезд домой на каникулы летом 1940 года. Я пришел тогда к братьям. Петр Максимович с Николаем сооружали для мальчишек нечто вроде самоката. <...> Потом мы с ребятами играли в футбол. Судил Николай. Хотя ему было уже девятнадцать, но он не чурался нас, 14-летних...»

В школе работали драматический кружок, литобъединение, которым руководила учитель истории и литературы Вера Михайловна Медведева. Она первой подметила одаренность Майорова. Это ее в середине 30-х ученик Коля Майоров попросил высказать мнение о своих первых стихах.

11 марта 1961-го Вера Михайловна пришла на встречу памяти поэта. Старенькая учительница достала из сумочки несколько бережно хранимых тетрадей с его стихами и передала составителям сборника.

«Помню его с пятого класса, — рассказывала Вера Михайловна. — Светловолосый, голубоглазый, немного неуклюжий мальчик привлекал своим открытым видом и любознательностью. Другой характерной его чертой была скромность, даже, пожалуй, застенчивость. Учился Коля

хорошо. <...> Интересовался одинаково всеми предметами: был силен в математических дисциплинах, очень сообразителен. Два года я была руководителем класса <...> имела возможность наблюдать за ним больше, чем просто преподаватель. <...> Он много и жадно читал, а мои рассказы на уроках о русских писателях слушал обычно как замороженный. <...> Прочитав ночью книгу, он обязательно с восторгом рассказывал о ней товарищам. Очень любил Николай писать сочинения. Писал обычно много и очень ярко, своеобразно. <...> Как только началась война, здание нашей школы № 33 (тогда она размещалась на Негорелой улице – ныне Советской) <...> заняли под госпиталь. В спешке и суматохе тогда и были безвозвратно потеряны школьные архивы...»

Не сохранились, естественно, сочинения и первые стихи Майорова. С этого начались утраты в его творчестве. Ведь пока всё, что известно, было создано им в школьные годы и в студенчестве.

«Он и тогда был уже поэт!...»

Николай был одним из самых активных членов литкружка. Собирались после уроков в одном из классов. Электроосвещение сменяли свечи.

Владимир Жуков передал атмосферу тех вечеров: «...В полумраке, затихает наш школьный зал <...> Никто <...> не хотел выходить к рампе первым. И вечер приходилось открывать Коле Майорову. Застенчивый, по-хорошему степенный, становился он в дверном проеме <...> и, опустив глаза, глуховатым голосом называл стихотворение. А потом второе и третье! <...> Уже в ту пору стихи Николая Майорова были не похожи на всё то, что читалось <...> публиковалось. <...> Ни в разговорах, ни тем более в стихах – и своих и чужих – он не переносил общих слов. Строки его были всегда философичны при всей их материальности и вещности. Природный ум, дружба с книгой заметно выделяли его среди сверстников. На учебные дела, которые, кстати сказать, шли отличным образом, на жизнь он смотрел по-взрослому серьезно».

Стихи Майорова, признанного первым поэтом школы, сверстники переписывали, оформляли в виде небольших красочных брошюр, и они ходили по рукам из класса в класс. Оформлял их (стихи «Ваятель», «В Михайловском», «Пушкин») одноклассник, лучший художник школы Николай Шеберстов, ставший закадычным другом Майорова. Это ему посвящено стихотворение Майорова «Художник» (1937). Это ему мы обязаны первым портретом поэта, который, как отмечали многие, выражает характер Майорова, передает сходство даже точнее фотографий.

В тетрадях Майорова, сохраненных В. Медведевой, было несколько стихотворений. Три из них – «После ливня», «На реке», «Песня» – через четверть века после их написания были опубликованы в областной молодежной газете к первой встрече памяти поэта (1961). А еще в 1940 году стихотворение «На реке» появилось в московском сборнике «Парад молодости», рядом с произведениями Маяковского, Асеева, Лебедева-Кумача... Через четверть века строки Майорова войдут в отдельное издание поэта, их напечатают в антологиях, сборниках, альманахах...

По окончании школы Майоров и Шеберстов решили вместе ехать в Москву, поступать в вузы. Поступили: Майоров – на истфак университета, его друг – в художественный институт. На каникулы оба приезжали домой.

Сосед Майорова по школьной парте, Константин Титов, стал профессиональным актером. Играл в Рижском театре русской драмы, был удостоен звания заслуженного артиста Латвии. Ивановец Владимир Жуков стал поэтом, лауреатом Государственной премии имени Горького (1977).

Майоров, приезжая в Иваново на университетские каникулы, всегда появлялся в родной школе, общался с учениками и учителями, делился московскими впечатлениями, читал новые стихи, рассказывал о встречах с известными поэтами. В школьной стенгазете продолжали помещать его стихи.

«На традиционные вечера встреч с бывшими воспитанниками школы, которая сменила свой 33-й номер на

теперешний 26-й, в дни зимних и летних каникул Майоров приезжал буквально набитый стихами, – вспоминал В. Жуков. – С 1939 г. Николай, параллельно с историческим факультетом МГУ, посещал семинарские занятия в Литературном институте. У него были две зачетные книжки: и тут и там он шел отлично. С любовью и не без юмора рассказывал Коля о студенческой жизни. <...> Без похвальбы, смущаясь как бы не показаться выше других, иногда доставал вырезки своих стихов из «Университетского листка» (в те годы руководителем литотдела и ответственным секретарем многотиражной газеты МГУ был Виктор Болховитинов, позднее – известный писатель, редактор журнала «Наука и жизнь». Он первым пригласил Майорова дать стихи в многотиражку, первым подписал их в печать и до конца своей жизни ценил этот факт. – В. Т.). Желание остаться незамеченным, заслонить свои удачи успехами товарища – было одной из отличительных черт характера Коли Майорова. <...> «Писал он взхлеб. И все-таки поэтом себя не считал, поскольку был убежден самой классикой, что профессиональным писателем может быть только по-настоящему одаренный природой человек такого рода, к какому себя не причислял. А ведь он и тогда был уже поэт!»

2. «Незнакомка» с улицы Московской

«Незнакомкой» для нас она могла остаться навсегда.

Переписку уничтожил ревнивый муж

«Незнакомкой» для нас она могла остаться навсегда. Ни ее имя, ни адрес, ни сведения о семье, в которой она выросла, а позднее и о ее собственной, в печати не сообщались, хотя в школе о ее дружбе с поэтом знали все. Это было известно и родителям молодых людей. У Николая Майорова есть стихотворение о Московской улице в Иванове (она так называется и ныне):

Ту улицу Московской называли.

Она была, пожалуй, не пряма,

но как-то по-особому стояли

ее простые крепкие дома.

И был там дом с узорчатым карнизом,
купалась в стеклах окон бирюза.
Он был насквозь распахнут и пронизан
лучами солнца, бьющего в глаза.

(1937. Апрель)

С этим домом с «узорчатым карнизом» были связаны волнующие чувства юного поэта: здесь жила его первая любовь.

Из стихов Майорова узнаём, что у его одноклассницы были ладный стан, миловидное лицо, бархатные ресницы. Тяжелая русая коса подчеркивала пленительность облика. Девушка хорошо училась, с седьмого класса неизменно входила в редколлегию школьной литературной стенгазеты.

Она, несомненно, выделялась среди других девчат, как и Николай, который, несмотря на неброский облик, был мальчишеским лидером. Ни в одном из воспоминаний о Николае Майорове мы не найдем имени этой девушки. О ней было известно составителям сборников его стихов Владимиру Жукову и Виктору Болховитинову. Только от нее могло попасть в сборник приведенное выше стихотворение (и ряд других, адресованных поэтом ей лично). Он нигде с ними не выступал и не публиковал.

Получилось так, что ее переписка с Николаем была уничтожена ее мужем (без сомнения, под давлением извне). Но в 1943 году одну тетрадь с несколькими стихотворениями Майорова, как дорогую для себя память, она оставила на сохранение своей матери. Позднее эти стихи перешли к брату Николая Виктору, а затем попали к составителям сборника.

В ноябре 1973-го она приезжала в Иваново на встречу с другом Майорова поэтом Владимиром Жуковым. После доверительной беседы хотела оставить конверт с рукописью кратких воспоминаний, но присутствовавший при разговоре ивановский прозаик и очеркист Виталий Сердюк, пробежав их глазами, попросил добавить к тексту то, о чем беседовали. Дополнения она внесла на свободные места между абзацами на листе из ученической тетради и в конце его оборотной стороны.

Мне довелось держать в руках этот белый конверт и вложенный в него тетрадный лист. На конверте синей пастой

шариковой ручки – три строки: «Евгения Фёдоровна Манушкина (воспоминания о Майорове). Записано 20 ноября 1973 г.», внесенные, очевидно, кем-то из писателей – участников беседы. А вот вложенный лист заполнен ею лично и в два приема.

«Скажи мне, ветер...»

В 70-е годы ей было уже за пятьдесят, и почерк утратил былую четкость. Начало записей разборчивее и крупнее, а дополнения, написанные в волнении, прилюдно, ужатыми буквами, читались с трудом.

Подписи под воспоминаниями не было. Остается неясным: какая фамилия указана на конверте – девичья или в замужестве? По логике – девичья, фамилию по мужу она вряд ли стала бы называть, оберегая покой семьи. Собеседникам, судя по всему, было поставлено условие (которое они выполнили): не называть ее имя ни в разговорах, ни в печати, не травмировать ее семью перепиской. Основное, что знала, она рассказала, немногие документы и запомнившиеся строки Николая передала составителям сборника. Обратный адрес на конверте не указала, тогда он оставался известен лишь собеседникам.

Но их теперь уже нет среди нас, и восстановить подробности той встречи уже невозможно. И этот эпизод в биографии поэта обернулся полураскрытой тайной. Нет в живых соучеников Николая по школе, сотоварищей по московскому вузу. «Прервалась связь времен»...

Виталий Сердюк через полтора года опубликовал очерк «Поэзия, раскрытая ветрам» в литературно-художественном сборнике «Волжский прибой» (Ярославль, 1975). Затем, переработанные и дополненные его варианты под названием «Выше смерти» – в журнале «Молодая гвардия» (1975) и в своей книге «Судьба писателя /Воспоминания и размышления» (Иваново, 2000). В каждой из этих работ автор уделил внимание встрече с Евгенией Манушкиной.

Сердюк не называет ни имени, ни фамилии собеседницы, начав очерк уклончивой деликатной фразой: «Ее зовут... Впрочем, не в имени дело. Она принадлежит к числу тех людей,

которые тихо несут в глубине сердца память о прошлом. Передо мной сидела немолодая уже женщина – жена (очевидно, муж к тому времени был жив. – В. Т.), мать, бабушка (тогда было «трое детей и внучка». – В. Т.). Пряталась, маскируясь в волосах, беспощадная седина. В глазах – усталость и грусть. Но в прямом твердом взгляде, в спокойном благородстве лица угадывались недюжинная сила и воля человека, много испытывавшего в жизни, умение владеть собой. Эти умные глаза, видимо, видели через годы – и его, и себя – юную еще, красивую, гордую и, чего греха таить, знавшую, что многие мальчишки почли бы за честь понести из школы ее портфель. Но час ее первой любви еще не пробил <...>»

«Скажи мне, ветер, не встречал ли девушку, как песенка моя?»... Теперь известно, что эти строки стали импульсом нарождавшегося у Майорова стихотворения «Ветер»:

Сквозной, он шел наперерез
жаре. И вопреки июльской лени
он взмыл в сухое небо. Лес
упал, взмолившись, на колени.
И с неба солнце пало в заводь:
неподалеку - так светла -
с полужакрытыми глазами
на пляже женщина спала.
Был след руки, как ложе мола,
и пели путано пески,
как ныла в этом сгибе голом
боль тяжелеющей тоски.
Тоски по лету, по воде,
по дрожи стесанных уключин,
по крику детскому. Но где
тот ветер счастьем был научен?
(1938. «Ветер»)

Виталий Сердюк нашел выразительную форму сохранения и передачи свидетельств Евгении, что-то органично переплавив в авторский текст, но бережно обрвав необходимое кавычками и скобками. Момент объяснения Николая Майорова в любви к

Евгении – не авторский домысел писателя, а точно передан с ее слов.

Евгения была его счастьем

Осенью 1936 года они, девятиклассники, возвращались из школы после литературного вечера. На нем Майоров прочел свои стихи:

Кончался август. Ветер в груши
бросал предутреннюю дрожь.
И спелый колос грустно слушал,
как серп жевал сухую рожь <...>
(1936. «Осень»)

Поэтический вечер завершали танцы. Когда Евгения осталась без подруг, рядом возник Николай и предложил: «Слушай, домой вместе пойдем»...

У палисадника дома он приостановил ее: «Постой!» и, сделав шаг, поскользнулся на траве, влажной от первого снега. Она тихо засмеялась. Отряхиваясь, Николай смущенно процитировал: «И я у ваших ног». А потом тихо произнес: «Знаешь... я люблю тебя, Жень».

«С тех пор, – вспоминала Евгения, – мы стали вместе ходить из школы домой. Московская улица, где я жила, вливалась в 3-ю Лежневскую, которая пересекает 1-ю Авиационную, его улицу... (ныне ул. Майорова. – В. Т.). С ним было <...> интересно. Оказалось, что он много знает, был необыкновенно начитан, знал наизусть много стихов. <...> Сейчас понимаю: он был на голову выше любого из нас, не по годам развит. И это – я знаю! – досталось ему непросто. Как часто он жаловался на нехватку времени! <...> И любил, как он сам выражался, – весомые слова. Стихи в нем жили постоянно».

В семье Майоровых росли только мальчишки – пятеро. Навыка общения с девочками у Николая не было. Пробудившееся чувство охватило его волнующей новизной. Евгения была его радостью, счастьем, что отзывалось порой сомнениями и болью.

Николай, в представлении Евгении, вероятно, сливался с образом художника-скульптора древности из его стихотворения «Рождение искусства»:

Он гальку взял и так раскрасил камень,
такое людям бросил торжество,
что ты сдалась, когда, припав губами
к его руке, поверила в него. <...>

(1939. «Рождение искусства»)

В том же 1939 году Николай Майоров создает стихотворение, снимающее все сомнения в жизненности его образов. Оно начинается так:

Я знал тебя, должно быть, не затем,
чтоб год спустя, всему кладя начало,
всем забытьем, всей тяжестью поэм,
как слез полон, ты к горлу подступала...

(1939. «Я знал тебя, должно быть, не затем...»)

В 1939 году у Евгении обнаружились признаки заболевания, стало часто приходиться недомогание. Она замыкалась в себе. Николай во время приездов домой и в письмах пытался вывести ее из этого состояния, приводил в пример собственные болезни, которые удалось преодолеть. «Помнишь, как я «куринкой» болел? Ты же знаешь, Шурка меня в школу провожал, и встречал. Врачи мне тогда говорили: витамин «А» не добираете, молодой человек. Ешьте больше сливочного масла, овощей, фруктов... Может, и ты чего-то не добираешь?..». Вернувшись в Москву, он создает стихотворение «Что значит любить» и пересылает его Евгении. Хотя это стихотворение стало хрестоматийным, приведу его полностью:

Идти сквозь вьюгу напролом,
Ползти ползком. Бежать вслепую.
Идти и падать. Бить челом.
И все ж любить ее – такую!
Забыть про дом и сон, про то, что
твоим обидам нет числа,
что мимо утренняя почта
чужое счастье пронесла.
Забыть последние потери,

вокзальный свет, ее «прости»
и кое-как до старой двери,
почти не помня, добрести.
Войти, как новых драм зачатые.
Нашупать стены, холод плит...
Швырнуть пальто на выключатель,
забыв, где вешалка висит.
И свет включить. И сдвинуть полог
крамольной тьмы. Потом опять
достать конверты с дальних полок,
по строчкам письма разбирать.
Искать слова, сверяя числа.
Не помнить снов. Хотя б крича
любой ценой дойти до смысла.
Понять и сызнова начать.
Не спать ночей, гнать тишину из комнат.
Сдвигать столы, последний взять редут.
И женщин тех, которые не помнят,
обратно звать и знать, что не придут.
Не спать ночей, не досчитаться писем,
не чтить посулов, доводов, похвал
и видеть те неснившиеся выси,
которых прежде глаз не достигал, —
найти вещей извечные основы,
вдруг вспомнить жизнь.
В лицо узнать ее.
Придти к тебе и, не сказав ни слова,
уйти, забыть и возвратиться снова,
моя любовь - могущество мое!
(1939. «Что значит любить»)

От этого страстного творения можно вести отсчет
обретения Майоровым собственного, узнаваемого,
«майоровского» поэтического голоса, в котором слиты воедино
мотивы искренности, заклинания и «звучание металла».

3. «Разлука, ты, разлука...»

Волнения восторженных встреч, переписка, горячие порывы – в стихах Николая. Они дышат молодостью.

Яростное солнце весны и ночные звезды, дикие травы, земля под ногами, речная заводь, дождь... Не случайно многие, пишущие о Майорове, невольно поддаются соблазну цитирования – иначе не передать волшебства его строк.

Николай испытывал трепет от жизненных событий и одновременно ощущал тревогу за здоровье Евгении и от предгрозово-обстановки в стране:

Через заросли крапивы и полыни
мы шли вдвоем. Дыханье пало с губ.
Шуршал песок, и где-то под обрывом
кончалась ночь, которая в мозгу
еще живет, еще пестрит и рушит
те доводы и ссылки на ничто,
которых нет понятнее и суше...

Я рядом шел. Она в моем пальто
казалась лучше. Ей оно пришлось,
как сну – фантазия и как слепому посох.
А ветер в ночь, разбросанно и косо,
сносил зеленый дым ее волос. <...>

(1940. «Обрыв»)

В семье задушевного друга Майорова, Кости Титова, отыскалась страница одного из писем к нему Николая (без окончания и даты, но, судя по тексту, относится к зиме 1939/1940 г., когда он поджидал приезда в Москву брата Алексея). Письмо раскрывает отношение поэта к Евгении. «Живем, Костюха, – писал Николай, – живем. В том, Костыка, и радость, чтобы мучаться и терзаться <...> Насчет лирики <...> Я никогда не стыдился своей любви – и впредь не постыжусь заявить любому <...>: – Да, я ее люблю, мучительно люблю! И ты веришь, ты меня знаешь <...> Я люблю ее и любил так, как, думаю, никого не буду любить...

Я высоко ценю ее – она редкий, хороший человек. Пусть – она не виновата, но я – тогда я виноват?... Но, Костыка, <...> поверь во всю мою искренность <...> что моей вины нет... Я ей писал, но что же, она мне целый месяц не писала, вдруг

присылает 10 куцых строк и мотивирует свое молчание: «...так, что-то не хотелось писать...». Нет, Костыка, тут и ты бы головой об стол стал биться... Но и после этого – я смиренен. Я молчу, терзаюсь, не упрекаю...».

Она ждала и после похоронки

Душевные муки Николая оправдывает настроенность и самой Евгении, выраженная в ее воспоминаниях. Являясь едва ли не самой привлекательной из девочек школы, она сохранила в памяти и передала свои впечатления о Майорове в годы своей юности: «Выше среднего роста. Казался немного... угловатым. Открытое лицо, чуть вздернутый нос, короткие брови, длинные ресницы и удивительные глаза с зеленцой, такие горячие, что казалось, у Николая всегда держится высокая температура. Девушки обычно проходят мимо таких внешне заурядных парней. Но в нем чувствовалась какая-то внутренняя сила, целеустремленность, доброта и основательность. <...> Ребята, бывало, ершатся, спорят до хрипоты, а он сидит в сторонке, улыбается и молчит. А когда спрашивали его мнение, говорил убежденно, доказательно. И к этому уже нечего было добавить. <...>

Я ведь тоже сначала собиралась поступать в один из московских вузов. Мне хотелось быть рядом с Николаем. Но родители беспокоились за мое здоровье, в Москву не пустили меня. <...> Настояли, чтобы я подала заявление в Ивановский химико-технологический институт. Я сдалась, хотя душа у меня к этому вузу не лежала. Вскоре бросила учебу. <...> (В архивах вуза какие-либо документы об этом пока не отыскиались. – В. Т.)

Однажды Николай показал мне фотографию девушки, с которой вместе учится в университете. Это была фотография Ирины Пташниковой. Почему он это сделал? Хотел сделать мне больно? Или, может, тут сыграло свою роль его уязвленное самолюбие? Если бы он знал, что творилось в моей душе...

О гибели Николая друзья долго не говорили мне. Об этом я узнала лишь летом сорок второго. И будто всё рухнуло... Мир для меня перестал существовать. Только тогда я вдруг со всей ясностью поняла, какое место он занимает в моей жизни. Окончилась война, а я долго ждала его...

В подготовленной для ивановских литераторов записке (см. предыдущие главы) Евгения Манушкина сообщила коротко о себе: «В том же 1941 я заболела базедовой болезнью. Но я была молода, смотрела на болезнь как на пустяк. <...> Когда началась война, я на время будто забыла о своей болезни. До себя ли было, когда такие страдания обрушились на наш народ. <...> По комсомольской путевке поехала на торфоразработки. Работали по колено в воде... Сама добраться до Иванова я уже не смогла. <...> Меня привезли. Сделали операцию. Во время ее был задет речевой нерв, я онемела. Полтора года не могла говорить. Ни слова...»

На обороте листка в конце воспоминаний втиснут абзац с ужатыми буквами: «Забыла. Меня всегда поражали его руки – удивительно изящные, руки интеллигента. Такие же руки были у его отца – плотника. Странно, как их не измяли, не изломали ни топор, ни рубанок. И сам Николай, насколько мне известно, никогда не чурался физического труда».

Творчеству Майоров отдавал все свои силы и помыслы. Свое кредо он выразил в стихотворении «Тебе», написанном незадолго до гибели. Пересланное не только Евгении (неизвестно, было ли оно в уничтоженной переписке), но и Ирине Пташниковой (разговор о ней – отдельная тема). Перед ним тогда, несомненно, были образы Евгении и Ирины. Пока, повторяюсь, нам неизвестно, что было написано Майоровым за время двухмесячного пешего перехода в маршевой роте и последующего его участия в боях. Если им было создано что-то значительное (в чем не приходится сомневаться), могла измениться и самооценка его места в поэзии. В этом случае стихотворение адресовалось уже более широкому кругу читателей, потомкам – с пониманием Майоровым вероятности роковых обстоятельств в своей судьбе.

Тебе, конечно, вспомнится несмелый
и мешковатый юноша, когда
ты надорвешь конверт армейский белый
с осьмушкой похоронного листа...
Он был хороший парень и товарищ,
такой наивный, с родинкой у рта.

Но в нем тебе не нравилась одна лишь
для женщины обидная черта:
Он был поэт, хотя и малой силы,
но был, любил и за строкой спешил,
и как бы ты ни жгла и ни любила, –
так, как стихи, тебя он не любил.
И в самый краткий миг перед атакой,
самим собою жертвуя, любя,
он за четыре строчки Пастернака
в полубреду, но мог отдать тебя.
Земля не обернется мавзолеем.
Прости ему, бывают чудачки,
Которые умрут, не пожалев,
за правоту прихлынувшей строки.
(1940-1941. «Тебе»)

Последняя встреча

Прощание Майорова с Евгенией выпало на самый тяжелый период – первый год войны, когда враг рвался к Москве. О событиях середины октября 1941-го свидетельствует его однокурсник по университету Александр Немировский: «Последняя наша встреча произошла в Краснопресненском военкомате 15 октября 1941 г.<...> Майоров, пока мы ожидали вызова, решил план просить военкома о направлении в Пролетарскую дивизию. <...> Но из краткого сообщения военкома <...> я понял, что план<...> нереален. Я вернулся домой. <...> На заре побросал в рюкзак <...> несколько рубашек, буханку черного хлеба, сборник стихов Пастернака, тетрадку со стихами Майорова (еще один адрес для поиска! – В. Т.), только что полученный диплом и навсегда закрыл для себя двери комнаты №21 и забил их досками».

А Майорову (ранее подавшему заявление об отправке его на фронт добровольцем) в военкомате посоветовали съездить «на денек» в Иваново – повидаться с родителями и близкими, пообещав известить повесткой на призыв.

В последний раз он приехал в родной город рано утром 16 октября 1941 г. В этот же день о получении повестки его

известили телеграммой из университета: время побывки действительно ограничивалось одни днем. В городе Николай объехал на велосипеде дорогие ему места. Был устроен прощальный «мальчишник». До этого побывал у дома «с узорчатым карнизом» на Московской. Название улицы символично совпадало с наименованием фронта, на который он уходил.

Прощание сложилось досадно. Именно в те предзимние дни (бывает же такое!) Евгения простыла на похоронах своей бабушки. С только что вымытыми волосами, в ненастную сырую погоду, родители не позволили ей выходить на улицу. «Зови в дом», – сказала Евгении мать.

Появление Николая, к тому же одетого в военную форму старшего брата, было неожиданным – Евгения растерялась, испытывала неловкость. А Николаю до поезда оставались считанные часы. Суровые будни войны еще не вошли в привычку, подвели молодость и волнение. Он в дом не зашел. Ограничили встречу (не осознавая, что она может оказаться последней) общением через стекло окна. Николай сказал ей последние фразы. На его вопрос – лучше ли ее самочувствие, она отрицательно покачала головой. Сказал, что уезжает по повестке, пришлет армейский адрес, как только определится с номером воинской части. Показал жестаами, что записку ей и свою фотографию он опустит в почтовый ящик.

«Это была наша последняя встреча, – делилась горькими воспоминаниями Евгения во время встречи с писателями. – Я не могла сказать ему даже «Прощай!» В записке он написал, что часть, с которой он направляется на фронт, стоит сейчас где-то под Владимиром (на самом деле – под г. Горьким – Нижним Новгородом. – В.Т.) и что его отпустили всего на день. А еще он писал, что если останется жив, найдет меня, где бы ни была. На фотографии он был изображен вместе с братом. Видимо, карточки, где бы он был один, не оказалось под рукой».

Многие письма и поэтические строки, которые летели в виде фронтовых треугольников от Майорова на Московскую улицу в Иванове, нам не известны. Последний приезд в город и его отъезд в тот же день, отражают адресованные Евгении перед

уходом на фронт стихотворные строки, которые сохранились благодаря ей.

Почти уверен, что в прощальной записке были именно они, пересказанные Евгенией прозой. Они вновь так похожи на клятву:

Я с поезда. Непроспанный, глухой.
В кашне измятом, заткнутым за пояс.
По голове погладь меня рукой,
примись ругать. Обратно шли на поезд.
Грозась бедой, невыгодой, концом.
Где б ни была – в толпе или в вагоне, –
я все равно найду, уткнусь лицом
в твои, как небо, светлые ладони.

(1941. «Я с поезда»)

Под этим строками почти наверняка можно проставить точную дату – 16 октября 1941 года. Через день он уже был в строю войсковой маршевой роты.

Говорят, поэтам подвластно переплавлять беды, крушения, сердечную горечь в драгоценные слитки. Из такого сплава рождены крылатые строфы программного стихотворения Николая Майорова – о себе и о своем поколении:

...Мы были высоки, русоволосы,
Вы в книгах прочитаете, как миф,
о людях, что ушли не долюбив,
не докурив последней папиросы...

И шли вперед, и падали, и, еле
в обмотках грубых ноги волоча,
мы видели, как женщины глядели
на нашего шального трубача...

(1940. «Мы»)

Он и сам был трубачом, ушедшим в бессмертие.

Из газеты Томского университета

«Это нужно не мертвым, это нужно живым»

В родном городе Николая Майорова Иваново побывала М. Балакина. Она встречалась с людьми, знавшими поэта, посетила дом, где он жил. <...>

Учительница русского языка и литературы, которая вела класс, где учился Николай Майоров до окончания школы, В.М. Медведева, вспоминает: «Светловолосый, голубоглазый, немного неуклюжий мальчик привлекал к себе своим открытым видом и любознательностью... Очень любил Николай писать сочинения. Писал обычно очень много и очень ярко, своеобразно... А однажды в переменку он подошел ко мне, и, смущаясь, вручил тоненькую голубую тетрадку. Это были его первые стихи...».

Кончался август. Ветер в груши
Бросал предутреннюю дрожь.
И спелый колос грустно слушал
Как серп жевал сухую рожь.

«Помню, любили мы втроем заходить в книжный магазин, — вспоминает школьный друг Н. Майорова Владимир Семенович Жуков. — Костя, любивший пошутить, обращался с серьезным видом к продавщице: «Скажите, книжка поэта Николая Майорова еще к вам не поступала?» — чем приводил в великое смущение Колю. “Ну как ты можешь, Костя”, — возмущался он, покраснеет...».

А вот как писал в записной книжечке о Н. Майорове Михаил Кульчицкий, знакомый с ним по Литинституту им. Горького, по поэтическому семинару: «Майоров — глыба. Пишет стихи, тяжелые, как камни, которые давят на нас и не дают нам говорить мелочью стихов».

Началась война...

В.С. Жуков рассказывает: «Вещь за вещь извлекались из сундука – армейские сапоги, гимнастерка, темно-синие галифе. Меня это крайне удивило. И я помню, сказал ему об этом.

— Ничего удивительного. Время такое! Сейчас и портянки найду, и портупею, говорил он, а за перегородкой плакала мать.

— Да ты не думай, что вперед глядел. Это все Алексея, ты же знаешь.

Старший брат Николая, Алексей, летчик-истребитель, был уже на фронте.

Наконец, все было найдено и надето. Я помог ему застегнуть портупею. С гражданской жизнью было покончено».

Вольфганг Казак

О творчестве Николая Майорова

«Его стихи отличаются большой страстностью и утверждением активности в жизни. Данное Майоровым описание Н. Гоголя, сжигающего рукопись, позволяет предполагать, что он и сам порой критически относился к собственным стихам. Сожаление о том, чего не удалось пережить, и мотив ранней солдатской смерти говорят о предчувствии Майоровым собственной судьбы. Лирика Майорова предметна, его язык большей частью жёсткий, немногословный, но, судя даже по немногим уцелевшим стихам, богатый».

Иллюстрации

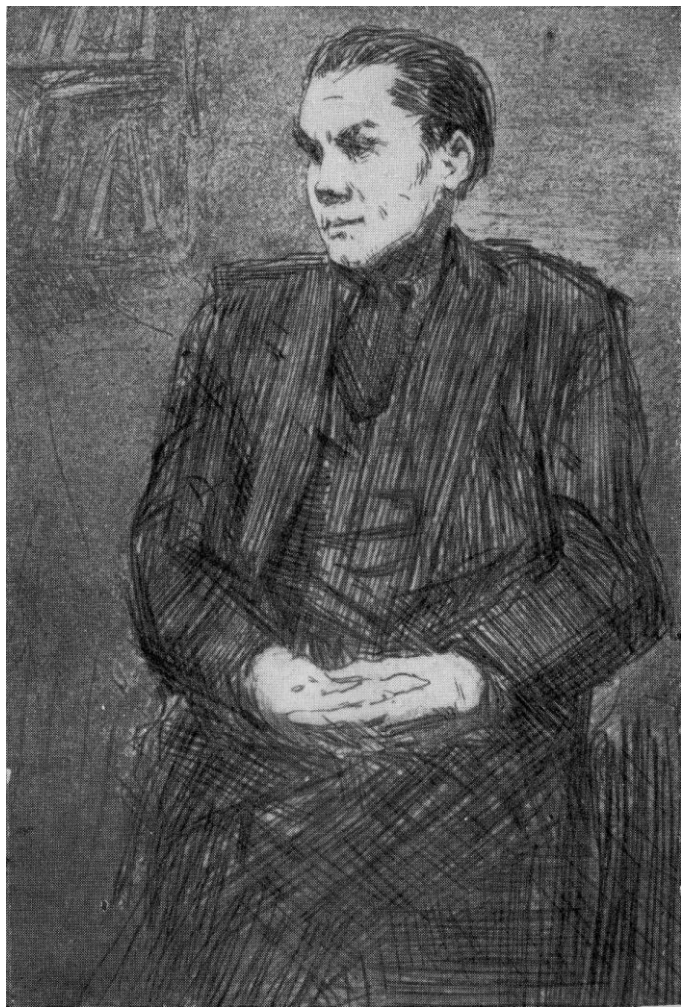
Николай Майоров. Студент МГУ.

Николай Майоров. 1940 год.

Н.Майоров. Рисунок Николая Шеберстова. 1939 г.

Н. Майоров. Рисунок Николая Шеберстова. 1939 г.

Николай Майоров. 1938 г.

Николай Майоров с друзьями возле дома, где жила семья Майоровых. г.Иваново. 1939 г.

Николай Майоров и Константин Титов. 1938 г.

Н. Майоров и В. Жуков.

Литературно-творческая группа студентов при клубе Московского государственного университета. Студент тов. Немировский читает свои стихи. Фото М. Олевский.

Фото из газеты «Правда».

Первое литобъединение МГУ.

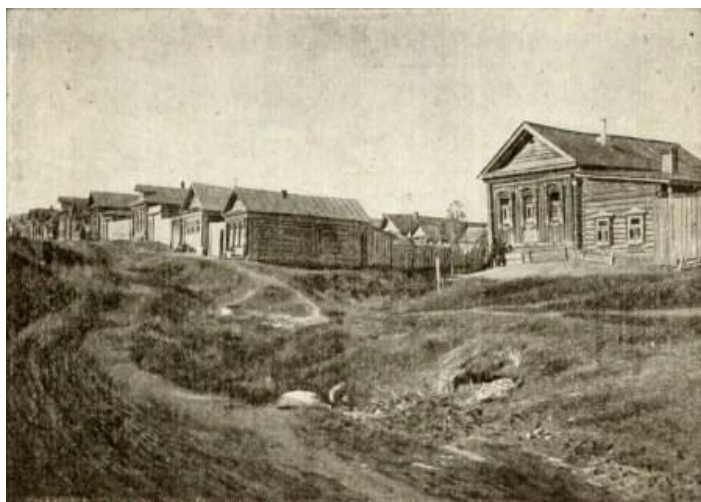
Подпись: Литературно-творческая группа студентов при клубе Московского государственного университета. Студент тов. Немировский читает свои стихи. Фото М.Олевский.

На фото: в левом нижнем углу – Евгений Долматовский, в левом верхнем – Николай Майоров; читает стихи Александр Немировский; второй справа от него – Николай Банников, вслед за ним – Ида Гершкович, студентка географического факультета (погибла на войне в 1943); человек в очках – Николай Борисович Зубков, позже – китаевед, главный редактор издательства «Восточная литература». Следующий за ним – Александр Яковлев (погиб на войне).

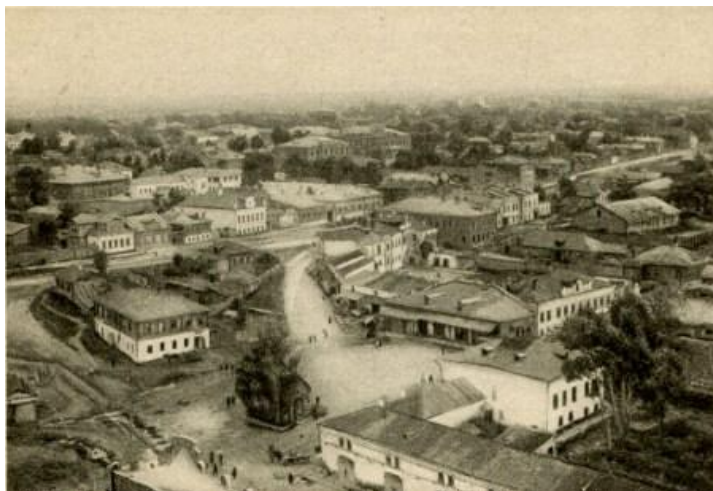
Это единственная сохранившаяся фотография первого литературного объединения МГУ.

Дом, в котором жила семья Майоровых. г. Иваново. Ул. 1-я Авиационная, 18. (Снесен в 80-90-х годах 20 в.)

Старое Иваново. Открытка (Ок. 1930 г. Изд. Ив.-Возн. Губкома МОПР).

Иваново. Общий вид города. Открытка (Ок. 1930 г. Изд. ГИЗ)

Бывшая начальная школа №5, где учился Н.Майоров. г. Иваново. Фото. А.Мельников.

Школа №33 (ныне №26), выпускником которой был Н. Майоров (1937-й год). г. Иваново. Фото. А.Мельников.

Семья Майоровых:

Отец Петр Максимович

Мать Федора Федоровна

Брат Алексей

Брат Иван (погиб на Великой Отечественной войне)

Брат Виктор

Брат Александр

По местам памяти

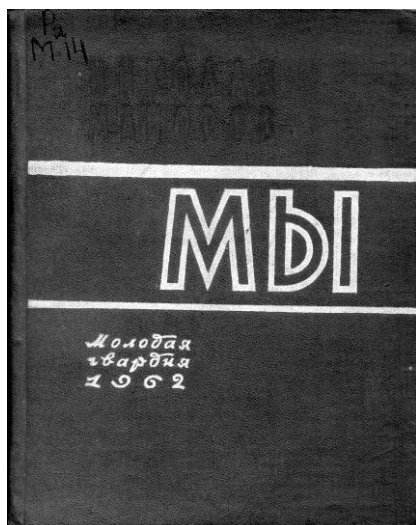

Мемориальная доска памяти московских писателей,
погибших во время Великой Отечественной войны. г.Москва.
ЦДЛ.

К этой фотографии можно только добавить: деревня Баранцево, Гагаринский район Смоленской области.

Памятный знак. д. Баранцево Гагаринского района
Смоленской обл. (Фото из книги Н.Черновой «Костры памяти»).

Обложка первого сборника
Николая Майорова «Мы». 1962 г.

Обложка сборника Николая Майорова
«Мы были высоки, русоволосы...». 1969 г.

Кармановский мемориальный комплекс. Могила №4.
Братское захоронение №4 (село Карманово) / [Электронный ресурс]. // <http://www.gzhatsk.net/memorial4/> (2013. 19 ноября).

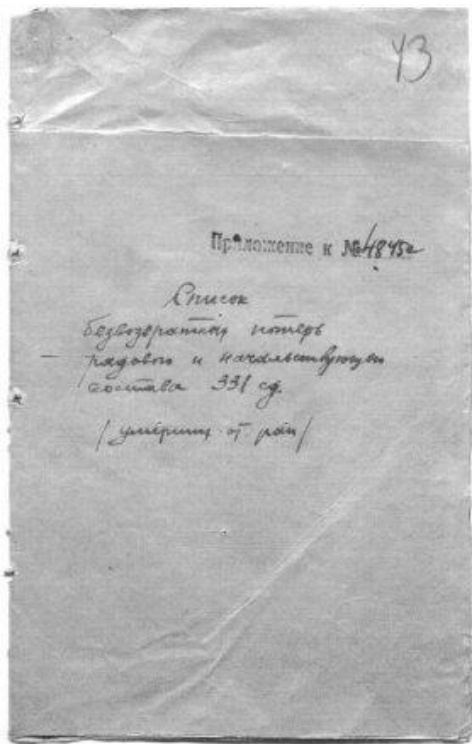
Памятник Николаю Майорову,
г.Иваново. Литературный сквер

УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА воинского захоронения		Приложение № 2 к директиве Министерства обороны СССР 1990 года №
		ТУСХР
		страна
		4
		номер карточки
1. Место и дата захоронения	В центре п.Карманово, Гагаринского района, Смоленской области.	
2. Вид захоронения	В 54-56 гг., 22.09.88 г., 29.10.89 г., 8.05.90 года.	
3. Размеры захоронения и его состояние	Братская могила № 4 Размеры захоронения - 100 x 80 м Состояние захоронения - хорошее	
4. Краткое описание памятника (надгробия) на захоронении	Памятник изготовлен из железобетона. На постаменте надпись: "Вечная слава героям, павшим в боях".	

Учетная карточка воинского захоронения.
п. Карманово Гагаринского района Смоленской области.
Братская могила №4. ([ОБД "Мемориал"](#))

- 123 -						
1	2	3	4	5	6	7
3444.	Мл. политрук	МАГОМЕДОВ Магомед Тагирович	1906	3.9.42г.	-"	д.Митуров
3445.	Кр-ц	МАТУРИН Яков Захарович		10.8.42г.	-"	д.Кашуны
3446.	Рядовой	МАЛАМОВ Мамедон	1922	5.3.43г.	-"	д.Соседово
3447.	Кр-ц	МАЛЮКОВ Абдул Магомед.	1921		-"	д.Махотино
3448.	Л-нт	МАЛЮКОВ Ал-др Афанасьевич		13.6.42г.	-"	д.Махотино
3449.	Рядовой	МАКАРЕН Михаил Васильевич		4.9.42г.	-"	
3450.	Рядовой	МАКИТОВ Галай Галамович		12.8.42г.	-"	д.Носовые
3451.	Капитан	МАКИТОВ Михаил Уланович	1905	7.3.42г.	-"	д.Долгое
3452.	Ст.серж-т	МАКУРОВ Григорий Макарович		17.8.42г.	-"	д.Пучкино
3453.	Кр-ц	МАЙОРОВ Василий Андреевич		8.6.42г.	-"	д.Политки
3454.	Кр-ц	МАЙОРОВ Иван Михайлович		6.5.42г.	-"	д.Потушки
3455.	Кр-ц	МАЙОРОВ Михаил Яковлевич		4.3.43г.	-"	д.Прилепы
3456.	Серж-т	МАЙОРОВ Николай Дмитриевич		4.3.43г.	-"	д.Прилепы
3457.	Кр-ц	МАЙОРОВ Николай Петрович		8.2.42г.	-"	д.Баранцево
3458.	Кр-ц	МАЙОРОВ Семен Павлович	1912	20.6.42г.	-"	д.Вуисели
3459.	Гв.рядовой	МАКАЕВ Сулейман Саидович		3.9.42г.	-"	х.Алексиновских
3460.	Л-нт	МАКАРЕН Михаил Семенович	1916	18.2.42г.	-"	д.Баранцево

Поименные списки захоронения.
№3457. Майоров Николай Петрович. (ОБД Мемориал./
[Электронный ресурс]. // <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=261309573>)

Донесения о безвозвратных потерях ⁵⁰.
 Список безвозвратных потерь 331-й сд. (ОБД Мемориал.

Донесения о безвозвратных потерях

Номер донесения 4845

Тип донесения Донесения о безвозвратных потерях

Дата донесения 11.04.1942

Название части упр. 331 сд

***

---

⁵⁰ ОБД Мемориал. / [Электронный ресурс]. // <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=50668677&page=20> 10. 12.13.

№ п/п	Фамилия, Имя и Отчество	Воинское звание	Должность и специальность	Место и год рождения	Категория Р.В.К. (класс опасности)	Категория и класс опасности	Где призван	Фамилия, Имя и Отчество Адрес семьи (на дату гибели)
38	Майоров Николай Петрович	Кр.-ц	Удостоен	г. Москва, 4 кв. 13, 1901	Являлся	Убит	г. Красно-Пресненский РВК	Жен. Кузнецова Н. и др.
39	Вдовин Николай Николаевич	-н-	В-н	Возвращен из п. 4, г. Иваново 09.02.1912	Красно-Пресненский РВК	Убит	г. Красно-Пресненский РВК	Отец Вдовин Николай Иванович
40	Майоров Николай Николаевич	-н-	В-н	г. Иваново, 1 кв. 18, 1912	Являлся	Убит	г. Красно-Пресненский РВК	Отец Майоров Николай Иванович
41	Солтискин Дмитрий Дмитриевич	-н-	В-н	г. Москва, 54 кв. 14, 1916	Являлся	Убит	г. Красно-Пресненский РВК	Жен. Фомичева Мария Ивановна

Из донесения о безвозвратных потерях⁵¹

Содержание донесения о безвозвратных потерях

Фамилия Майоров

Имя Николай

Отчество Петрович

Дата рождения/Возраст __.__.1919

Место рождения г. Иваново, 1-я Авиационная, 18

Дата и место призыва Красно-Пресненский РВК, Московская обл., г. Москва, Красно-Пресненский р-н

Последнее место службы 331 сд

Воинское звание Красноармеец – рядовой

Причина выбытия убит

Дата выбытия 08.02.1942

Название источника информации ЦАМО

Номер фонда источника информации 58

Номер описи источника информации 818883

Номер дела источника информации 483

© Логвинова Л.И., 2014г.

⁵¹ (ОБД Мемориал. / [Электронный ресурс]. // <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=50690886> – 10. 12.13)

Л691

Логвинова Л.И.: Мы даже смерти выше –
Москва, «LoToC»,
Подвязновская сельская библиотека, Ивановской области
2014. – 213 стр.

© Логвинова Л.И., 2014г.

Свидетельство о регистрации ООО «Литературный Клуб»
№ 214020700840 от 07.02.2014г.

Печать: Mandarin, Израиль, Нетания, hazuran д.4

Телефон: 0544564990, 0544564990 07.02.2014

Опубликована в авторской редакции.

Автор, редактор и составитель книги — Л. Логвинова

Электронная почта: miladny@mail.ru